

ворота - обо всём этом следовало знать и назавтра, опережая других, рассказать. Тянулись на того парнишку, что сурово из-под ладони смотрел с плаката "Пионер, береги каждый колос!"

Любопытство и мучительная детская зависть толкали на поиск. На сборе опять будут хвалить Фёдку с пролетарского края, вчера вечером четвертого вредителя выследил. Так или где-то так думал идейно инфицированный подросток, деловито собираясь в ночную засаду на чьих-то задворках.

Юное стукачество поощряли. Больше морально - добрым гепеусовским словом, заметкой в газете, ну иногда там книжки-игрушки. Из самых талантливых, имеющих солидный послужной мартиролог, лепили героев времени и командировали в Артек. Тема повального детского героизма украшала печать и кинохронику. В государственном киноархиве России, что в Красногорске, я нашел интересный документальный фильм об одной из таких реальных героинь - пионерке Оле. Фамилию называть не стоит. Она сдала ОГПУ своих родителей, которых по "закону о пяти колосках" расстреляли.

Столь жертвенный и по-советски благородный поступок поняли и оценили. Из родной деревни Олю увезли в город, где показывали в школах на торжественных линейках, представляя живым и невинным воплощением чисто советского патриотизма, дарили цветы под пионерские салюты; ровесники, выпытывая подробности героического подвига, хором клялись быть на неё похожими. Когда с героиней познакомились все школы Казани, дело было там, и ближайших окрестностей, девочку скинули в детдом, где ей в одиночку предстояло осознать весь ужас содеянного.

Намеренно не хочу заводить долгий разговор о классических пионерах-великомучениках - Павлике Морозове и Коле Мяготине, реальные прообразы которых босиком бегали по уральской деревне. Не хочу, потому что знаком с делами, сфабрикованными грязными руками, знаком с беллетристическим навозом, который выпрел из этой идеологической ботвы.

Освятить детское доносительство могли юные герои коллективизации с желательно трагической судьбой, таковых и сгондобили. Уральские чекисты и соцреалисты подсустились раньше других.

Нынешнюю ядовитость по поводу сыновнего предательства Морозовых считаю не менее аморальной, чем прежнюю гордость. Не собственный рассудок вел деревенскую зелень в сквернодействии, а чужая и подлая рука. Более того, по материалам дел сомнителен сам факт доносов. Удивительно то, что героический подвиг пионеров (донос или свидетельство на суде) выплывает только в делах, заведенных по факту их гибели. "При суде, - читаем в морозовском деле N 374, - сын Павел обрисовал все подробности на своего отца, его проделки". И это все! Слова взяты из справки сельсовета, затребованной следователем, ведущим дело об убийстве.

Действительно, Павел был на суде и пытался что-то сказать, хотя и не проходил по делу свидетелем. До этого заслушали злое выступление матери, которая показала на бросившего ее мужа всё, что считала достаточным для женской мести. "Жёны-героини, закладывающие антисоветских мужей, войдут в моду позднее, в тридцать последних. А на месте поступка сына после его смерти вырос пропагандистский баобаб. Чем выше по стволу времени, тем курчавее во лжи.

Жертвы они, жертвы в более высокой степени, чем взрослые их современники. Героями они стали потому, что "удачно", вскоре после показательных процессов над местной деревенской антисоветчиной, погибли. Не специалистом по симпатической магии, а способным мерзавцем надлежало быть, чтобы слепить из трагических событий героический сюжет. Мальчишек морально уродовали при жизни, а посмертно восславляли предателями семьи. Фальшивой героикой малолеток закрыли гнуснейшее преступление взрослых - преступление перед детством.

В реабилитацию изуродованных коммунизмом мальчишек приведу ещё один сюжет. Первое августа 1934 года. В Челябинске проводится областной слёт

пионеров-дозорников. Подобные слёты проводились повсеместно и даже всесоюзно. Областные журлаки дали в газетах фотографию пионерки Дуси Аксёновой и душещипательный рассказ о её подвиге. "Прут врезался в тело девочки... Эта встреча пионерского дозора из деревни Антошкиной Шумихинского района произошла 12 июля. В тот день кулачка Луканина избил пионерку Дусю Аксёнову и приказала ей никому не говорить о ножницах и мешке. Но пионерка-героиня не испугалась угроз кулачки..."

На днях Луканина будет стоять перед судом, а Дуся - делегат областного слёта пионеров-дозорников".²³

На слёт собрали более двухсот "героев". В президиум, как было принято, посадили под аплодисменты тени вождей московских и натурально секретаря Челябинбкома ВКП(б) Рындина, председателя облизполкома Советникова, секретаря обкома ВЛКСМ Раскина... Украшала президиум возведённая в сан областной героини Дуся Аксёнова.

Она изумлённо смотрела в украшенный портретами Павлика Морозова зал, на сидящих рядом больших начальников и старалась не забыть, в каком кармане спрятан подготовленный журналистом текст её выступления. Надо было рассказать о случившемся так, как написано в газете. Правду она почти забыла, а сожалеть по поводу того, что журналист наврал про побои и что у посаженной соседки остались сиротами две девочки, Дуся по детскому возрасту ещё не умела.

После приветствий от ЦК ВЛКСМ, оргбюро ВЦСПС (от имени 500 тысяч членов!), от обкома партии, НКВД и других друзей детства выступили сами герои. Все хвалили Дусю и обещали быть похожими на неё. Начальники пионердозоров рапортовали о числе задержанных и посаженных. После рапорта в адрес президиума отдавался пионерский салют, на который там искренне отвечали.

Секретарь Челябинбкома ВКП(б) Рындин говорил последним и о самом главном. Он похвалил Дусю и рассказал, что героев, похожих на неё, в Челябинской области уже много. Примером пошла Тоня Чистова

из Нязепетровска. Девочка написала в газету письмо о том, что её отец ворует с завода белое железо. Теперь отец сидит в тюрьме, а Тоня Чистова в этом зале. "Вот это новый человек! - отечески наставлял местный вождь, - вот какие у нас растут люди! Такими людьми мы хотим вас видеть!"

Вернемся теперь к Герасиму, Николаю и Михаилу Шармановым. Мы найдем их в предзаке Аргаяшского райуправления ГПУ. Арестовали их в тот же день по возвращении в деревню, а наутро переправили под конвоем в райцентр. И тут, ну что ты поделаешь, злую шутку выкинули окольные обстоятельства. Время подпирало к двадцатому числу, а кампания по внедрению "закона семь восьмых" шла в районе туго. Попадались, как на грех, какие-то убогие, мало пригодные для показательного судилища старушечии.

Практически выбирать было не из чего, и звонок из Губернского, сообщивший о факте с подозрением на групповуху, оказался весьма кстати. Срочно выслали наряд. Наутро надежды оправдались с лихвой - во двор ввели ладно сбитых бандитов. С таким материалом можно было работать.

Обвинение предъявили сразу же - хищение колхозного хлеба, подпадающее под указ от 7-8-1932. Наши мужики, считавшие случившееся недоразумением или самодурством сельсоветского председателя, тут не выдержали и взбеленились: "Какой указ, какое колхозное зерно?" Взыскующим спокойно объяснили суть указа - расстрел или десять лет. А обвинительный гарнир подавали по мере готовности. Вчерне версия сложилась как-то сразу. "Косили?" - спросили у каждого из Шармановых на первом допросе. "Косили, - ответствовали те, - но своё". Признание давало делу ускорение, и следователи, расслабившись, ехидно улыбались при слове "свое".

На следующий день стало ясно, почему. У колхозного дезертира Николая Шарманова надел, оказывается, конфисковали и передали родному колхозу "Революция". Когда выяснилось, что бумаг, подтверждающих сию метаморфозу, нет, обвинители от-

крыли было рты, но потом изящно подложили сущее под должное.

С местного начальства за халатность взыщется, успокоили обвиняемых, но есть специальное на этот случай постановление правительства. В любом случае николаевский надел давно предписано считать священным и неприкосновенным. На нашем наделе, полез в казуистику упрямый Герасим, колхоз не убирал осенью и не сеял нынешней весной, откуда же взяться колхозному хлебу. Раз земля де-юре общественная, деревенщине дали понять с кем она имеет дело, значит каждая былинка на ней есть достояние народное.

Для выявления материального ущерба, нанесённого пролетарскому государству, создали высокую комиссию - председатель колхоза, член правления и секретарь партийки. Очень заинтересованные персоны, обладающие богатым воображением и тонким политическим чутьем, установили, что пострадал примерно один гектар с видовой урожайностью 80 пудов. На месте был оформлен иск артели к обвиняемым на двенадцать центнеров хлеба. На нынешних посевах в колхозе уродилось до пяти без малого центнеров. А тут, видишь ли, падалица выдурела!

Протокол обыска солиден и красноречив, в двух дворах обнаружено почти шесть центнеров хлеба. "Рожь с братом и отцом с полей не воровал, - говорил на допросе Николай, - отец и Герасим никогда воровством не занимались, до революции отец батрачил... Откуда рожь у отца? Её дал Герасим, у него всё своё с собственного поля".

Две с лишком десятины отца и Герасима, убранные накануне и усложняющие следствие, из дела напроць выбросили. Его бы тогда не склеить. Прикинь председательскую видовую урожайность на законно убранную площадь - Шармановым самим в пору подавать заявление как потерпевшим. Да плюс двенадцать якобы украденных центнеров ржи. Надо бы три полуторки из райцентра вызывать. Сорок пудов с десятины, показанные Шармановыми, объясняли все.

Но Аннушка уже купила подсолнечное масло - ушёл рапорт в областную прокуратуру, озадачена местная печать. Следствие фатально покатилося в нужную сторону.

Общественное мнение не заставило себя ждать. Первой отреагировала Советская власть. "Справка дана гр-ну Шарманову Николаю в том, что он действительно обложен индивидуально, лишён права голоса и ликвидирован как класс в 1930 году, что и удостоверяется. Губернский сельсовет. Аргаяшский район".²⁵ Такую же под трафарет выдали остальным. Николаю добавлено, что состоял в колхозе "Революция", из которого в 1931 году сбежал, предварительно раскулачившись.

Следствию документы не понравились и власть тотчас характеристики усугубила. "Справка дана гр-ну Шарманову Николаю в том, что он в 1931 году пролез в колхоз "Революция" и вел агитацию, говоря, что колхоз не будет существовать, партия ведет нас неправильно, что колхоз - это крепостное право. Всяческими мерами пытался разложить колхоз".²⁶ "Ну вот, совсем другое дело!" - похвалили органы, такого подлеца и помимо хлеба не жалко прислонить к стене.

Польщенного председателя сельсовета понесло, он моментально накатал свидетельство, обозначив в конце даже свои партийные реквизиты. "Шармановы весной 1930 года практически развалили колхоз, спекулируя статьей тов. Сталина, в результате чего колхозники растащили скот и инвентарь по домам". А самый резвый старший брат (опять этот Герасим), следовало в доносе, говорил, что статья тов. Сталина вышла не напрасно, Сталин, мол, струсил перед крестовым походом папы римского.

За это-то обязательно должны шлёпнуть, прикинул автор. Партия ненавидела папу римского всегда, в то время аж до скрипа в челюстях. Через два года на нары отправят и председателя сельсовета Пряхина, но до изложения коллизий, связанных с таким печальным фактом, ещё три главы.

Газета "Карабашский рабочий" в статье "Не позволим кулакам расхищать колхозное имущество!" за подписью мифического Ник. Северного заклеили позором бывшего передовика медеплавильного завода Николая Шарманова и потребовала расстрела всех бандитов. Сволочь оказался передовичок-го, все, оказывается, это видели. И обвинение, и единое требование смертного приговора подавались от имени рабочих, но сопоставление текста статьи с одним протоколом допроса выдает с головой автора - политинспектора Карабашского ГПУ и сторожа, за которым прятался весь передовой коллектив.

Голос советской общественности загремел. На следующий день, крупным шрифтом известила газета, президиум Кузнецкого сельского совета полным составом единогласно потребовал расстрела. Президиум, забыла упомянуть газета, состоял из пяти человек. Маленькая деревенька, греющаяся ныне под самым брюхом "Сороковки" и более известная милым названием Тютняры, поди-ка и не знает о своем историческом вкладе в дело укрепления революционной законности.

Ситуацию держали на ежесуточном контроле. 18 августа основные силы Аргаяшского и Карабашского ГПУ нагрянули в колхоз "Революция". Срочно приглашенных убогих и преданных, кои обнаружили себя числом в восемнадцать душ, включая деревенский актив, назвали бригадным колхозным собранием и вынесли резолюцию - "с постановлением карабашских рабочих о применении к Шармановым высшей меры социальной защиты - расстрела солидаризоваться".²⁷

Перед отбытием пригласили на допрос четырех соседей обвиняемых. Двое оказались покладистыми, лишь попросили не разглашать деревенским содержание сказанного. Двое других наотрез отказались, о чём в сельсовет было дано соответствующее представление. Одного сразу же внесли в списки годных к высылке с краткой и неисправимой антисоветской характеристикой - кержак. С другими только побесе-

довали - не мог, вражина, помочь родной Советской власти!

К середине сентября месяца дело вызрело как огурчик. Позвонили в Свердловск, но оказались, увы, не первыми. Затянули с подбором уголовного кадра. Разъездные пожарные бригады областного суда, уполномоченные вести показательные дела по "закону о пяти колосках", металась по всему Уралу. Открытый процесс над Шармановыми состоялся только 28 сентября. Изложение приговора не требует комментариев. "Суд, учитывая политическую важность совершения преступления обвиняемых как особо опасных для государства и общества, решил применить к ним полностью постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года и подвергнуть к высшей мере социальной защиты - расстрелу (каждого). Применить полную конфискацию имущества. Председатель суда Максимов".²⁸

Определением судебной коллегии Верховного Суда РСФСР от 14 октября 1932 года приговор в отношении Шарманова Михаила и Николая заменен десятью годами концлагеря, Шарманова Герасима расстреляли.

И последний абзац в этом деле. У расстрелянного кулака-лишенца в пользу пролетарского государства изъято: "тулуп, прорезиненный плащ, часы настенные, одеяло стёганное, шуба, пара рубашек и калош, пальто суконное, две пары пимов, сани, три колеса, дуга, самодельный точильный станок и корова пёстрая (одна)".²⁹

Так делались показательные процессы. Их было немного, один-два на каждый из двухсот районов Уральской области. Персонажи для них подбирались очень тщательно, во избежание чувства жалости со стороны населения отбраковывали престарелых и малолеток. Обязательным считалось широкое освещение ситуации в местной прессе в виде тенденциозных досудебных волеизъявлений и откликов на приговор. Авторами погромных статей, как правило, являлись сотрудники ГПУ или прокуратуры. Все показатель-

ные процессы вели выездные бригады областного суда, и, естественно, приговор был один - расстрел.

Подрасстрельные дела следовало утверждать в Верховном суде, и до его окончательного решения приводить приговор в исполнение запрещалось. С материалами показательных процессов в Москве поступали так. Если факт воровства был явным или следствие проведено искусно и из-под шапки не торчат уши, утверждали смертный приговор всем обвиняемым.

Добавлю попутно, что при подборе уголовного кадра предпочтение всегда отдавалось групповому хищению. "Кулацкая банда" на суде смотрелась куда выигрышнее, чем вор-одиночка. Когда же дело отдавало мореной липой, расстрел давали тому, кто лучше изъяснялся в антисоветчине. Остальным давали червонец и великодушно отправляли в концлагерь.

К началу октября показательные процессы огремели, и суды перешли на режим тихой провинциальной жестокости. Отлетела в прошлое волокита, не надо было ждать выездной бригады облсуда. К местным судьям, наконец-то, вернулось чувство хозяина и вершителя судеб. Дела по "закону о пяти колосках" с вероятным приговором отправляли в Свердловск, где коллегия облсуда доводила их до ума. В ряде районов решили, что авторитета областного суда вполне достаточно и, после утверждения приговоров коллегией, осужденных шлёпнули. Так поступать нехорошо, отецски пожурела торопливых областная прокуратура, надо бы подождать решения Верховсуда.

И партийная, и судебная власть понимали, что творят. Даже последняя сволочь боится суда потомков. Большевики и их правопропагандисты тоже боялись. "Сведения по делам, связанным с законами от 7 и 22 августа, - строго обязывает Уралпрокуратура, - должны быть зашифрованы".³⁰

Сурово глядели в сторону тех, кто ослаблял вожди. Прошло несколько подстегивающих директив, на основании которых сердобольных следователей отсортировали. "За ряд грубейших нарушений революционной законности, - обычный сезонный доку-

мент той осени, - за притупление и искажение классово-вой линии, выразившееся в оправдании кулацких хозяйств по суду за кражу колхозного хлеба, нарсудью Шарыкалова с работы снять".³¹ У нас таких случаев, к счастью, нет, говорил на совещании председатель уральского облсуда Чудновский, но на коллегии Верховсуда приводились примеры, когда судьи вместо того, чтобы вынести смертный приговор вредителю, трусливо пускали пулю в себя.

Степень революционной преданности судов измерялась одним показателем - свирепостью. Поэтому провинциальные правозащитники сразу же, стараясь услужить и не отстать от соседей, подняли такой вихрь подрасстрельных приговоров, что ввергли в ужас даже власть предержащих. За первые шесть месяцев работы с "законом о пяти колосках" уральские суды отправили на плаху 763 человека. Коллегией Верховного суда СССР неоднократно указывалось, что местные суды во избежание упреков в мягкотелости просто тиражируют смертные приговоры по всякому пустяковому обвинению в краже.³²

Возмущение всего скорее вызывала не сатанинская свирепость, а факт перекладывания ответственности на московских чиновников. Не потому ли свыше 90% следственных дел преимущественно с подрасстрельными приговорами было уничтожено. Осторожненько раздвинем мох и заглянем в позеленевшую от времени глубину тихого судебного болота. Дело по обвинению Балтыкова Гарифзяна и Балтыковой Шамсии внешним видом, почерком и следственной манерой тянет на шедевр туземно-революционной законности.

События имели место быть в деревне Сюзана Бардымского района (под Сарапулом) и начались несколько поэтически. Нахиба, младшенькая, играла во дворе у стен соседского амбара, который полтора года назад со ссылкой хозяев стал колхозным. Очень наблюдательная, как и всякий голодный, девочка заметила, что куры, нырнувшие под амбар, вылазят обратно повеселевшими, бойко отряхиваются и даже проявляют интерес к петуху. Рыть пришлось

недолго, и к полудню лаз был готов. В щель между половицами тихо струилось зерно. Напоточив карманы ржи, Нахиба вылезла и замаскировала ход.

Старший брат, узнав об открытии сестренки, велел той молчать, а в вечер отправились на дело вдвоём. Под амбар снова полезла сестра, ход был узенький, брат отнёс сумку ржи домой. Тут же договорились под амбар без надобности не ходить. Сестра не выдержала и на следующий день, жалея голодную семилетнюю подружку, прямо при ней слезла в закрома и высыпала в маленькую пригоршню горсть зерна. Та, глупая и радостная, вылетела на улицу...

К Балтыковым пришли вскоре. Гарифзян начал было отнекиваться, заявил, что давно любит Советскую власть и она его тоже, в подтверждение чего показал депутатский мандат районного съезда Советов. Мандат сунули в плоскую полевую сумку и велели собираться. У Шамсии ни льготных бумаг, ни жилистных нервов не было, и она от дурных предчувствий разрыдалась.

Родителей увели, а непосредственных исполнителей преступной акции пригласили к допросу. Протокол допроса Балтыковой Нахибы открывают анкетные данные. "Возраст - 11 лет, социальное положение - дочь кулака раскулаченного, род занятий - дочь кулака, имущественное положение - дочь кулака, семейное положение - несовершеннолетняя".³³ По существу дела Нахиба показала, что под пол амбара ходила с разрешения матери. Так перевел всхлипывания малолетней преступницы толмач. "В дырочку пола мне насыпалось зерна..."

Тринадцатилетний брат Гафият на допросе признался, что ходил под амбар с сестрой, но пионером оказался никудышным, твердо заявив, что ни мать, ни отец ничего об этом не знали.

Приглашенная на допрос семилетняя подружка Нахибы как только увидела дяденьку в портупелях, дала невоспроизводимого протокольно реву. Следователю оставалось только ласково задавать вопросы, в ответ на которые не понимающая ни слова по-

русски девочка испуганно кивала. Услуги толмача, подписавшего протоколы допроса старших, тут не понадобились. Можно обвинить меня в вымысле деталей. Но каждый нормальный человек поймет, что дело было именно так. Протокола допроса девочки в материалах нет, однако обвинительное заключение опирается на ее показания, как на протез.

Тем временем на родителей жарился компромат. Экстренным заседанием Батырбаевского сельсовета было установлено, что Балтыков Гарифзян до революции имел середняцкое хозяйство, а в настоящее время это новый советский кулак. Из справки, поступившей вслед за этим, явствовало, что обвиняемый "разбазаривал своё имущество, а сам дезертир". За несдачу твёрдого задания в прошлом году оштрафован четырехкратно, и пришло время "через 24 часа изъять имущество и передать дело в суд для привлечения к ответственности".

У нового советского кулака Балтыкова конфискован "дом, топор, два серпа и скородка". Гарифзяну и Шамсие дали по десять лет концлагеря. Детей поместили в Сарапульский детприёмник.³⁴

Следственное дело по обвинению Чапкасова Севостьяна Лукича, жителя Куединского района (Пермская обл.), в хищении общественного имущества совсем серенькое. Ни основной темой, ни бытовой обстановкой, в которой вызрело преступление, ни приговором, наконец, оно не выделяется. Кроме архивных реквизитов на титуле нет привычных отметок проверяющих инстанций, скорее всего, что после следователя его уже никто не открывал. Область и Москву дела, заканчивающиеся не расстрелом, интересовали мало.

Самым заметным документом дела является, пожалуй, акт председателя колхоза "Броня". Назначенный на место посаженного предшественника кладовщик мыслил конкретно и хорошо умел только заполнять накладные да писать акты на списание материальных ценностей. В акте на списание Чапкасова Севостьяна было указано, что поименованный имел до революции корову, лошадь, одну двенадцать

тую часть водяной мельницы и четверть молотилки. Развёрнутое обвинение кладовщик-выдвиженец закончил политически изысканно: "Просим привлечь преступника и растратчика к строгой ответственности как хищника колхозного имущества". И посоветовали судьям дать бывшему кулаку расстрел.

Теперь вместе со следователем послушаем обвиняемого. Ранней весной тридцать второго у Чапкасовых отобрали в колхоз двух коров и до сих пор не вернули. Начал было возмущаться, но в сельсовете пригрозили выслать. Сослать не сослали, но с первым же нарядом на принудительную вербовку отправили в Свердловск на стройку. Летом вернулся в деревню. По материалам дела не установишь - не доработал ли положенный срок или не вовремя приехал домой, когда в колхоз уже с бухты-барахты не зачисляли. Власть стала строго контролировать контингент колхозников, подлежащих авансированию. Может, просто бумаги затерялись. Так или иначе, но завис человек в голодном пространстве без документов и работы.

Под концлагерь подвели свои же кормилицы. "Бывшие мои коровы были в колхозе, - дословно по протоколу допроса, - но как-то в июле открыли ворота и сами вошли во двор, а жена моя возьми да и подои их..." Приговор от 10 января 1933 года - десять лет и конфискация всего имущества: пять грядок, два ведра, рукомойник, топор, два чугунка, две подушки, одеяло, две юбки, два сарафана.³⁵ Сам обвиняемый ходил в последнем. Как тогда говорили, что к Введенью, то и к е..ню.

Смягчающим до лагеря обстоятельством признали, видимо, то, что коровы сами спровоцировали супругов Чапкасовых на роковой поступок. Надо бы, на всякий случай, предупредить студентов-зоотехников, по нищете навадившихся, как два голода назад, доить деревенских коров, что пасутся на газонах нашей сельхозакадемии.

Те же десять лет концлагерей, но с глубокой благодарностью принял от власти наш земляк Васильев Ефим из деревни Хохлы Шумихинского района. Бри-

гадир поймал его с ведром колосков. В сопроводительной записке, направленной в прокуратуру, местные власти настоятельно просили дать преступнику расстрел. В деле была своя изюминка.

На государственном варварстве кое-кто грел корыстный интерес. Год выдался неурожайный. Через засуху и ужасающую колхозную бесхозяйственность проглядывала голодуха. Да и "закон о пяти колосках" доказывал, что партийное и государственное руководство страны уже смирилось с неизбежностью голодомора, поэтому под страхом смерти предельно концентрировало хлебные ресурсы. Многим стало ясно - плановые заготовки никак не выполнить, значит полетят по свежему снегу головушки холопов и ответработников. Одни привычно и безучастно уповали на судьбу, другие пытались сбросить с плеч хотя бы часть ответственности.

В дело Васильева Ефима вложили полезную и приятно дополняющую просьбу информацию о том, что в колхозе имени Махова, где числился обвиняемый, за время уборочной потеряно от срезания колосьев около 150 пудов хлеба. Скоро сотни пудов и центнеров, якобы потерянных от хищений, стали повальной модой в следственных делах по "указу семь восьмых". Теперь понятно, почему руководство колхозов и сельсоветы старательно отлавливали хищников и слёзно просили дать им вышку. Расстрел придавал взятым с потолка потерям характер судебного зафиксированного факта. В последующие дюже лихие времена кое-кто, благодаря своевременно осмысленному маневру, сам вывернулся от летального исхода.

В нашем случае полтора пуда прозвучали убедительнее ведра колосков, и просьбу общественности уважили. 12 ноября 1932 года Ефиму Егоровичу вручили под расписку копию приговора с путёвкой на тот свет. Просидев в камере смертников ровно, день в день, месяц, получил известие о замене расстрела концлагерем. Дело тут не в милосердии члена Верховного суда Нахимсона, подписавшего спасительную телеграмму. Просто в следственных документах не оказалось акта конфискации.

А его и не могло быть. Васильев был гол как сокол с тех нор, когда пришел из Красной Армии, в которой защищал новую власть от Колчака.³⁶

Следственное дело по обвинению Дерюшева Еремея Евлампиевича, жителя деревни Колюшево Сарапульского района, можно отнести к классике советского правосудия. Оно могло бы стать и классикой социалистического реализма, попади в мастеровые руки. А что? События здесь развиваются в закономерном историческом векторе, антагонизм классов доведен до цвета побежалости, и финал, несмотря на трагические нотки, звучит жизнеутверждающе.

Характеристику обвиняемого расшифровывать не буду. Махровый в прошлом кулак, тусклый осколок прошлого, большой семейный куст которого в тридцатом сослал на Север. Анкета положительного героя безупречна: "Холмогоров Иван Александрович, образование - два класса сельской школы, социальное положение - бедняк, род занятий - ученик, партийность - пионер".

"После кина иду я домой часов в двенадцать ночи, - старательно выведено мальчишкой, - смотрю - идет Дерюшев Еремей и несет один аржаной сноп..." Далее события уходят в чистый детектив. Злоумышленник тоже увидел мальчишку, положил сноп на землю и забежал в собственный двор. Укрывшись за столбом ворот, стал ждать, когда пройдет неожиданный свидетель. Пионер пошел на оперативную хитрость, завернул за угол, но тут же присел за палисадник и продолжил наблюдение. Преступник выскочил и, боязливо озираясь, упёр сноп во двор.

Из Вани Холмогорова успели выделат хорошего пионера, и он, да прости его Бог, утром рассказал всё кому надо. Хищнец варил аржаную кашу, когда за ним пришли. Обвинение по "закону о пяти колосках" и обещание расстрела он встретил совсем спокойно, будто знал, что всевышний его спасет. 20 января 1933 года, за неделю до суда, Еремей Евлампиевич умер в камере исправдома. Ему было семьдесят девять лет.³⁷

Читателю может показаться тенденциозным подбор следственных дел. Нет, они взяты подряд из тех материалов, что сохранились в уральских архивах и имеют отношение к деревне. Дуреломной была сама действительность. Первой жертвой оставалась деревня, а в ней - крестьянская старость. В тридцать втором страна катилась в бездну. Другие разберутся, что стояло за классовой борьбой во времена иные, тогда же она выродилась в прикрытую высокой фразой собачью грызню за кусок хлеба, за право выжить.

Колхозников ещё как-никак авансировали, не давая умереть с голоду. А весь несоциалистический угол деревни Советская власть "законом о пяти колосках" просто списала со счетов бытия. Мы подошли к другой тихой подлости коммунистического режима. Не воровство стало причиной принятия безжалостного "закона", а наоборот.

Насильственный перевод колхозов с распределения по едокам, все-таки спасавшего деревенскую нищету, на строго контролируемое властью авансирование оставил всех неработающих наедине с голодной смертью. Отныне всякая благотворительность со стороны артелей подпадала под хищение государственного и приравненного к нему имущества. В ту же сторону дуло запрещение любой частной торговли хлебом.

В августе вся опухающая от голода деревенская убогость выползла на поля. Вначале смиренно собирали колоски с убранных полей, естественно, колхозных. На полосе единоличника шариться столь же безнадежно, как, допустим, перебирать пустые ящики из-под водки в коммерческом магазине. Однако кремлёвские плюшкины, пустившие по ветру оживающую страну, нашли собирательство противозаконным и выперли старых с угодий. Взамен нагнали школьников, найденное ими называлось пионерским вкладом в урожай. Насобиравших больше других ласково гладили по головке, тем же, кто убирал эту полосу, грозили голову снять.

Старики, в силу-необходимость, говорят у нас, стали красть. Злейшими врагами социализма объяви-

ли “парикмахеров”, тайно срезавших колосья. Уголовный промысел “парикмахеров” мне хорошо знаком, могу сказать о нем довольно квалифицированно. До ночи обычно пережидали в лесу, по темноте выползали к хлебам и аккуратно срезали колосья. Делать это надо было с толком. Если есть куда спрятать солому, срезали пониже, чтобы не оставалось комельков.

Когда полоса стояла на отшибе, ничего не подлаешь - режь самые верхушки, но обязательно вразброс. Крайние колосья никогда не трогали, сразу заметят. Чтобы на полосе не оставалось видимых заминов, вглубь посылали маленьких. Возвращались ночью, минуя дороги и возможные места засады, избегали дважды резать в одном месте.

Мы с мамой в сорок седьмом нашли место - кради, не хочу. Днём уходили на пожаровское займище и собирали вызревшие шишки камыша, просушенным пухом которых вся деревня набивала подушки. Тогда мы ещё не знали, что они очень стильно смотрятся в высокой хрустальной вазе. Ночью выбирались на ближнюю полосу страдовать. Колосья не резали, а продёргивали вместе с корнями. Сноп уносили с собой в займище, обмолачивали, солому без опаски выбрасывали. Знали - по воде и собаке не взять след.

Объездчиков с собакой все боялись, а ну как приведёт к дому по росистому следу. Мама ночью уходила в деревню порожняком, а я днём и внаглую тянул большой мешок с шишками, внутри которого был спрятан узелок. Между деревней и болотом хлебов и охраны не было. А сытому в голову не придёт, что займище можно пройти насквозь. Ночью зерно мололи на рушалке (деревянная ручная мельница с чугунными клиньями) нашей одинокой хозяйки Веры Пылыгаловой и подмешивали в разный травяной отвар. Хозяйка, у которой мы квартировались, была такой же нищей, беспартийной и совесть имела вполне человеческую.

Документально пройдуся по “парикмахерам” только одним делом. В деревне Скоблино Юргамышского района на колхозном поле орудовала “кулацкая

банда”. Её спугнули. Сторож, охранявший поле, на следствии нёс что-то про плохое зрение и осечку ружья. Благо, что молодёжной засадой на околице удалось поймать одного из преступников - Петра Махнина. При нём оказалось ведро проса. От него чисто дедуктивным методом вышли на остальных.

На скамью подсудимых сели: Дудина Вера - 45 лет, Репнина Татьяна - 56 лет, Дудина Парасковья - 70 лет, Дудин Леонтий - 77 лет и известный вам Петр Махнин - 80 лет. Приговором областного суда от 12 декабря 1932 года преступницы подвергнуты лишению свободы на десять лет каждая с конфискацией имущества. Мужикам удалось обмануть советское правосудие, оба умерли до суда в камере Курганского исправдома.³⁸

Из многих уголовных дел, связанных с хищением святой и неприкосновенной, следующее дело будет, пожалуй, самым классическим. В нём совершенно нет криминальной экзотики и даже тех обстоятельств, которые выходили бы за рамки ежедневной колхозной обыденщины.

Итак, деревня Кокушки Исетского района (ныне Тюменская область), 17 ноября 1932 года. Колхоз “Коммунар”, на 80 % бабий. Когда в молотилке что-то заклинило, бригадир Осколков Яков отогнал голодных работниц от вороха зерна и половы. Те, прячась от холода, нырнули в скирду соломы. Занятый ремонтом агрегата бригадир, тем не менее, заметил, что сначала Викулова Наталья, а затем Викулова Апросинья подбежали к ворохам и нагребли что-то в корзины, которые, оглядываясь, зарыли в солому.

“Обнаружили, - читаю показания этого тридцатилетнего, но глупого мужика, - по 10 фунтов пшеницы у каждой... У Викуловой Апросиньи пшеницу изъяли и высыпали в ворох”. Вторая, гласит протокол освидетельствования, высыпала украденное сама. По короткому ли уму, а может, по злой душе бригадир вызвал уполномоченного ГПУ. Чем, собственно, всё и решил. Баб немедленно арестовали. Напомню,

по указу не имело значение то обстоятельство, воспользовался результатами кражи или нет.

Обвиняемая Викулова Ефросинья Герасимовна, 22 лет, показала, что "действительно нагребла в колхозе мякины с дороги, а не пшеницы, пшеницы совсем не было". Вторая обвиняемая - Викулова Наталья Ефимовна, 25 лет, тоже утверждала, что нагребла мякины, а не зерно. Свидетели ничего вразумительного сказать не смогли. Куда и зачем ходили бабы, никто не знал. Видели лишь то, что одна из них высыпала что-то в ворох отходов.

19 ноября 1932 года народный суд Исетского района приговорил каждую из обвиняемых на десять лет заключения. На суде бабы просто ревели, у Натальи Викуловой уходила в сиротство семимесячная дочь. Сомнительность самого факта кражи и просьба жителей деревни простить молодух судом во внимание не были приняты. Судьи хорошо знали политическую суть дедушкиного указа, состоящую в том, чтобы напугать деревню до смерти.

По приговору у Натальи конфисковали в пользу государства дом, амбар, конюшню, стайку и корову - всего на 530 рублей. Остальное имущество обобществили в колхоз "Коммунар". У её поделщицы отобрали имущества на 460 рублей, не считая ушедшего в родную артель.

30 января 1932 года уголовно-кассационная коллегия областного суда оставила приговор без изменения. Оставлено без ответа коллективное письмо жителей деревни Кокушки. 4 марта 1933 года в правление колхоза пришла открытка, на рисунке веером разлетались самолёты. "Посылая письмо воздушным путём, - призывал плакат, - способствуешь мощному росту авиации СССР!" Но обороте открытки сообщалось, что 4 марта Викулова Наталья и Викулова Ефросинья благополучно прибыли в Пермский домзак.

Вот так - расстрелами да концлагерями вбивали в нас чувство общенародной собственности. Вбили до животного страха, глубже сознания. Теперь и не ясно, то ли инстинктивный страх, то ли боль обнажен-

ной совести, возвращенной той же вседержавной бедностью, не дают кинуться в свору жадно приватизирующих и отхватить ломоть священной и неприкосновенной. С души тянет, слишком долго и щедро плачено судьбами за то, что сейчас так легко липнет к суетливым и очень немозолистым рукам.

Если ты так умен, говорят смешливые американцы, то почему такой бедный. Хмурому соотечественнику заокеанского юмора не понять. Россия навечно избрала свою нищету. Никакой видимой связи ума, тем более труда, с собственностью у нас давно нет. Интеллектуально одаренные тлеют в гордости скудобытия. Велика беда - штаны заштопаны в середьше! Если шагать не размашисто, то и не видно. Их отдающий нафталином багаж во времена, когда бал правит похотливость, годен разве что для внутридушевного самоистязания. Эти будут смиренно копаться в себе либо за гроши эстетизировать чужое распутство.

Вернёмся к нашему историческому материалу. "С момента издания закона от 7 августа 1932 года, - читаем в текущем отчёте Уральского облсуда, - общее количество осуждённых увеличилось на 15 884 человека... За период с августа 1932 года по май 1933 года осуждено 17 643 человека. Нарсуды с момента издания закона к его применению относились весьма осторожно и проводили в жизнь более или менее дифференцированно. Были случаи недооценки закона и его политической сущности.

За применение мягких мер социальной защиты облсудом вынесены выговора ряду судебных работников. Снят с работы нарсудья Чунарёв, член партии с 1917 года, нарсудья Мочасова - как оппортунисты, проводившие на практике мягкую карательную политику по делам о хищениях социалистической собственности, нарсудья Зимин - за оппортунистическое вынесение приговоров. За мягкость приговоров коллегией облсуда было отменено 1 535 приговоров. С постановления Наркомюста от 10 февраля 1933 года отмечается перелом в судебной работе в сторону

увеличения применения статьи 162 к делам о хищениях социалистической собственности".⁴⁰

Поясню этот юридический ход. Беспощадность провинциальных судов прямо-таки обескуражила Москву. Смертные приговоры подешевели, вошли в привычку и были поставлены на короткий конвейер - следственное дело, приговор, утверждение списком на коллегии областного суда и в столице, если дело заканчивалось высшей мерой социальной защиты.

Пресса сифонила в такт репрессиям. "Общее собрание бригады № 1 колхоза "Красный броневик" к вора колхозного хлеба требует применить высшую меру наказания!" Или: "Рабочие кожзавода требуют расстрела преступников и обязуются в ответ на классовую месть укрепить трудовую дисциплину, ряды общества содействия обороне, повысить классовую бдительность!"⁴¹ Ну как тут не уважить рабочий класс и трудовое крестьянство? Газетные заметки, старательно вшитые в дело, шли за документальное свидетельство общественности и выводили обвиняемых на плаху. Рабочие того же кожзавода и слухом не слыхивали о преступниках из далёкой деревеньки. Их волю выдавил из секретаря партячейки редактор местной газеты.

Большинство изуверских резолюций до суда и от имени трудового народа были фальшивками, которыми партийные органы промышляют доныне. Но были среди них и настоящие. А чему удивляться? За пятнадцать лет Советской власти народ остервенел до неузнаваемости. Мужики, недавно достойно торговавшие с Европой, дошли до кровавой драки за кусок хлеба. Да подсунь такую резолюцию под обещание хлебного аванса - голодный колхозник и минуты думать не будет, подмахнёт разом.

"Перестреляют всех, черти!" - подумали в Кремле и Наркомюсте. Но ругать или пугать судей не стоило. Их усердие даже радовало и работали они на износ. Верхи понимали - пошли сейчас погромную директиву, и суды послушно завалят и всю революционную законность, и хлебозаготовки. Поэтому зимой тридцать третьего Наркомат юстиции остороженько

скорректировал местных карателей на применение статьи 162 УК, в которой расклад сроков заключения был не менее впечатляющим, но без скорого летального исхода.

Промежуточный результат работы, констатирует отчёт Уральского облсуда на май 1933 года, 763 приговора - расстрел, 961 - десять лет заключения, 305 - меньше десяти лет, 165 - принудительные работы. "Основной контингент осуждённых - трудящиеся, колхозники, середняки, бедняки - 8 163 человека - 74%. В основном колхозники - 3 616 человек. Кроме того проводились суды и по другим кампаниям. Число осуждённых по хлебозаготовкам, налогам и т.д. составило 27,7 тысячи человек, в том числе 171 человек к расстрелу, 11 тысяч человек - от пяти до десяти лет. Среди всех осуждённых - около 50 тысяч человек - 87% трудящиеся".⁴²

Если кому-то приведённые цифры покажутся неубедительными, такие, мол, нагнал страхи, а расстреляно "всего" около восьмисот человек (без шлёпнутых по другим хлебным делам), то сначала подчеркну, что речь идёт о полугодовых итогах, когда уральские суды только-только раскачивались. И уж потом скажу главное - не тут зарыта собака, а в самом отчёте.

Экономическое образование культивирует заложенную в человеке скупость, медицинское - мягкосердечие, доброту, а образование юридическое придаёт врождённой жуликоватости характер профессиональной изворотливости. В отчёте уральских юристов сказано, что по закону "о пяти колосках" осуждено более семнадцати тысяч человек, а приговоры даны на две с небольшим тысячи осуждённых. Ведь только классово однокровных трудящихся прошло по суду более восьми тысяч. Где же остальные пятнадцать тысяч преступников? Оправдали? За такую оппортунистическую слизь весь персонал уральского правосудия до поломоек поставили бы к стенке.

Да нет, хитрее было дело, хитрее! Тысячи судебных дел ждали утверждения в коллегии Верховного суда. Там тоже работали не лошади. Умножьте-ка

толпу уральских осуждённых на число краёв и областей необъятного Союза. На слух выйдет где-то пулёмётная недельная очередь. А ведь каждое дело нужно зарегистрировать входяще и исходяще, хотя бы для видимости полистать, написать резолюцию, оприходовать итоги... Осуждённые в сентябре по свежему указу ждали решения своей судьбы порой по три-четыре месяца.

Однако большая часть дел консервировалась в Свердловске. В обкоме партии и областном суде рисковать не любили. Прежде чем отправлять документы на коллегию Верховного суда, жизненно важно было знать степень ожесточения карателей столичных. И то понять, не по надоям же отчитывались. За материалы показательных процессов не боялись, приговоры по ним и шли в отчёт. Не один Урал, все края и веси ждали полугодовой отчёт Верховсуда и Прокуратуры СССР, чтобы скорректировать залежавшиеся приговоры под среднесоюзный уровень уголовной культуры.

Местные исправдомы и предзаки молили партийное руководство что-то сделать - до расстрела или концлагеря многочисленную преступную рать нужно было кормить и охранять. Чёрт с ним, с питанием. "Не хватает надзирателей, - бьёт челом об обком уральское ГПУ в конце тридцать второго, - их в три раза меньше, чем того требуется". Вскоре власть примет радикальные меры по разгрузке закрытых мест заключения. Но об этом позднее.

Сложная это штука - юриспруденция, не уму она подвластна, а терпеливому осязанию. "Мне сначала дали пять, - вспоминает сосед-рыбачок про год сорок седьмой, - за ведро гороха. Отсидел два года, добавили два. Стало восемь". "Как это, - удивился я, - что-то тут с арифметикой не лезет". "Сразу видно, что не сидел, - разочарованно ответил сосед, - плохо петришь". Уж потом, когда закурили, дед лукаво улыбнулся и пояснил: "Коэффицент два-то, а ишшо учёный!" Правда твоя, Иван, если из десяти лет заключения вычсть два отбытых, получится где-то семь-восемь.

Пятнадцать лет кряду, до указа сорок седьмого, "закон о пяти колосках" охранял от деревенщины результаты её труда. Кампании то ужесточались, то уплывали на второй план. Всё зависело от того, проваливалась ли страна в голодомор или удерживалась на плаву терпимой нужды.

Особенно лютовали первые три года. "Мало расстрелов!" - возмущался нарком юстиции Крыленко в директиве от 13 ноября 1932 года. Что за порядки, если в Западной области к расстрелу присуждено только 704 человека? Судам приказывалось не применять в делах о хищениях собственности статью 51 УК как очень слабую. В исключительных случаях, когда дело было фальшивым от корки до корки, разрешалось кассационным коллегиям отталкиваться ею от истцов.⁴³

Тому же Наркомюсту, столкнувшему зимой тридцать третьего судопроизводство на применение статьи 162 УК, исключаящей расстрел, Кремль скоро наступил на хвост. Тотчас на места пошли разъяснения, что статья не подменяет указа "семь восьмых", а лишь выводит из-под него мелкие бытовые кражи, не имеющие политического значения. Пять лет за ведро колосков, согласитесь, тоже не слабо.

В сентябре тридцать четвёртого Верховный суд СССР рассмотрел вопрос "Об итогах судебных органов по борьбе с хищениями социалистической собственности. "Имеющийся материал об осуждённых, - читаем в резолюции, - говорит о сильном сокращении числа осуждённых по закону от 7 августа 1932 года". На Украине, осуждающе констатирует документ, доля следственных дел по "закону о пяти колосках" составляет только 5% от общего судопроизводства, общесоюзный же уровень стабилен - 12-13%.⁴⁴

Наши судьи смотрели на украинских коллег с укоризной. На Урале всё было в ажуре, под указ влезало почти каждое пятое дело. Тоску участников того же 48-го пленума Верховного суда СССР вызвало резкое сокращение числа острых форм репрессий. Так на языке юристов-большевиков образно называется вышак.

Действительно, о какой сохранности социалистической собственности можно говорить, если по показательным процессам тридцать второго расстреляли в среднем трёх с половиной человек из пяти обвиняемых, по результатам года тридцать третьего - каждого пятого, а в первом полугодии тридцать четвертого - только каждого сто двадцатого?

Стрелять начали чаще. Но зимой тридцать пятого с голодом маленько отпустило, и постановлением Верховного суда СССР № С-59/483 ситуацию выправили по горизонту. "Суды продолжают до сих пор применять закон от 7 августа 1932 года в случаях хищений, совершаемых трудящимися по нужде, по неосознанности, при незначительности похищенного и в случаях, когда вовсе нет хищения соцсобственности".⁴⁵

Наши уральские прокуроры и эту мысль нашли своевременной, вдруг осознав тот оскорбительный для социализма факт, что девять из десяти осуждённых по указу есть бедняки или трудящиеся, а восемь обладают черездефисной совокупностью данных качеств.

Во времена совершенно забытого голода на изломе 1936-1937 годов "закон о пяти колосках", давя ссылки на нужду, неосознанность и незначительность, опять взлетел до фортиссимо. Но вскоре, ещё могилы расстрелянных не просели, стих. От нищеты слегка отстали. Год тридцать седьмой выдался урожайным. На хлеб и врагов народа. Стрелять стали больше, но по другому поводу.

"Закон о пяти колосках", как норма прямого оглушающего действия, тем не менее оказался инструментом универсальным, применительным во всех сферах социальной жизни. Из куцей бумажки, подписанной самыми лакеистыми из вождей, со временем вырос кукушонок, вытолкнувший из советского правосудия многие слабокарательные статьи. Под "семь восьмых" попал обычный падеж скота и птицы, завышение цен, неплановые перевозки, порча хлеба и промышленных материалов, потеря и порча запчастей, перерасход горючего...

На манер старшей сестры указа (статьи пятьдесят восьмой) преследовался факт доносительства. "По делам о лицах, - разъясняла директива уральских облпрокуратур, - виновных в явном непринятии мер к охране социалистической собственности, закон от 7 августа 1932 года должен применяться без всякого послабления". Наши бригадиры и председатели часто доносили на подчинённых не из порока, а из страха за собственную голову.⁴⁶

Попытки местных властей хотя бы огородами подвести непослушных под холодящую тень декрета "о пяти колосках" чаще иллюстрируют природную одарённость Нагульновых, чем усугубляют итоговую свирепость. Возьмём, к примеру, вполне допустимую реальность - в колхозе воруют все. И есть, это ещё ближе к реальности, земляк, способный донести о крамоле куда надо. В хозяйстве вор на воре, писал секретарю Уралобкома ВКП(б) Кабакову бывший красный партизан Тургая - рабочий совхоза имени того же Кабакова, и стыдливо признавал своё бессилие.

Доносы из совхозов следовало направлять в московские инстанции, а вот с вороватыми колхозниками расправлялись на месте. "За допущение потерь хлеба, - примерно так, - за массовое воровство, за укрывательство, за развал трудовой дисциплины, за громадный падеж скота... распустить колхоз имени Сталина Бутыринского сельсовета, колхоз имени Сталина Лихачёвского сельсовета..."⁴⁷ Пробовали лишать артели высоких имён, колхозники явного сожаления не выразили.

Если думаете, что мужики обрадовались, выпав из коллективного ярма, то глубоко ошибаетесь. Значит, недооценили политическую сущность дедушкиного указа. Заодно и мудрость Советской власти. В конце тридцать второго инертный булыжник деревенского мировоззрения дал, наконец-то, классовые трещины. Информационные сводки ОГПУ, постоянно констатирующие устойчивую и агрессивную неприязнь населения к большевикам, вдруг уловили обнадеживающие нотки колхозного эгоизма. Сейчас,

сдадим всё, успокаивали себя колхозники, а потом будем получать ссуду. Голодом насидимся, но подохнуть не дадут.

Из колхоза путь лежал не в светлое будущее, а на погост. Задумавшим вернуться к единоличному хозяйству Советская власть вынула из-под мышки две кукишки. Постановлением СНК СССР от 3 сентября предписывалось решительное совершенствование колхозного землепользования. Конкретно так - вышедшим из колхоза добровольно и исключённым земельные наделы ни в коем случае не возвращались. Так же полагалось поступать с членами распущенных артелей. Идите и просите в земельном государственном фонде, ласково советовали челобитчикам, там вам будут очень рады.

Немногим позднее пришла ещё одна полезная бумага. "Изъятие у колхозов и колхозников проданного и переданного им имущества, лошадей и другого скота, - говорится в ней, - для возврата этого имущества единоличным крестьянским хозяйствам категорически запрещается... Возвращать суммы, указанные за проданное колхозам и колхозникам имущество. Стоимость скота - по конвенционным ценам"⁴⁸

Что такое конвенционные цены? Вот и бывшие колхозники тогда очень интересовались. Это когда за две здоровые лошади, отобранные в колхоз, получишь денежный эквивалент обобществлённого барана за минусом всех недоимок и сельсоветских обязательств по душевой подписке на заём завершающего года пятилетки. Бери-бери, контра, а то передумаем!

Принудительно распускать колхозы резонно в конце хозяйственного года, когда подступает время пожинать плоды. Так оно и было, тем более, что пик массового воровства приходился всегда на осень. В остальное время красть было нечего. Опасное развитие коллизий отводилось логикой аргументов. Раз колхоза больше нет, то извините, нет и трудодней. Большая часть урожая шла в погашение колхозных долгов; неделимые фонды, пройдя ту же ступень, передавались под расписку другим артелям.

Стоило государству два-три раза судорожно подёрнуть шкурой, и первичное право собственности растворялось без осадка. Мужичу оставалось удивляться, как это его ранее единоличная кобыла Липа, отведённая уполномоченным во двор "Тегемона", успела за полтора года, погружаясь в водоворот общественной собственности, поработать в "Памяти Ильича", "Интернационале" и скоростно пасть в коммунае "Путь к социализму".

Убирали в тот год с ошпаренными нервами. "Все враждебные социализму всячески изворачивались и, вползая во все щели, употребляют бешеное усилие для того, чтобы дезорганизовать хлебосдачу. Остатки кулачества пытаются дать бой пролетарской диктатуре, используя отсталых колхозников, разжигая неурожайные настроения и на утайку хлеба разными способами... Путь к успешному выполнению планов хлебосдачи только один - беспощадная борьба с кулацкой провокацией, беспощадная борьба с кулацко-оппортунистическим манёвром, направленным на срыв хлебозаготовок. Годовой план заготовок должен быть выполнен в ноябре!"⁴⁹

Типаж гранулированной ненависти взят из резолюции совещания председателей сельских советов и секретарей партакеек. Сразу же видно, что документ коллективного разума, одному человеку так не разогреться.

Однако ссылки на абстрактное кулацкое сопротивление в сплошь обнищавшей стране постепенно выходили из моды. Безадресная политическая злость таяла в многомерном пространстве, не оживляя его. Мысль о том, что надо бы радикально обновить ассортимент отрицательных персонажей истории, раньше пришла в головы стукачей и вождей. Первые видели жизнь снизу, а оттуда она представлялась более инстинктивной, чем осмысленной. Как водное поло со дна бассейна. Каждое порочное или благое движение души является здесь в натуральном, не пре-парированном идеологией виде. К тому же земляки, застывшие в анабиозе страха, доставляли тощий ма-

териал для доносов. Может, накатать на соседа? Он хоть и председатель, но в подпитии несёт такое!

“В настоящее время, - вернёмся к доносу красного партизана Тургая, - имени Вашего звания, товарищ Кабаков, есть совхоз, который не оправдывает Вашего звания. Забрался в него, в этот совхоз, негодный элемент - сын бывшего капиталиста и зять миллионера некто Раваев, сам директор свинсовхоза. Этот укрывшийся элемент сумел пролезть в наши ряды партии. За время праздника 15-ой годовщины Октября лишил рабочих пайка на весь праздник и сделал подрыв строительству, рабочие ушли и три месяца не были, рогатое поголовье гибнет от холода.

Ввиду этого вредители капитала бросают в грязь лицом наших вождей генеральной линии партии. Надо укрывателей капитала жечь горячим железом и гнать прочь из рядов партии... Все враги лезут и вредят, а районное руководство занимается укрывательством. Широков Артём. Партизан Тургая. 10 ноября 1932 года”⁵⁰

Донос написан под впечатлением постных праздничных дней. Но как стильно! Объективности ради скажу, что анализ анонимных и ответственных доносов, поступивших осенью тридцать второго в обком ВКП(б), свидетельствует о крутом вертикальном сдвиге авторского интереса к местной номенклатуре. Поклёпы на деревенскую нищету маловыразительны и мелки темой. Второй вывод касается масштабов самодетельного почина. Гражданское ли правосознание, уязвлённое статьёй о недонositельстве, или нарождающаяся коммунистическая мораль подвигли массы, но пузырями доносов постепенно вскипала вся советская общественность.

На вывод о том, что кремлёвские власти осознали необходимость перемен, навели центральные газеты, жарко и зло заговорившие о вредителях с партбилетами, которые, предупреждала “Правда”, много опаснее кулаков. Тут грянуло сверху вниз. О технологии посадки на нары кадрового состава впереди целая глава, сейчас коротко по первый испуг.

В светлые дни Октября, когда рабочие свинсовхоза имени Кабакова празднично и вместе со всей страной голодали, самому секретарю обкома вручили секретнейшую телеграмму из Москвы, которая надолго отбила настроение и аппетит. “Несмотря на предупреждение СНК и ЦК, хлебозаготовки в области продолжают снижаться. Ссылки на цифры об урожайности как причину невыполнения не могут приняты ЦК и СНК во внимание, так как цифры явно приуменьшены и рассчитаны на обман государства.

Вы умыли руки, не сообщив ЦК и СНК о мерах, необходимых для ликвидации этой отсталости. ЦК и СНК предупреждают вас, что в случае, если в кратчайший срок не будет организован действительный перелом в хлебосдаче, они вынуждены будут прибегнуть к мерам репрессий, аналогичным репрессиям на Северном Кавказе... 8 ноября 1932 года. Молотов. Сталин”⁵¹

Вот так - шевелитесь, а то будет как на Северном Кавказе! О незавидной судьбе станичников двумя-тремя страницами ниже, сейчас полюбуемся панорамой социалистического Урала. В первые дни августа на деревню прибыли специальные комиссии по контролю за правильностью авансирования. Постановлением ЦК ВКП(б) отныне и навсегда запрещалась любая распределительная самодетельность. Колхозников следовало гнать в шею от намолоченного хлеба. Раз решились стрелять за колоски, чего церемониться с ворующими горстями. Тока и склады огородили и выставили круглосуточную охрану. Хлебное авансирование без участия государственного контролёра, своевременно предупредила прокуратура, карается уголовно. Да, как за хищение соцсобственности.

Изголодавшиеся колхозники во многих артелях не устояли и хоть раз да наелись. И тут даже дедушкин указ отступил. Если бы всех подвести под него, то хлеб бы остался на корню. Факты тщательно проверили. Там, где отклонения от нормы авансирования оказались значительными, председателей и членов правлений отдали под суд, а коммунаров обязали сдать незаконно полученное. Если таковое уже было

съедено, возбуждалось уголовное дело по статье 162 УК, или хищнец исключался из колхоза со знакомыми вам следствиями.

Нормы же определялись так. Постановлением ЦК ВКП(б) для авансирования колхозников разрешалось использовать не более одной десятой намолоченного хлеба. Платили только работающим членам артели, выполнившим требуемый минимум трудовых. Но ни грамма социально подозрительным! На Урале обошлось где-то по полкило на трудовень.

Обождите есть! Это всего лишь расчётные данные. Внешне простые условия обернулись крючком в кармане. Теперь внимательнее. Раньше обмолачивали первые подошедшие полосы и выдавали натурой аванс. В дальнейшем относительно сытые колхозники блюли традиционную технологическую последовательность страды - косили, вязали снопы, вывозили их и потом приступали к обмолоту.

По цековской бумаге всё это летело к чёрту. Артелям до выполнения государственных заготовок категорически запрещалось создавать какие-либо зерновые фонды из опасения, что колхозники их просто съедят. Запрет распространялся даже на семенные фонды, хотя правительство специальной директивой оповестило хозяйства, что впредь они от государства не получают ни грамма семенной ссуды. Известно и то, что на семена обычно отправляют лучший хлеб. О продовольственной ссуде государство и слушать не хотело.

Ближайшее будущее опять разваливалось на альтернативы. Либо гнать колхозника в поле голодным, сбив выть обещанием честного окончательного расчёта, либо скошенный хлеб сразу же и молотить, чтобы изъять законно отпущенную десятую долю. Выбрали, естественно, второй вариант. Уборочная кампания пала на четыре кости и поползла вперёд на карачках.

Вместе с указанным фактом обнаружился неожиданный хозяйственный парадокс - в голодный год хлеб мог остаться под снег! Погожими днями бабьего лета коммунары преступно бросали косовицу и азартно молотили вязанные вчера снопы. У токов выстраи-

вались очереди на авансирование. Не будем рассуждать, а догадаемся о качестве зерна. Оно шло влажным и недозревшим, годным только для производства водки или глинистого замеса буханок-кирпичей, варварски называемых хлебом. "Не надо давать колхозникам, - летело директивно по всему Уралу, - по трудодням и аванс зерном, потянутся молотить и есть!"

Когда мы иронизируем по адресу административной и колхозной экономики, контролирующей, что, где, когда сеять или убирать, то обычно выводим практику из внутреннего самодурства самой бюрократии. Ошибаемся мы. В её основе лежит зловещий и беспощадный внешний резон. В тридцать втором мужика и его бывшее имущество развели по разные стороны бытия. Но чтобы рецессировать богатую славянскую натуру до идеологически бритого примата, предстояло ещё ох как много сделать.

Прежде всего - замком карательного паспортного режима и колхозного устава запереть мужика навечно в деревенской бедноте, а сезонно - в скотских условиях полевого стана. Лишить, во-вторых, всяких средств к самостоятельному выживанию, для чего отобрать частные земельные наделы, урезать приусадебные участки и обналожить всё, что на них растёт и бегаёт. И самое главное - раб не должен пребывать в лени! Во имя этого основополагающего принципа советской экономики жёстко и порой абсурдно из центра расписывались технологические детали всех хозяйственных операций.

Не пятилетками жила Страна Советов, а пятидневками. К административному зениту взлетали облака статистической отчётности за пятидневку, вниз обрушивались ужесточающие планы и репрессии. За сей отчётный миг можно было стать героем или заключённым. Трудовую внутриколхозную дисциплину увяжут с уголовным законодательством позднее, а в уборочную тридцать второго Москва дала лишь временный шаблон шершавого обращения со строптивыми коммунарами.

"Секретарь ЦК ВКП(б) Сталин. Решение Северо-Кавказского крайкома совместно с представителя-

ми ЦК ВКП(б) Кагановичем, Микояном, Шкирятовым, Гамарником, Ягодой, Косаревым, Черновым и Юркиным по вопросу о ходе хлебозаготовок и севе по районам Кубани.

Ввиду особо позорного провала плана хлебозаготовок и озимого сева на Кубани поставить перед партийными организациями в районах Кубани боевую задачу - сломить саботаж хлебозаготовок и сева, организованного кулацким контрреволюционным элементом, уничтожить сопротивление части сельских коммунистов, ставших фактически проводниками саботажа, и ликвидировать несовместимую со званием члена партии пассивность и примиренчество...

За явный срыв плана по севу и хлебозаготовкам занести на чёрную доску станицы Новорождественскую Тихорецкого района, Медведовскую Тимашевского района, Тимиргеевскую Курганинского района. В отношении станиц, занесённых на чёрную доску, применить следующее.

- Немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение государственной и кооперативной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров, полное запрещение колхозной торговли как для колхозников, так и для единоличников, прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов, проверку и очистку колхозных, кооперативных и государственных аппаратов, изъятие органами ОГПУ контрреволюционных элементов, организаторов саботажа.

Предупредить жителей станиц, занесённых на чёрную доску, что в случае продолжения саботажа сева и хлебозаготовок будет поставлен вопрос об их выселении из пределов края в северные области и заселении этих станиц добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях.

В качестве последнего предупреждения Невинномысского, Славянского, Бреховецкого Усть-Лабинского, Старо-Минского, Кушевского, Павловского, Кропоткинского, Ново-Алексеевского и Лабинского районов полностью прекратить завоз товаров., осво-

бождающиеся в этом случае товары передать в районы, выполняющие планы.

В отношении единоличников, отказывающихся от земли и сева, - лишить их усадебной земли, просить правительство о выселении этих единоличников за пределы края в северные области, передавая их орудия производства с тяглом колхозам, переселении на их места колхозников из малоземельных областей.

Предложить крайпрокуратуре и крайсуду в ускоренном порядке рассматривать все дела по расхищению колхозного и государственного имущества, применив к виновным все меры суровых наказаний, предусмотренных декретом, с тем, чтобы в пятидневный срок было рассмотрено не менее 20 дел с опубликованием приговоров в печати. Обязать прокуратуру и органы в десятидневный срок проверить исполнение приговоров".⁵²

Вот так, поучительно и в меру сердито, складывалось дело на Северном Кавказе. Освобождённое от следственной волокиты кубанское правосудие дало Союзу пример решительного внедрения дедушкиного указа в жизнь, простите, в смерть. Летучий микоянокагановический отряд пролетарского гнева, сотворив революционную законность, отбыл в столицу, чтобы в свой очередной вылет поставить на колени вымирающую от голода Украину. То будет ровно через год.

Северный Урал под самый новый тридцать третий год приходовал на пересыльных пунктах Соликамска, Надеждинска и Тобольска крупную партию станичников-саботажников. "Каким ты был, таким ты и остался..." - слова из этой популярной песни писал человек сведущий. За пятнадцать лет до появления лощёной киномелодрамы, в которой она была музыкальным гвоздём, особенность лихой казацкой стати подметили коменданты пересылки, предупреждавшие комендантов ссыльных этапов, - они хоть нрава неунывающего, но упрямы, почти как хмурые и бессловесные двоеданы.

Подвела нас география. Будь Северный Урал островным континентом, сейчас бы мы имели в центре России лучшую из Америк. "Вот штаны купил, -

польстил я своему приятелю Владимиру Кулаженко - минскому профессору, страдающему лёгкой, незаметной формой национализма, - пинской швейной фабрики". "И правильно сделал, - похвалил тот, - сразу видно - европейская вещь!"

"Да нет, - вернулся я к истине, - московские, фабрика "Большевичка". "Хавно, и смотреть не буду, - разочаровался профессор, намеревавшийся было пощупать европейскую вещь руками, - разве москали что-нибудь путное сделают". И прочитал мне краткую лекцию о трудолюбии белорусского народа. Мои возражения о том, что уральцы тоже далеко не лентяи, он парировал неожиданно и убедительно: "Десять лет копаешься в материале, а основного не понял - тож всё сосланные белорусы!"

По получении сталинской депеши и угрожающих директив, спущенных вождами помельче, в деловом шуме сельскохозяйственного Урала прорезался кавказский акцент. Мало сказать, что у единоличников и колхозников отобрали всё наличное зерно. Ничего тут особенного нет, так везде делали. Почин нашёл себя в другом: у мужиков, не справившихся с планом хлебосдачи, стали отбирать земельные наделы и огороды. Без надела ты уже не крестьянин, а без огорода, известно, не жилец. Общеуральский спектр моего исследования относит развёрнутое описание местных сюжетов в будущее, упомяну кратко лишь о типичном. Карательное подвижничество дошло до сноса бань и хозяйственных построек.

Оно по-советски и понятно: стоит ли оставлять баню саботажника на общенародной земле? Мыслящие более экономически установили арендную плату, хлебной натурой, естественно, за землю под жильём и крестьянским двором. Про то, что крестьян за недоимки легко выбрасывали из собственных домов, мы помним с начала всей книги и этой главы.

Очень понравился уральским партийцам намёк на возможность ссылать непокорных целыми деревнями и колхозами. Подкупала тут и высокая действенность карательной инициативы, и особое географическое устройство Урала. Север у нас под боком, реки и

транспортные пути имеют удачное полярное направление. Когда провидение судьбы наложили на актуальный хозяйственный факт - эшелоны, вывозящие лес и иные продукты социалистической колонизации идут на север порожняком, - идея материализовалась в практику.

Станичников волокли к месту душевного успокоения через всю страну. Может быть именно этим обстоятельством вызывалась чрезвычайщина комиссий и правительственных решений. Южный Урал в данном смысле имеет неоспоримые преимущества перед Северным Кавказом. Чтобы загнать деревню на баржу и столкнуть последнюю по течению, концентрированного государственного ума Кагановичей и иных жгучеглазых варягов не надо. Как и консилиумов вождей. Достанет районного дуроломства.

Лидерами коллективного этапа на Урале стали колхозы "Красный партизан" и "Светлый ключ" Манчажского района, удосужившиеся выдать по трудодням не отходы, а зерно. Вдогонку им пустили членов артели "Любители труда" Шалинского района, коих обвинили в том же и определили для здорового увлечения в колонию ОГПУ.

Порой Советская власть не заслуживает упрёка. "Позор вам, изменники великому делу социализма, - кроют через газету коммунары-пичугинцы коммунаров-красинцев, - вы дали себя одурачить кулаку, пошли против общественных и колхозных интересов, пеняйте теперь на себя. Вам, кулацким прихвостням, подрывающим вместе с кулаками в угоду кулаку колхозный строй, пощады нет и не будет. Мы требуем от Курганского райисполкома распустить колхоз имени Красина за контрреволюционный саботаж!"⁵⁴

Таковыми обращениями местная печать расцветала каждую хозяйственную кампанию. Партия натравливала село на село. Красинцев тогда разогнали, уж потом, после того как их пасынками включили в ближайшую артель имени Сталина, в души вернулось смирение и тихая блаженная радость. В самом деле, соседи могли ведь попросить и о расстреле.

Сами пичугинцы, колхозники артели имени Пичугина, газет не читали и о своём принципиальном поступке узнали чуть ли не год спустя, во время совместно отмечаемого престольного праздника. На такое, решила деревня, из своих способны только двое - председатель сельсовета и избач, но оба подозреваемые в авторстве оказались уже далеко. Первый стал жертвой объективного пасьянса событий. В тот год колхозные поля начисто вырезала кобылка, власть осерчала, и каждому третьему-четвёртому председателю сельсовета, нашего то ли бог нашёл, то ли шальной случай, по статье 61-й УК было дадено по полпятiletке.

Избач исчез сам. Вглухую, неоднократно и нещадно он был бит, бит классовым врагом. В документах партийной чистки, однако, этот вопиющий факт связывался не с идейной непреклонностью избача, а с его патологической тягой к блядству с контрреволюционным извращением. Даже самая паршивая судьба хоть раз в жизни бывает пронзительно справедлива. Нашего героя из партии вычистили худосочные и политически злые комсомолки, компанию которых он демонстративно менял на сожительство с тёплым и мягким кулацким элементом.

Производительная сила бесчеловечной жестокости, если изобразить её графически, похожа на кардиограмму умирающего. Последние судорожные толчки жизни вдруг трагически обрываются в безысходную прямую - всё! Крестьянскую Россию добились, а эмбрион колхоза пух от голода в жидком растворе государственного авансирования. Уральское руководство тогда высидело, что можно объяснить оптимальным подбором аргументов или тем, что ещё не подошла его очередь.

О погоде - вечном и агрессивном враге колхозно-совхозного производства. В тридцать втором она была удачно плохая. Наш край не зря обозвали зоной рискованного земледелия. Партийное руководство тосковало в черед невыразительных хозяйственных лет, когда ни хлеба, ни сокрушающих ссылок на погоду. Люб был риск крайностей: урожай - все ходим в

героях труда, засуха - мы герои чрезвычайных обстоятельств. Хоть херовую фуражку, да напаялим набекрень! В тридцать втором, повторю, погода стояла из рук вон.

Об этом и написал секретарь Уралобкома ВКП(б) в личном послании Сталину, присовокупив, что сельское хозяйство Урала самое маломеханизированное в стране. Письмо долго редактировали и, судя по отсутствию исходящих реквизитов, отправить не решились. А куда же делись лошади? - мог спросить вождь. Мемуарная литература часто подаёт Сталина человеком, способным воспринимать простые и убедительные аргументы. Вроде и деспот, но деспот справедливый и умственно уравновешенный. Особенно этим больна литература времён Ильича-второго, когда про миллионы убиенных и сидевших как-то забыли.

Секретарь Уралобкома не знал, каким сделает вождя посттоталитарная критика, он знал Сталина накоротке, поэтому доводы подобрал соответствующие - личную преданность ему и беспощадность к подчинённым. Всеуральский подхалимаж материализовался в огромном, словно рукописное Евангелие, фолианте поздравительных телеграмм вождю и ЦК ВКП(б) по случаю пятинадцатилетия Октября. Каждому предприятию вчинили в обязанность изготовить приличный юбилею материальный подарок. Всякое там шитьё-литьё. Фолиант передал адресату сам Кабаков, а штучные продукты революционного вдохновения отправили в столицу специальным вагоном.

Второй довод секретаря эксплуатировал чувства иные. Кого-то следовало посадить самостоятельно, кого-то подвести под немилость московскую. В сельскохозяйственные районы Урала вылетели судебные бригады на осенний гон вредителей. Можно с партбилетами, но только в экспериментальном порядке. Всей операцией руководил председатель облисполкома Ошвинцев. Состав бригад формировался по технологическому принципу: агроном - для определения видов хлебозаготовки, уполномоченный по заготовкам, который придавал видам плановую жёсткость. О

функциях остальных членов бригады - уполномоченном, гепоушнике, следователе и выездном судье - легко догадаться.

Через две недели Льву Захаровичу Мехлису, ещё одному гению отечественной агроэкономики, правительственной телеграммой было сообщено, что "в каждый зерносовхоз направлена бригада из пяти человек. Производится обмолот и вывоз хлеба, очищается аппарат зерносовхозов от кулацких элементов и кулаков, происходит вторичный обмолот соломы и проветривание отходов". Информацию украшает реестр снятых и отданных под суд руководителей хозяйств. В списке только председатели колхозов и бригадыры.⁵⁵

Сам председатель облисполкома барражировал над уральской деревней с бригадой в 12 человек, безжалостно выправляя линию партии о холопские хребты. Дабы не ошибиться и в слове, и в деле, каждый оперативный разнос начинал с заготовленной фразы. "Проводниками открытого саботажа хлебосдачи являются не только заклятые враги - кулачество, но и люди, которые поныне носят партбилет в кармане и занимают почётные места руководителей целого ряда организаций. Если не будет перелома в выполнении плана..."

Под московский кулак первым поставили директора Уралзернотреста Попова. В социалистической экономике всегда существовали устойчиво топкие места, руководящая должность в которых сопряжена с исключительной опасностью быть посаженным. Сразу подчеркну, что это были и самые кормные места, риск потерять голову компенсировался достатком и допустимой развязностью поведения. В голодуху часть ответственности скинули на таких вот Поповых, каждый третий директор областного или краевого зернотреста пошёл под суд.

Состав преступления не имел значения. В коммунистическом зазеркалье естественная практика засыпки семян легко обращалась в саботаж заготовок, а отказ принимать на элеваторы сырое и заражённое клещём зерно выглядел чистейшей контрреволюцией.

Нашего уральского Попова взяли именно за это и телеграмму, отправленную в районы с предложением первоначально засыпать семенные фонды. "Попова, - писал Кабаков Сталину в декабре тридцать второго, - надо не только исключить из партии, но и судить. Также посадим директоров, допустивших обман и преступное расхищение хлеба". Испрашивая разрешение на арест руководителей московской номенклатуры, секретарь перекрывал ответственность тонкой лезтью. К опальным руководителям он был беспощаден. "План хлебозаготовок выполнен на 60%, использование тракторов и комбайнов преступное, контрреволюционное. Налицо громадное расхищение хлеба. Хлеб расхищается путём товарообмена на спички, мыло и т.д. Контрреволюционный саботаж не сломлен!"⁵⁶

Судите сами. Такие слова да Иосифу Виссарионовичу в уши. Директор Лебяжьевского зерносовхоза, это о нём сказано вождю, моментально и надолго сел на нары. Вместе с другими коллегами по контрсаботажу.

Кровавым закатом уходил в зимнюю ночь и историю год тридцать второй. Год расстрелов и разорения. Но в прошлом тонуло время, а не зло. Горе на Руси вброд не перейти, в нём у нас тонут поколения. Безнадёжность царил во всём, господь забыл русского мужика. Пришло и то, что должно было наступить, - вторая советская голодуха.

Глава начиналась с откровений деревенщины, перехваченных в солдатской почте. Закончу открытым письмом крестьянки Сталину, которое было выловлено ГПУ почти на месте преступления.

"Тов. Сталин. Я, бедная женщина-крестьянка, кругом обиженная. Наша власть на местах не выполняет твоих постановлений и приказов. Плакала я, плакала, да и решила написать к тебе, всё равно один конец. Но я надеюсь на тебя, на твою правду. Спаси меня и моих малых деток от смерти голодной. Несмотря на то, что мой муж Василий Федосеев служил в Красной Армии, был раскулачен. Мы считались на деревне самые бедные, наш дом был ветхий и нику-

дышный. Всё у нас отняли, меня больную гоняли-гоняли и, наконец, разрешили жить на задах в худой избёнке...

Мужика сослали в ссылку - станция Усольская Уральской области, в 15 роту под ОГПУ. А у меня четверо детей, старшему 9 лет, а младшей 2 годика. Сама я нищая и больная. Верни мне нашего кормильца или прикажи совсем нас убить. Наши деревенские власти ничего не хотят делать по-хорошему, совсем замучили всех. Пусть убивали бы совсем, так лучше бы было, чем так мучить. Вся надежда на тебя, тов. Сталин, помоги нам, мы запонапрасну страдаем. Сколько лет мы работали Советам, а тут вдруг не нужны стали. Прости меня, бедную бабу. Великое горе и нищета пишет тебе это письмо.

Крестьянка деревни Сумки Половинского района Елена Федосеева".⁵⁷

Сирота Страны Советов

Утром боялись открывать. Потом долго не могли. Думали замело, что случалось нередко. Когда совсем рассвело, снаружи подошли взрослые, недолго повозились и освободили ребятню. На крыльце, как оказалось, насмерть замерз очередной беглец с Севера. Видно, не судьба жить. Это он с вечера бился в дверь, перепугав до слёз малолетних обитателей барака. С трудом оторвав от скобы примерзшую руку, покойника бросили за угол в сугроб, из которого каждая злая выюга выдувала окостеневшие сизые тела умерших в зиму жителей посёлка. Хорошо было некому. Многие бараки вымерли полностью. На февральском снегу терялись даже легкие впадины от протоптанных по первозимью тропинок.

В этом бараке спецпосёлка при угольных коях начала свою сиротско-детдомовскую биографию девятилетняя кулачка, чей инвентарный номер 883 по Ирбитскому детскому комбинату зафиксирован историей. Как и биография, уложившаяся в одну строчку трёхтомной, на несколько десятков тысяч человек, оборотки детдомовского поголовья Уральской области тех дуреломных лет. Рядом со строкой, отведённой её сестре.

"Носкова Наталья Кирилловна, 9 лет, поступила в Богословский при угольных коях детдом 6 февраля 1933 года. Переведена в Ирбитский детский дом в начале 1937 года. Есть сестра. Родителей нет".¹

А ещё недавно было всё... С первой мировой Кирилл Носков вернулся в медалях. Сильный и хваткий, он выбрал и жену себе под стать. Привезённую из дальнего села Евдокию Мочалову восхищённые красотой и стройностью соседи называли Вербой. К началу тридцатых семья уже твёрдо стояла на ногах. В родном Патронном, что в пятнадцати километрах от Кургана, построили крепкий дом, баню, малуху, амбар. Завели хозяйство и огород. Работали как двужильные. Бог помог и сами постарались - в доме сустились пять девчонок и парень. Чуть позднее купили небольшой пай на владение Петровской мельницей. Её красного кирпича строения до сих пор тоскуют над пересохшей и запущенной речкой Утяк.

Хозяин почуял неладное в первые же месяцы принудительных заготовок. Чтобы переждать времена оканные, уехал в Среднюю Азию на заработки, откуда с оказией высылал необычные, но полезные вещи. Деньги копил на хозяйство.

Активисты зачастили в дом Носковых. Сначала регулярно выгребали съестное. В феврале тридцатого ввалились сельской комиссией раскулачивать. Переписали все постройки и дом. Каждую тряпку и вещь тщательно и с едкими замечаниями осматривали, особенно интересовало присланное отцом из Самарканда. Ну живёт кулачье!

Постепенно нагнали и входили в азарт. Уполномоченный Яков Мельников ещё в прежние визиты положил глаз на тёплое верблюжье одеяло с азиатским орнаментом. Теперь пришло время. Он легко стряхнул с одеяла малолеток, по-хозяйски свернул и отложил в сторону. Для себя.

Понятливому молодому активисту приглянулись валенки бабы Ани, 84 лет, сидевшей на печи, свесив ноги. Комсомолец рванул валенок на себя. Ветхая старушка с первой же попытки полетела с печи. Она ползала по полу в одном валенке, стонала и беспомощно шупала пальцами воздух. Баба Аня была слепая. Свои глаза она выплакала по сыну Григорию, сложившему голову в гражданской. За красных.

Рвали с людей и со стен. Еле управились к полуночи - вывезли национализированное на санях. Матери разрешили связать оставленное в узел и выставили на мороз с шестью, от года до девяти лет, детьми и престарелой свекровью. Принимать на постой раскулаченных строго запрещалось. За нарушение грозили арестом, отказом в выпасах, штрафами, переселением на худшие земли, а то и прямо раскулачиванием. По чужим баням, малухам и стайкам пришлось скитаться полгода. Кто разрешал притулиться из жалости, кто торговал последнее тряпье. Питались чем бог послал.

Коммуняки не отставали и после раскулачивания, теперь сживали со свету. Молодые пасли семейный узел, норовя обменять остатки кулацкой роскоши на самогон. Уполномоченный Мельников уже несколько раз водил мать на "расстрел". Каждый раз малолетки с рёвом висли на подоле матери Евдокии. Похотливому большевистскому кобелю нравилось загонять подопытных селян в состояние смертельного страха. Особую классовую ненависть он питал к раскулаченным молодухам. Пощёлкав вхолостую револьвером в сторону очередной мечущейся в ужасе бабы, отходил душой и вкладывал весь революционный порыв в чисто мужское дело.

Кому пожалуешься? Отец уже давно сидел в тюрьме. Заслышав о деревенских погромах, поспешил было на родину. Но на вокзале станции Челябинск его арестовали. В местном отделе ГПУ его опознали как кулака в бегах и переправили в Курганскую окружную тюрьму.

Сидеть пришлось с отчаянными оппортунистическими головешками из Звериноголовского района. Теми самыми, что, удирая от государственного ярма, организовали самостоятельные сельскохозяйственные кооперативы по пойме Тобола. Контрреволюция не прошла. Правых уклонистов партиями по три-пять человек ежедневно уводили на расстрел, а ночью трупы вывозили за город. Уклонистом быть очень плохо - поняла обычная бегло-кулацкая братия и была откровенно рада, когда её с очередным эшелонотом ссыльных отправили на Север.

Холодным августовским утром семье Носковых приказали собираться в ссылку. На прощание с опостылевшей родиной и слёзы отвели не больше часа. Пока кормят и поят лошадей. Узел с пожитками бросили в телегу, на которой сидели милиционер и уполномоченная по ссылке комсомолка-активистка. Медленно выползли из родной деревни в сторону Кургана.

На историческую драму, грустно вспоминает Наталья Кирилловна, ситуация никак не тянула. За телегой, утопая босыми ногами в дорожный песок, шла мать. На плечах она несла в ссылку трёхлетнего Лёню, подмышкой поленом висела сестрёнка Маня. Трос старших сестёр шествовали в ссылку сами, держась за подол матери. Младшую Фросю бог прибрал ещё по весне, баба Аня осталась в деревне один на один с Советской властью. Комсомолка на телеге весело болтала ногами, грызла семечки и зло шутила.

Везли на Север в холодных и грязных вагонах. Было голодно, тесно и страшно. Нар на всех не хватало, как и воды. На остановках, преодолевая стыд, оправлялись прямо у вагона. Отходить от эшелона не разрешалось, да и сами боялись отстать или потеряться. В пути многие малолетки простыли. В углу вагона, помнит Наталья Кирилловна, целые сутки умирал от тифа мужик откуда-то из-под Зверинки. Пассажиры еле удерживали плачущих и рвущихся к умирающему детей. Ведь заразный же! На одной из стоянок его вынесли и положили в степи.

Местом ссылки определили Богословские угольные копи. Ныне это город Карпинск Свердловской области. Прибывшего со ссыльным эшеленом отца направили на шахту, а мать на раскорчёвку леса. За два года голодной ссылки от них остались тощие тени. Летом 1932 года отца завалило в шахте - придавило ноги. Слёг насовсем, страшно было смотреть на его распухшие и посиневшие в гангрене ноги. Через две недели он умер. Семья за увечье не получила ни копейки и села на единственный паёк работающей матери, переведённой с лесосеки на стройку.

Голод стал невыносимым. Пришлось переходить на подножный корм - то, что можно найти в тайге вокруг спецпосёлка. У матери начались голодные обмороки. Она, с испугом заметили девочки, часто замыкалась в себе, плакала и неожиданно заговаривала с отцом вслух. Будто он живой и рядом. Мать не выдержала ударной принудиловки, таяла на глазах и однажды не пришла с работы совсем.

Дочери несколько дней с утра и до темноты разыскивали её на стройках. В обязанности комендатуры входило поддержание режима, личная жизнь спецпереселенцев никого не интересовала. Мор ссыльных воспринимался объективной закономерностью социалистического строительства, сравнимой по фатальности с вымиранием биологически пассивного вида. Лишь через неделю знакомая женщина сказала Наташе, отводя взгляд в сторону: "Ты, дочка, больше не ищи мать, нет её у вас". Позднее узнали, что мать почувствовала себя плохо и пошла в больницу за семь километров. Войдя в больницу, упала без сознания и к жизни не вернулась. Кем и где похоронена, никто не знает.

Спустя полмесяца смертно голодающих сирот переедали в детдом. Урал обязан помнить эти детдома: в Богословске и Ирбите, Тагиле и Туринске, Кизеле и Красноуфимске, далее - везде. В Уральской области их тогда было ровно сто - 83 обычных и 17 для умственно неполноценных детей. Частокол приютов не мог, однако, сдержать вселенского потопа сиротской беспризорности. На конец 1931 года только в уральской лесной ссылке числилось около ста тысяч детей. "Естественный" отход родителей открывал перспективу системе детских приютов.

С пожелтевшими документами о судьбах пасынков России мы познакомимся позднее, а сейчас вернёмся к свидетельствам живых. Осиротевшей поросли Носковых отвели нижние нары в фундаментальном, николаевских времён бараке, предназначавшемся при закладке под местную тюрьму и холодную. Помещение хорошо держало отрезвляющий режим, и воспитанникам приходилось почти круглосуточно жарить

буржуйку. Промёрзшие стены постоянно мокли, от холодной сырости многие кашляли. У печки всегда было тесно, продрогшие во сне, никакого белья и одеял не выдавали, регулярно выходили к ней погреться. На раскалённой спине буржуйки пекли ломтики мороженой картошки. Днём шарились по помойкам.

Старшей Анне не повезло сразу - от печки вспыхнуло и сгорело прямо на теле единственное, привезённое ещё из родного дома платьишко. Хором потушили, но теперь пострадавшей приходилось постоянно сидеть на нарах, завернувшись в мешковину. Никакой сменки не было.

На четыре осиротевшие души выдали две чашки и деревянную ложку. Инструмента хватило с избытком. Ссылка жутко голодала, воспитанникам давали в сутки сто граммов хлеба и горячую воду. Особенно трудно было зимой. На голый паёк без подножного корма почти не выжить. К весне самые слабые пухли с голоду и, наглотавшись абы чего, исходили в поносах.

Не успев познакомиться с классовыми собратьями по бараку, Наташа слегла. Сначала были голодные обмороки и воспаление лёгких. А потом... Потом весь реестр болезней ссылки. В сплошном угаре болезни из жизни, если можно принять за таковую изложенное выше, выпало полгода. Режет память до слёз только один эпизод тех дней. Оживающее сознание начало было различать звуки и предметы, кажется, пахло весной. "Эта, видно, снова оклемается, - внятно произнесло наклонившееся над ней лицо, - а соседку бог прибрал, наконец-то отмучилась". Спустя немного хватило сил повернуть голову и увидеть. На соседней койке высохшей щепкой лежала младшая сестрёнка Маня...

В памяти сестрёнка навсегда осталась пятилетней. И ещё беззащитной, цепляющейся за мир слёзной просьбой: "Нянечка, не бейте меня, я ведь и так мало хлеба ем".

Братишка Лёня до сознательного ощущения жизни не дотянул. В одну из зимних ночей он тихо, нико-

го не беспокоя, умер. Его завернули в тряпицу и зарыли где-то в снегу.

Первое детдомовское лето прошло в судорожных поисках еды. Воспитанники целыми днями шарились по тайге и просили милостыню в посёлке. Но кто мог подать? На то лето пришёлся пик второй советской голодухи. Боясь и рискуя, стали воровать. Как и моих сверстников, детдомовцев послевоенного времени, пойманных на краже, жестоко били. Ребята старшей группы как-то залезли в пристанционный склад и вскрыли бочку с солёными огурцами. К пойманному на месте "преступления" моментально прилетел директор детдома. Расправа была жуткой, на глазах всех он откровенно уродовал мальчишек - повалил с ног, пинал, схватил за волосы и бил головой об рельс.

Другие воровать не перестали. Вот пострадавшие не могли. Один из них - Лаптев - вскоре от нанесённых побоев умер, а у Володи Комаровского отнялись ноги. Он хорошо запомнился Наташе по Богословскому и Ирбитскому детдому - прислонённые к нарам самодельные костыли и отрешённый недетский взгляд. В сороковом его направили в Тагильский детдом для инвалидов и умственно неполноценных ребят. По дороге, чтобы больше не мучился, ему поставили укол.

Зимой тридцать седьмого двести воспитанников из Богословска перевели в Ирбитский детский дом. Среди них были и сёстры Носковы. В посёлке при угольных копях остались четыре родные могилы и горькое ощущение ещё одной потери. В обожжённой горем душе осталось не только зло. Скорее даже не оно. Наталья Кирилловна до сих пор помнит многих сверстников по Богословскому детдому, знает о их дальнейшей судьбе. Помнит потому, что ужасы ссылки и государственной беспризорности, как это ни странно, не убили в воспитанниках самого высокого человеческого начала - добра.

Чем больше зверела власть, тем милосерднее и добрее они относились друг к другу. Братская детдомовская солидарность была единственным спасением

в мире жестокости, лицемерия и безотцовщины, называемом диктатурой пролетариата.

Можно принять это за инстинктивный порыв к самосохранению. Но я бы хотел сказать другое. Голодные и нищие воспитанники оставались всё-таки поколением ещё крестьянских детей. Поколением, что помнило, как можно и нужно жить, видело мир в естественных человеческих измерениях. Это не были агрессивно бестолковые бройлеры советского идеологического инкубатора. И сколь бы навязчиво и многолетне ни вливали в их души мысли о родной партии, комсомоле, добром правительстве, многие из них свято хранили память об отнятом родном доме и погибших родителях. Страшные ночи раскулачивания, голод и сиротство были реальнее всяких политических лозунгов.

В предмайские дни тридцать седьмого случилось неожиданное. В детский дом привезли новые пальто и платья. Радости не было предела. В обновках вчерашние голодранцы казались почти красивыми, особенно девочки. Хотелось даже верить, что наконец-то восторжествует справедливость. Родителей не вернёшь, но когда-то должны уйти в прошлое проклятая, как клеймо, кличка - "дети врагов народа", время косых взглядов и прямых угроз.

К празднику всех приодели и сфотографировали. Спустя несколько дней пришёл приказ - детей раздеть, а одежду срочно забрать. Попытку одеть кулацких детей квалифицировали как бандитскую вылазку взрослых врагов народа. "Контрреволюционеров" от педагогики кого посадили, кого расстреляли. К печальным страницам уральского просвещения мы вернёмся. Репрессировали директора детдома, завуча, врача, кое-кого из областного отдела народного образования. Воспитанникам вернули лохмотья.

К концу тридцатых ссыльная детдомовская братия заметно повзрослела. Мальчишек в 14-16 лет отправляли на производство. Многие предприятия Урала использовали труд малолетних, но познавших всё пацанов. 1941-й разбросал судьбы самого младшего ссыльно-детдомовского поколения - кого на фронт,

кого на заводы. Наташу сначала направили на строительство мотоциклетного завода, а немного спустя - на 707 завод Наркомата вооружений в Кургане. Парней-сверстников - Яшу Ривьера, Сашу Герасимова, Гришу Танасова и других - сразу же отправили на фронт. До победы они не дожили и погибли никем не оплаканные. Память о них осталась невостребованной навсегда.

Наталья Кирилловна после войны закончила педагогический институт, работала учителем. Вырастила дочь, с которой и живёт сейчас в Кургане. Всю взрослую биографию приходилось скрывать своё "контрреволюционное" прошлое. Кто знал и мог заглянуть в документы, не упускал случая оскорбить грязным словом и намёком. Плакала каждый раз - до чего же оподлел народ! Но не возражала, боялась за дочь и очередного всплеска революционной дури. За материальными благами не гналась, даже когда все пёрли напролом.

К пенсии получила однокомнатную квартиру. В ответ на одну из моих статей написала письмо, но подписала его фамилией матери - Мочалова. Для конспирации. Позднее насмелилась выложить всё и была чрезвычайно рада найденным мною архивным документам, в которых реальные имена и даты свидетельствовали о её уникальной и благой памяти.

В родных местах бывает часто. Патронного уже нет, на месте деревни престижный дачный кооператив с солидной застройкой. После реабилитации обила все пороги, выпрашивая земельный участок в родных местах. Власть облагодетельствовала - дали четыре сотки без права застройки. Наталья Кирилловна сажит картошку на своей земле. Спустя шестьдесят три года.

Сосед по участку зло долбит ломом "николаевский" фундамент. Старинная кладка больше искрит, чем крошится. Хозяин кроет матом помещика, который когда-то жировал на этом участке. Мужика можно понять. Для дачи фундамент явно велик, а привезённый горбыль расторопные соседи волокут ежевечерне и нелунными ночами. Наталья Кирилловна

хорошо помнит всех “помещиков” маленькой деревни. Этот начал работать с четырнадцати лет, надсадив, строя свой дом, и был отправлен ссылкой в Туринск уже очень больным человеком.

Весной придётся корчиться и другому соседу. На его участке, знает Наталья Кирилловна, где-то под бурьяном кроется фундамент дома Герасима Носкова; семью родственника сослали под Тавду, а самого “помещика” в первую же зиму насмерть забил на лесосеке десятник.

Качаются на ветру времён одинокие былинки двух некогда сильных крестьянских родов. Замели тогда и родственников по материнской линии. Два брата с семьями, малолетками и восьмидесятилетним дедушкой были сосланы под Кемерово. В родные места никто не вернулся. Нынешняя деревня напоминает выбитое саранчой и бесхозяйственностью колхозное поле голодных лет. Позади, вбок и впереди бесконечная глухая пустота. Шестое чувство гнетёт вина за миллионы пропавших без вести соотечественников. Но прежде, чем шевелить архивные пласты вселенского зла, приведу ещё пару “счастливых” исключений.

По наделу земли у семьи было пятнадцать десятин. Отец ещё брал в аренду у булатовских татар. Они надёлы имели, а посевом занимались очень мало. Платил за землю урожаем с любой на выбор десятой полосы. Трудился отец почти круглые сутки - упадёт, поспит два-три часа и снова за работу. Начинать хозяйствовать на одной фронтовой лошади. Оренбургское казачество призывалось и возвращалось из армии с конём. В двадцать шестом в хозяйстве было уже восемь лошадей, две выездные и шесть стригунков. Каждую весну им стригли хвосты и гривы. Держали пятнадцать голов скота, около сотни овец, две свиноматки, гусей, индюков, кур. Управлялись с хозяйством трое - отец, старший брат Михаил и сестра Анна. Наёмных работников не имели. Отец завёл передовую по тем временам технику - лобогрейку, сенокосилку, сноповязалку. Всерьёз мечтал о тракторе.

В семье с детства, это было принято на деревне, каждый приручал свою лошадь. У Михаила был во-

роной жеребец, а у шестнадцатилетней Анны булатный. Бывало, выйдет она на улицу, конь за ней. Что хозяйка прикажет, то и исполнит, кланяется, встаёт на колени, поднимается на дыбы по взмаху её руки. Николай сын Афонасьев, наш главный герой, пас лошадей в ночном, а осенью двадцать шестого пошёл в первый класс деревенской школы.

Деревня Малое Кукушкино затерялось в пологих чернозёмных склонах Зауралья. Удалённость от городов, до Троицка сто пятьдесят километров, до Миасса - сто двадцать, спасала провинциальный быт и мужицкий хозяйственный резон от цивилизованного суемыслия. В зыбкой памяти детства деревня осталась как воспоминания о родителях, святой и красивой. С крепкими, брёвнышко к брёвнышку, домами в две улицы вдоль речки Увелки. С утренними туманами над водой и рыбалкой, октябрьскими кострами рябин в каждом палисаднике. И ещё тёплым серебром лунных ночей, в котором пахло мёдом и до утра вздыхала гармонь деревенской вечёрки.

В большевистских отчётах такие райские уголки российского благополучия стали потом называться оплотом кулачества. Вообще вожди мирового пролетариата и озадаченные ими “революционерус вульгарис” с подозрением относились к зажиточным районам страны, будь то Украина, Северный Кавказ или Урал, и видели в их благополучии озлобляюще неоспоримый аргумент против социализма.

Ильича, к примеру, неприятно удивила краткосрочная ссылка. Уважающая частную собственность и труд Сибирь плодила “крестьян сытых, крепких и не склонных к социализму”. Для материализации революционных идей требовался мужик незыскательный, квёлый и трусоватый. Да, - и хорошо переносивший принудилровку. Сытый и гордый социалисту не товарищ. Когда власть впадала в лютость, массовые репрессии прежде всего обрушивались на этих государственных пасынков. Знать бы шушенским бабам, кого они отпаивали парным молоком.

Уполномоченные охотно ехали в такие края непуганых кулаков. Останавливались в лучшем доме.

Сняв самогонно-закусочный оброк со всей деревни и прокутив неделю-другую, посланец партии уходил тяжёлый похмельный трясомонад, сопровождающийся обострённым революционным чутьём. Двоядися и троящиеся силуэты аборигенов вызывали классовое отвращение. На горничный стол вместо резных николаевских штофов и простеньких советских четвертей водружались наган с партийной директивой.

Вместе с бытовым антуражем менялся и облик главного персонажа. Морщины запоя в свете высоких партийных задач обретали оттенок державной озабоченности и ответственности. Наступало время реализации объективных исторических закономерностей.

В начале двадцать восьмого семья Кочкиных отпраздновала свадьбу. Женили старшего - Михаила. Гуляли всей деревней, катались на тройках, а молодые на рысаке, который в городе Челябинске на бегах занял первое место и приз - пятьдесят рублей. На эти деньги тогда можно было купить две коровы.

А потом всё пошло прахом. Предшествующий год выдался урожайным. Отец выполнил два заранее доведённых индивидуальных задания по продаже хлеба. Но в добрые не попал. Власти требовали ещё и ещё. Несколько раз обыскивали, выгребали подчистую. Потом приняли решение о конфискации имущества и бойкоте. Заколотили окна досками, нельзя было показываться на людях. Николая из школы отчислили, и, хотя отец обещал выучить сына самостоятельно, было до слёз обидно за непонятное наказание.

В день торгов во дворе, где могли спокойно вернуться две тройки, собралась толпа. Пришли желающие урвать клоч счастья от чужой беды из Большого Кукушкино, Варламово, Житарей, Большаково. Ранее упоминалось, что "раскулачивание" в форме скорых распродаж имущества широко применялось в предколхозную пору принудительных хлебозаготовок.

Отец во время торгов отрешённо смотрел в сторону, а мать безутешно плакала. Торговали до ночи, остались голые стены и сундук снохи Татьяны, которая была из бедной семьи и росла с малых лет сиротой.

Через месяц отца арестовали. Сначала дали шесть месяцев по 107 статье, ну а потом добавили три года. Оставшись за хозяина, Михаил потерял всякий интерес - пропади оно пропадом всё - и прирезал большую часть скота.

На север их смахнули зимой тридцатого в первую же кампанию. Эшеленом № 7 006. Следы его читатель найдёт в графике отгрузки ссыльных из Челябинского округа, приводимых в первой книге. Это интересное и совершенно случайное совпадение. В большинстве полученных от спецпереселенцев писем слышится обида и скрытый вопрос - почему не указаны их эшелоны. Оставаясь благодарным за каждое письмо, я должен ещё раз напомнить, что эти графики даны исключительно для иллюстрации технологии выселения, а не масштабов репрессий. Подобно тому, как по эшелону с минскими евреями, отправленному в Освенцим, нельзя судить о размахе гитлеровского геноцида.

Чтобы восстановить общую панораму бесчеловечности, придётся подождать до второго международного Нюрнберга, надеясь на людскую память и веру в справедливость. Потом заодно и устыдимся за нынешние, оскорбительные для миллионов жертв и миллионов здравствующих в совести, решения Конституционного суда по реабилитации большевизма. Верю, что совесть станет к тому времени неразменным нашим достоянием, ей не придётся скитаться по окрестностям прокоммунистического законодательства.

Погрузили двадцать второго февраля в зарешеченные телячьи вагоны, на полу солома, в углу два ведра для туалета. Двери закрыли на щеколды и открывали на остановках, чтобы только вылить из ведер. Вагоны совсем не отапливались, и малолетки, составляющие большинство классово репрессированных, тут же зло и безнадежно простыли. Матери выли и рвали на себе волосы.

Привезли в Тюмень, где переселенцев ждали десятки тысяч подвод, оперативно мобилизованных со всего Зауралья. До Тобольска добирались более двадцати суток. К ужасному морозу и поголовной про-

студе добавился голод. Продуктов с собой брать не разрешили, не думали снабжать антисоветский элемент и в дороге.

Уже где-то на полпути объявили - можно брать картошку, которую кучами сваливали у деревень прямо на снег. Стылые до звона картофелины на ночлегах варили и ели. Смерть стерегла изгоев по деревням и в пути. Покойников оставляли прямо у дороги, но уважающие революционную дисциплину опгущники не разрешали останавливаться даже подводам с родственниками умерших.

Всё шло строго по кремлёвскому графику. Сани шли друг за другом в три ряда. Весь профиль дороги был глубоко выбит. В сером крошечке снега и земли сани шли туго, и лошади выбились из сил. Сворачивать на обочину не разрешалось. В тот год выпало очень мало снега, земля промерзла и пошла глубокими трещинами. Лошади оступались в них и, ломая ноги, падали. Не было видно ни начала, ни конца обоза, казалось, весь мир потерял рассудок и двинулся к полюсу в этом марше абсурда и смерти.

Сибирский красавец Тобольск встретил "гостей" голодом и неожиданным пристанищем - тысячу ссыльных, в том числе и семью Кочкиных, поместили в старинный собор на высоком берегу. Там, где могла Ермака. С наступлением навигации переселенцев погрузили на баржи и отправили вниз по Иртышу. Пароход "Анастас Микоян" тащил три тюремные баржи - около шести тысяч человек.

У пристани Самарово стояли три дня, а потом потянули вверх по Оби до Сургута. Трудоспособных в определённых местах высаживали на лесоразработки, не минул внимания десятники и Кочкин Михаил. Старых и малых дотащили до деревни Сытолино. Она стояла на старом обмелевшем русле Оби, и пароход не мог подойти близко к берегу. Переправлять людей на берег решили на рыбацких лодках. Подали команду - в первую очередь грузить детей. Кочкина Ирина с тремя детьми и снохой попали в первую лодку. Ошалевший от голода и мытарств народ рвался на берег.

Когда отвалили от "Микояна", большой рыбацкий неводник едва не черпал бортами.

Бедая случилась на полпути. Кто-то неосторожно засуетился, лодка качнулась и медленно пошла под волну. Крики ужаса повисли над Обью. В холодной весенней воде барахтались десятки человек. Николай схватил пятилетнюю сестренку Лизу и поплыл к берегу. Семилетнего Георгия спасла Татьяна, кто-то помог выбраться на берег матери. Утонуло несколько человек.

И спустя шестьдесят лет, не выбросишь из памяти тот день. Чёрный силуэт "Анастаса" на фоне зари, разгрузка затянулась до полуночи, снующие по воде лодки. Одни перевозят перепуганных ссыльных, другие ищут утопленников. И над всей идиллией ада страшный даже в памяти крик матерей утонувших детишек. Женщины бились в истерике у самой кромки воды, судорожно рвали руками первобытно чистый речной песок и кляли весь этот свет, на злом краю которого потеряли самое дорогое.

Прожили в деревне три месяца. На подножном корму долго не протянешь, к осени таёжные робинзоны стали потихоньку пухнуть с голоду и умирать. Николай, оставшись за старшего из мужиков, присматривался к деду-рыбаку, у которого их поселили, научился вязать сети и плести корзины из кедровых корней. Корень царя тайги идёт поверху под мхом, длиной до пяти метров и толщиной в карандаш. Очень легко раздваивается и имеет свойство после сушки не впитывать влагу. Обские рыбаки с удовольствием брали легкие плетёные корзины. Неожиданно обрётённый промысел (куда денешься от врождённой "кулацкой" привычки к труду?) не раз спасал семью от голодной смерти.

К осени поредевшие семьи снова посадили на баржи и тем же пароходом сплавили вниз по Оби до Самарово. Выгрузили в кедрач в пяти километрах от пристани, там, где планировалось строительство нового города Остяко-Вогульска. На семью дали по лопате и приказали - стройте быстрее жильё, через два месяца будет зима. Лепили наспех шалаши, землян-

ки да глинобитные печи. Ночами шалаши от костров горели свечой, унося в небо то, что не успело утонуть в Оби. В пару месяцев ссылка благополучно ушла в землю. После первого снега посёлок можно было принять за тихое лесное кладбище, если бы не живые струйки дыма из-под горбатых накатов.

Зимой стало совсем неумоготу. На обессиленных от голода людей навалились цинга и эпидемия тифа. Мертвых хоронить было некому, их складывали штабелями на больничном дворе и присыпали снегом. Забота о семье полностью легла на плечи Николая. В двенадцатилетнем мальчишке уже крепко сидели навски кормильца и работника. Менял на съестное самодельные корзины, подрабатывал, где удасться, ловил петлями зайцев в лесу, рыбачил на Оби. Промысел давал необходимый для выживания разоставок к двухсотграммовому хлебному пайку. Иногда случались голодные обмороки, но всё добытое приносил семье.

Однажды в Самарово прямо на народе упал, потеряв сознание. Пришёл в себя только на третий день, это был сыпной тиф. Пластом пролежал в больнице сорок пять дней. Сыпняк как литовкой прошёлся по сыпильному поголовью, живыми из больницы выходили немногие. Из семи человек, лежавших с Николаем в маленькой больничной палате, шестерых покойниками снесли в штабель. Пока лежал в больнице, семью опять куда-то перевезли, попытки найти её следы оказались безуспешными.

Ссылку трясло нещадно. Лёгким на подъём антисоветским элементом оперативно летали пульсирующий дефицит и заморные прорехи планового трудоустройства лесозаготовок,строек, заводов и шахт. Поскольку же голод и дефицит являются врождёнными достоинствами отечественного социализма, уровень оседлости сельских контрреволюционеров определялся сложной взаимностью оных с дефицитом подвижного состава и тюремных барж. Хозяйственно окуклившиеся в вечной мерзлоте кулацкие особи власти решительно кастрировали ещё раз и сдвигали на одну природно-климатическую зону севернее.

Вернёмся в будущую столицу Ханты-Мансийского национального округа. Самостоятельному Николаю жизнь в детдоме, куда его определили как беспризорника, не приглянулась. Сразу же подумал о возвращении на родину. Через неделю решил окончательно, встал рано утром, вышел на улицу погулять, спросил у прохожих дорогу на Тобольск и подался. В первый день прошел более двадцати километров, но до первой, спящей в снегах деревни добрался далеко за полночь и еле живой. Утром даже шагнуть не мог, тело немело от усталости. Стало страшновато, ведь до Тобольска более пятидесяти километров, далее до Тюмени триста и удасться ли ещё там сесть в вагон. Спасала и гнала вперёд тёплая детская грёза - сейчас приду в родную деревню, а вся семья уже дома и ждёт...

О том, как питался, Николай Афонасьевич вспоминает нехотя и стесняясь. На обледенелых помойках подбирал рыбы головы и картофельные очистки. И хоть не брезговал ни чем, чаще приходилось ложиться спать голодным и где-то в бане или в стогу сена. На севере деревни удалены друг от друга, за день не всегда успеешь добраться до следующей, а если придёшь поздно, вряд ли кто откроет дверь. Утром, пока люди не видят, обходил помойки, а потом шёл по домам просить милостыню.

Все жили голодно и подавали плохо. Спросят, чей, откуда, долго не верят, что прошёл пешком сотни километров по морозу. Вынужден был рассказывать про Самарово, где есть рыбзавод, детдом и больница, где на кедровой горе строят город Остяко-Вогульск. Удивившись, садили за стол, что-нибудь совали на дорогу. Жаль, что эти рассказы отнимали много времени, значит, к следующей деревне не попадёшь вовремя. До сих пор жалеет ещё об одном. Что врал добрым людям, называя себя восьмилетним, хотя внешне, по росту и худобе, и на этот возраст еле тянул.

За первый месяц, полный неожиданностей и происшествий, осилил более половины пути до Тобольска. Особенно донимала пурга. Она на севере такая, что деревья ломаются, а человека тащит по снегу как мячик. И за три шага ничего не видно. Если пурга

застигала в пути, отсиживался в глубоких снежных выемках, что выдувало вокруг мощных кедровых стволов.

На этот раз буран перехватил на подходе к Александровке. Повалил густой снег, через полчаса упали ранние зимние сумерки и подуло. Шагать стало не только трудно, а невозможно. Вскоре понял - сбился с дороги и, чтобы не утяться от неё далеко, решил тут же заночевать. Набрал полные карманы молодых кедровых шишек, шелуша их, надеялся не уснуть, и устроился у огромного ствола. В голове сидело только одно - не уснуть. К утру, когда прояснило и мороз озверел, всё же не выдержал.

От смерти спас исключительный случай. В ту ночь в деревне, до которой оказалось километра два, крупно набедокурил медведь-шатун. С рассветом хищника увидели на краю деревни, и два охотника погнались за ним в лес. Убегая от преследователей, зверь и вылетел к тому самому кедру, под которым сидел Николай. Обнюхав, он толкнул лапой замерзающего во сне мальчишку и поковылял дальше. Шевелящееся под деревом существо охотники едва не приняли за медведя. Удивляться было некогда, Николая вывели на дорогу, а подвернувшаяся почтовая подвода довезла до деревенского медпункта.

Обморозился парень здорово. Три дня совершенно ничего не видел, перепугался, что ослепнет насовсем. Заревел в голос от боли, когда с обмороженных рук начали сходить ногти вместе с мясом, а ноги сплошь покрылись пузырями. Лечили и кормили всей деревней и долго уговаривали подождать до тепла. Но Николай знал дело туга, по весне все лога и низины возьмутся водой и тогда уж точно до дома в месяц не добраться.

По теплу пришел в Тюмень. Столица ссыльной беспризорщины кишела беглой детворой. Сразу же влетел в одну из воровских шак. Компания, промышлявшая кражами в магазинах и на железной дороге, нашла сообразительного парня хорошим приобретением, в "малине" его отмыли и приодели. Однако на первом же деле новый поделщик дал тягу и, скрыва-

ясь от стрелков охраны и мелкоуголовных покровителей, пробрался на железнодорожную товарную станцию. Когда товарняк на Свердловск, загремев суставами, тронулся, Николай, будь что будет, прыгнул на подножку пыхтящего паровоза.

Рассчитывать на тёплый приём не приходилось, так как беспризорщина в отчаянном стремлении сбегать из жестокого края мухами липла на поезда. Высунувшийся в окно машинист сначала обложил пассажира последними словами и пригрозил сбросить на ходу, а потом приказал подняться наверх. Страх отпустил, когда стали расспрашивать. Ну никак не верили, что отмахал пешком почти тыщу вёрст. Пришлось доставать из-за пазухи записную книжку, в ней Николай аккуратно карандашиком записывал все пройденные им деревни.

В Свердловске машинист сдал путешественника в дорожный отдел ГПУ, сопроводив сие настоятельной просьбой помочь мальцу. Там его выслушали ещё более внимательно, по доброте душевной накормили парня и посадили в вагон. Автор не сомневается, что в жутких репрессивных структурах сталинизма встречались и добрые люди и что когда-нибудь нынешние сотрудники, занимающиеся реабилитацией невинно пострадавших, вспомнят и о собственных вероотступниках, движимых человеческой порядочностью.

Семьи в родных местах, конечно же, не нашёл; с нею, поредевшей наполовину, ему суждено будет встретиться только после войны, спустя пятнадцать лет. Остановился у тётки, целые сутки рассказывали друг другу о ссыльно-колхозной жизни и в перемену ревели. Дома горе было пожиже, но тоже досыта. В прокуренном сельсовете, куда Николай обратился за метрикой, шёл высокий матерный разговор о севе, и, наверное, потому гостя встретили, как теперь говорят, неадекватно. Одни удивлялись, будто выходцу с того света, другие смотрели озлобленно - тут ещё не всех сослали, а этот уже припёрся обратно. За метрикой отправили в райцентр, какая-то сотня вёрст в одну сторону.

Сбегал и в райцентр. С получением прав на легальную гражданскую жизнь устроился вздымщиком - собирать смолу. От радости, что позволено не подыхать в ссылке, а работать, носился как угорелый по окрестным борам с пудовыми вёдрами. Выдавал до двух норм в смену. И через полгода судьба одарила Николая ещё одним остросюжетным зигзагом. Сначала вознесло, по итогам года он занял первое место в области среди сборщиков живицы, а посему был командирован на слёт передовиков трёх областей, проходивший в Свердловске. Передовику вручили пятьсот рублей, костюм с рубахой и посадили в президиум собрания за спинами областных вождей.

Дело было осенью тридцать четвёртого. По всем краям и весям шёл весёлый гон вредителей и саботажников, расплодившихся в микробном множестве. Кинь преднамеренный взор на советское отечество и увидишь только саботажников, ибо его законы абсурдны, как словосочетание "Русь Советская", писаны они теми, кому умственные движения противопоказаны с детства, и, как следствие, физиологически противны существу человеческому. В тридцать четвёртом брали пока вредителя крупного и визуально впечатляющего, не всматриваясь в биографические изъяны.

Тщедушный передовичок не был похож на сына кулацкого и благополучно, задами да огородами - в новом костюме появляться на людях стыдился - вернулся в дом сестры. О подробностях торжественного акта никому не рассказал. И правильно сделал. В тридцать седьмом все почётные члены президиума хором попали во враги народа и каждый получил свою пулю в затылок.

Передовиком ходил Николай недолго. Через несколько месяцев неожиданно и сразу отказали ноги. Не мог передвигаться даже на костылях. Отозвались, видимо, сотни убродно пройденных вёрст и обморожение. Парень стал в буквальном смысле инвалидом. Чего только ни пробовали - парили ноги в осиновом корье, делали спиртовые настои и втирания, садили на кучу муравейника, врачи поили и кололи всем, что хоть как-нибудь обнадёживало. От отчаяния и страш-

ных мыслей отводила работа. В местном лесхозе делал клёпку для бочек, сундуки и прочую мелочь, подручную полуработнику. Наладился даже клеить балалайки.

К нормальной жизни опять вернул случай. По истечении двух лет болезни, когда и сам Николай смирился с ещё одним жестоким вывертом судьбы, за лечение взялась авторитетная местная знахарка. Научно-материалистически подкованная власть преследовала самостоятельных врачей-лечителей, но тут даже местный поселковый врач Егоров отнёсся к делу с пониманием и записал, на всякий случай, всю процедуру лечения в тетрадь. Делали спиртово-табачный настой, парили ноги, жарили, как гуся, в закрытой печи, - Николай Афонасьевич помнит мельчайшие детали и смеётся, - материал по нынешним временам тянет на хорошую диссертацию. Как бы то ни было, на костыли он встал. Через месяц, преодолевая боли в суставах, начал ходить. А спустя год-полгода был годен к строевой.

Летом тридцать девятого молодых новобранцев вместе с автомашинами (Николай ушёл в армию шофёром) погрузили на железнодорожные платформы и отправили на восток. События на Халхин-Голе развивались стремительно, и уральский эшелон подоспел почти к самому шапочному разбору. Но судьба нашла своих и здесь - Николая контузило. Снаряд разорвался перед самой машиной, взрывной волной сорвало кабину, а его засыпало песком. Отлежался, пока все ликвидировали, в полевом госпитале. На Урал возвращались с ценными подарками. По решению монгольского правительства победителям продали по очень низкой цене по паре сапог, отрезу на костюм и кожаному пальто.

На финскую успел в самый раз. Снега были в метр, морозы - под сорок градусов. Не только климат, но и война была другой. Здесь нас чистили в хвост и гриву. Николай на ГАЗ-А подвозил боеприпасы с тыловых баз. Комфорт полуторок известен. Однажды на пути к передовой колонну из пяти автомашин и трактора перехватила пурга. За трое суток машины занесло

по кабину. Костров не разводили - могли накрыть финские артиллеристы. Выручил лигроиновый трактор, взрослые читатели, наверняка, помнят этот простой, как самовар, механизм, он ещё ломиком заводился.

— Пока откопались и доползли на тракторной тяге до своих, страшно обморозились. Всех направили в госпиталь, а двоих, самых тяжёлых, эвакуировали самолётом в тыл. Единожды обмороженный мёрзнет всю жизнь. Николай был без сознания несколько суток, очнулся в челябинском тыловом госпитале, что располагался в клубе ЧТЗ.

После госпиталя, форся сверкающей медалью “За отвагу”, пришёл на Тракторострой. Огромный завод уже работал на полную мощность, собранную со всего Союза молодёжь направили на строительство цеха ширпотреба. Снова сутками Николай рвал гужи на своей полуторке и ревниво следил, чтобы его фамилия была первой в ежедневных сводках о выработке. У нас впереди большой разговор об “энтузиастах” другого порядка, выкладывающихся до грыжи по воспитанному с детства уважению к труду или в стремлении откупиться от политических издевательств и преследований.

На торжества, посвящённые досрочному пуску цеха, приехал нарком по строительству Гинзбург. Ожидалось, что он лично вручит награды отличившимся. Николая предупредили, чтобы на собрание пришёл обязательно и приоделся должным для получения высокой правительственной награды образом. Когда зачитали его фамилию, вбежал на сцену отглаженный и счастливый от мысли, что наконец-то поняли. Гинзбург держал в руках коробочку с наградой, то был орден Трудового Красного Знамени.

Но протянутую для поздравления руку остановил злой выкрик из зала: “Кулаков награждаете? Он же кулак, он же ссыльный!” Николай узнал голос Анны Емелиной, бабёнки ленивой и политически агрессивной, единственной в бригаде, не забывавшей о его “гнилом” прошлом. Нарком на момент задумался, положил орден на стол и сказал: “Хорошо, разберёмся”.

Николай убежал в общежитие, наревелся до головного треска и, намочив полотенце, студил ошалевшее от обиды сердце. Вроде бы всё успокоилось, считал себя защитником Родины, а тут снова кулак.

В пятницу 20 июня 1941 года получил первый отпуск. Накануне добился разрешения съездить на Север к родителям и заказал билет до Тюмени. На двенадцать ноль-ноль в воскресенье. Война и судьба распорядились по-своему. В воскресный полдень он выступал на митинге тракторозаводцев, где записался добровольцем на фронт. Военкомат отправил его в школу десантников под Свердловском, учитывая увлечённость парашютным спортом. Комиссар школы оказался бдительнее и забрасывать сына кулацкого в тыл врага посчитал делом рискованным и для себя, и для отечества. Экс-курсанта вернули на тракторный завод.

Седьмого ноября сорок первого эшелон с уральскими новобранцами, в котором находился и наш герой, стоял на одной из товарных станций Москвы. Война гремела у ворот столицы, и было не до идеологической брезгливости. Утром восьмого числа, как только выползли за ближайшие пригороды, эшелон попал под массированную бомбёжку. Николай снова оказался в госпитале, опять в родном Челябинске. Теперь в госпитале, расположенном в десятой школе пятого участка ЧТЗ, в километре-полтора от места, где оживал после финской.

На областной встрече бывших спецпереселенцев, организованной челябинским “Мемориалом”, Николай Афонасьевич очень волновался, суетливо, по-стариковски перекладывал из кармана в карман упаковку валидола и не выпускал стакан с водой из руки с неполным комплектом пальцев...

Елизавета Ивановна то собирает, то веером раскладывает на столе реабилитационные справки на всех родственников, сопутствующие оправданию справки о сроках пребывания под надзором, выписки из личных и следственных дел. Потом бережно достаёт из пакета старинные, чудом сохранившиеся фотографии и, ласково заглянув в каждую, передаёт мне. Застывшие мгновения доабсурдного и родного прошлого. Муже-

ственные, с бородой по пояс хозяева деревенской России, не крепостная покорность, а достоинство во взгляде и позе, на груди, одинокая делом добытая медаль, а то и Георгий. В женских образах та забытая по распутству души и плоти красота, что не в родстве с бардачно-коммерческой сексапильностью и высоко именуется женственностью. Где же они таких находили?

Грусть и последнюю надежду испытываешь временно, глядя на эти фотографии. Грустно от того, что так внезапно оборвалась восходящая и подлинно национальная крестьянская культура. Взамен её деревне всучили варварство принудиловки и колхозную нищету, которую мы по историческому невежеству принимаем за российскую самобытность. Стоит нам, скулящим прикормышам государства, заглянуть в акты раскулачивания и убедиться - на мужицком дворе было уже многое из того, что определяло цивилизованное по тем временам ведение производства и психологию уверенного в себе хозяина.

Реабилитированное спустя шестьдесят пять лет кулацкое отродье помнит эту культуру живой и, что вовсе поразительно, до бытовых мелочей - от дожелта выскобленных половиц церковного прихода до узора вышивки на домашних полотенцах. Как поимённо хранит в памяти всех родственников. Понятие родины имеет для бывших спецпереселенцев глубокое первоначальное значение. С точки зрения вчерашнего советского бройлера, до очумелости озабоченного утробными проблемами дня текущего, кажется смешным, если не фактом умственной сдвинутости, повышенный интерес кулацкого потомства к следственным делам прародителей. А тем более - стремление восстановить в памяти свою родословную. Зачем? Разве недостаточно простой всеединой любви к нашему общему Отечеству?

Мы дети Страны Советов, не помнящие родства. У полстраны оно с треском оборвалось в тюрьмах, лагерях и ссылках. Но мы внуки и правнуки России! И это вселяет надежду. В нас гены великого народа, где честь и достоинство рода были надёжной гаранти-

ей служения Родине. Осознавшие или не забывшие, что единство российской истории состоит не в хронологической смене благонамеренных тиранов и реэстра подвластных территорий, а в живой, не выпадающей из памяти связи поколений, даже в глухой старости торопятся оживить древо собственного рода, очистить его от помоев большевизма.

Для многих, очень жаль, сознание по-прежнему определяется бытиём - сначала быть сытыми, а уж потом, на досуге, поразмышлять о человеческом. Мы нищи, а потому осмысленно зрим только вбок. Спешим из ничего в никуда. Без благодарности пращурам, без надежды на светлую память потомков. Свидетельством тому заросшие могилы заброшенных деревенских погостов, неприбранные с войны останки отцов и развязные наши дети.

Елизавете Ивановне Воробьёвой, урождённой Разуменко,² не повезло задолго до рождения. В самый разгар столыпинской реакции, как сказал бы убеждённый исторический материалист, её родители - Иван Назарович и Матрёна Павловна - побежали от украинского малоземелья на восток. С единственной целью - жить сносно.

Можно представить муки добровольных переселенцев. Долгими месяцами тянулись на телегах через всю Россию, пока не упёрлись в малонаселённые чернозёмы южного Зауралья. Остановились в хуторе Жохово, основанном первой волной перекатной голи с той же Украины. К зиме вдоль озера Лебединного улицей встали двадцать две саманные хаты. После нищеты и межевых драк на родине новые места показались раем, можно было трудиться и сносно жить.

К первому переполюху, что позднее стали звать Великим Октябрём, в хозяйстве держали четырёх лошадей и около десятка голов рогатого скота. Гражданская, дважды прокатившись по Зауралью, снова загнала в нужду, но желания жить сыто не убавила. Ко второму деревенскому перевороту, выведшему на столбовой путь нищеты, скот восстановили, приобрели сельхозмашины и в складчину на несколько семей купили трактор. Хотя поработать на нём пришлось

лишь один посев, Елизавета Ивановна вспоминает об этом приобретении с гордостью. Одним словом, стали классическими кулаками.

В отличие от многих бывших, традиционно и испуганно, как на допросе в ОГПУ, отрицающих применение наёмного труда, Елизавета Ивановна смеётся - конечно, нанимали. И на посев, и на уборочную. Только наотрез отказывается принять кличку "кулаки". Аборигены соседней деревни Лебёдки, люди неторопливые и неприхотливые, с приездом хватких столыпинских переселенцев начали потихоньку сдавать им землю, постепенно вошли во вкус, а к революции некоторые совсем бросили хлебопашество. Если натуральной платы за аренду не хватало, легко шли подрабатывать к разбогатевшим соседям.

В военный коммунизм обе деревни голодали. Одна потому, что всё отобрали, вторая по причине запрета аренды. На пятый год революции заголодали даже отряды продразвёрстки и ЧОНЫ, пришлось отказать на время от идеи мировой диктатуры и приотпустить вожжи дома. Когда разрешили аренду земли и батрачество, аборигены и пришлые вздохнули с облегчением.

Великий перелом развёл судьбы соседей стратегически. Кулацкое Жохово намеривалось работать и жить по-старому, лебёдкинским пролетариям, осознавшим свою историческую миссию, хотелось чего-то новенького и прогрессивного. Морозным январём тридцатого развернулись главные события. На хутор налетели соседи-активисты, возглавляемые райуполномоченным. Комиссар, хоть и был трезвым, но вёл себя нарывисто и громко нёс что-то про классовую борьбу. Рядовые революционеры были уже очень "хорошими". Не умея изъясняться соответственно историческому моменту, они крыли матом скупых хохлов и требовали открыть немедленно амбары.

Конфискованное кулацкое имущество кучей свалили во дворе Ивана Разуменко. Витиеватость сюжета заключалась в том, что отец и дед, вызываяще зажиточные, ходили в большом почёте. Они слыли первыми в районе кузнецами, умелыми работниками и

рыбаками. Иван Назарович водил дружбу с начальником райотдела милиции Дегтярёвым, вместе с ним приходилось устраивать рыбацко-охотничьи забавы для окружного руководства. Бывал у них даже секретарь Челябинского окружкома ВКП(б) Финковский. Понятно, что на таких кулаков не то чтобы прыгать, лаять было опасно. "Подведут, Иван Назарович, эти друзья и тебя под Соловки, бежать бы надо", - не раз вспоминал отец в ссылке предупреждения соседа-учителя. Эх, кабы знать, чьими устами говорит Господь.

Жизнь, между тем, скручивалась по спирали, описанной в начале книги. Из-под следующей разнарядки на выселение, как ни ублажал отец власть, отдав лучших лошадей в коммуну, вывернуться не удалось. Кинулся в район. Бывшие друзья, вчера ещё ласково заглядывавшие в задницу благодетеля, от встречи уклонились и спровадили Ивана на лесозаготовки. С семьёй, повисшей на плечах Матрёны Павловны - десять девчонок и двое пацанов, все от семнадцати до года, - расправились, как требовалось по партийной инструкции. Сначала дотла обобрали.

Стыдно было за людей, вспоминает Елизавета Ивановна, когда с нас, девчонок, нацепивших на себя по два-три платя, во дворе и прилюдно их сдирали. При этом все нехорошо смеялись. У четырёхлетнего брата Володи случился нервный шок и на полгода полностью отнялась речь.

Следующим же днём после раскулачивания во двор вошли комсомолки и по-хозяйски стали доить национализированных коров. Не кормить пришли, а сразу доить. На одной из активисток была шаль с кистями, в которой Лиза ходила в церковь. Подаренных коммуне лошадей и часть трактора, конфискованного год назад при высылке компаньонов по складчине, занесли, чтобы оттенить социальную мерзость девчонок, в акт раскулачивания.

До станции Чумляк их гнали те же активисты, а напоследок, в ночь перед погрузкой в вагоны, ещё раз перетрясли и пересчитали в поисках кулацкого золота всё тряпье ссылаемых. Потом к этому привыкнул. На

каждой ночёвке этапа и года три уже в ссылке их будут преследовать внезапные и поголовные шмоны. Чем дальше, тем злее.

В двадцатидневном переходе по тракту крестьянского горя - от Тюмени до Тобольска - девчонки поторялись. Разве упрячешь в сани такую ораву? К тому же старше четырнадцати лет предписывалось двигаться в ссылку пешком. Летающие вдоль сплошной колонны верховые нагайками расправлялись с нарушителями. Матрёне Павловне хватало заботы с двумя годовалыми двойняшками - Валеи и Соней. При всей бесчеловечности творимого она оставалась матерью и на ночёвках, уложив малышей, собирала по дворам рассыпавшуюся семью.

Двойняшек только до Тобольска и довезли. В дороге пообморозились даже взрослые. Потом холодная сырость разрушенного Софийского собора и жары в три этажа, приходилось рубить и жечь иконы, чтобы обогреть детей. Потом стылые с забитыми окнами бараки нижнего города. Тут младшенькие и умерли.

Весенними баржами крестьянскую ссылку второй волны опять спустили по Оби. По берегам бушевал голод и тиф. Партию, в которой находилась семья Карпенко, высадили в посёлке Юрты-Резаны. С коренным населением - хантами - поступили круто. Гепеушники сопровождения просто выбросили их из тёплых зимних юрт в летние, что по берегу Оби. Пользуйтесь нашей добротой! - широким жестом пригласила кулаков к новоселью власть. Отсюда мужиков и всех трудоспособных отправили на речку Вогулку строить посёлок Ингисоим, где-то километрах в двадцати пяти от Берёзово. К зиме в него перебрались все остальные.

Всякого натерпелись - итожит Елизавета Ивановна первые годы ссылки. Мы ещё взглянем на судьбу спецпереселенцев с фальшивых высот массового энтузиазма, реальных мук второй советской голодухи и всесоюзного чертогона за вредителями и врагами народа. Но что может быть дороже личных воспоминаний? Они придают цепи бумажно зафиксированных фактов телесность живого потока истории.

Зимой основное занятие ссылки - лесозаготовки. Мужики и взрослые женщины уходили вглубь тайги на лесоповал промышленной древесины. Девчонкам и малолетнему мужскому подгону нарядили заготовку дров. Сначала под трудповинность попали две старшие дочери - Мария и Федосья. Четверых девчонок Иван Назарович, он к тому времени отыскал семью, отдал в прислугу местному комендантскому начальству.

Немного спустя, когда всех иждивенцев ссылки сняли с продовольственного, да и всякого снабжения, все, кто ещё держался на ногах, пошли в лес. В штатные рабочие, претендующие на получение мизерного суррогатного пайка, детей принимать запрещалось - социализм! Вот и оставалось одно - помогать старшим выполнить ударную норму, чтобы они могли получить полный паёк.

Поленья надлежало пилить не короче семидесяти пяти сантиметров. Пилить ладно, как-то с трудом великим получалось. Но вот колоть! Почти ежедневно ревели девчонки досыта, всадив топор в узловатый и неподъёмный комель. Было чему расстраиваться: если не выполнишь норму или приёмщик найдёт в поленице короткие дрова - лишали пайка. Заготовленные тысячи кубометров потом никуда не вывезли, они сгнили прямо в штабелях, и много скорее, чем кости малолеток, не выдержавших ада ссылки.

В который раз Елизавета Ивановна, боясь, что не поверю, даёт адреса двух очевидцев, соседей по берёзовской ссылке. Решил успокоить и показал кое-что из своей переписки со ссылными. Она расстроилась ещё больше - ну вот, обещала рассказать на целую книгу, а вы уже всё знаете. Попили чайку, успокоились оба и сошлись на том, что ссылка - наше общее несчастье, но для каждого человека она печальна или трагична неповторимо. И это горе не забыть, не вычерпать.

Летом трудоспособных и выживших перегнали на Обь. Вчерашние земледельцы становились рыбаками. В первое лето ссылки идея тотального рыболовства пришла партийным властям наобум. Не то чтобы Со-

веты испытывали острый недостаток очищающего интеллект фосфора, нет. Рыбу хорошо и в достатке ловили аборигены. Надо было чем-то занять огромную массу сплавляемого по северным рекам люда.

На следующее лето удачный экспромт обрёл черты положительного начала в решении вечно актуальной продовольственной проблемы. Жрать стало нечего, ни скоромного, ни вегетарианского. Туземное население избегало сотрудничества с оголтело революционными представителями власти. Пришлось нашим прародителям нырять в раннеарктическую эпоху и начинать с ловли налимов, которые, этого не зная даже гениальный Нильс Бор, лучше берут на ерша и ночью.

Назвать матушку Обь кормилицей крестьянской ссылки - значит, почти ничего не сказать. Значит, забыть, что рыбу ловили каторжане, что были просто планы и планы встречные, что всё выловленное подлежало отправке красными обозами и эшелонами. Что и на севере в полную юридическую силу действует указ "семь восьмых". Словом, картина Репина - "Лов рыбы на Оби в неуставной рыбартели имени ОГПУ".

Нештатное население приобской и лесной ссылки с наступлением тепла тоже меняло характер трудовых увлечений. Ничто не учит так основательно, как голод. Дотянув до лета, отошавшие старики и дети выходили на сбор и заготовку подножного корма. Делать это приходилось попутно, хотя заготовительные организации уже с интересом присматривались к лесным шатунам - нельзя ли из говна квас сделать.

Неоднократно отдел спецссылки ПП ОГПУ директивно пугал комендатуры, что те слишком мягко относятся к спецпереселенцам и включают в число иждивенцев людей, вполне способных к физическому труду. Слишком много у вас стариков и детей, сомневался в каторжной статистике заместитель начальника ОСП ПП ОГПУ Клингман и приказывал "провести более тщательный отбор трудоспособных спецпереселенцев, доведя их использование не менее 60 % к общему числу".

В ранге общественно полезной и, следовательно, принудительной деятельности числились: выжигание тайги и кустарников, корчёвка пней, освоение на месте содранной растительности сельхозугодий. Начинали сеять первые овощи и разводить скот. Всё это делалось в хозяйствах при комендатуре. Позднее их преобразуют в неуставные сельхозартели, тот же колхоз, но с комендантским режимом труда и быта. Частное хозяйство не разрешали, да и земли под него не было.

Однако не подножный корм спасал ссылное детство. Выжили преимущественно те, кто в суровые тридцать голодные жил с трудоспособными родителями или в сколь-нибудь крепком родственном кусте. Одиночек ссылка выжгла сразу. Потеря или увечье родителей были равносильны смертному приговору. "Ради бога, не оставайтесь здесь, бегите домой, а то сдохнете!" - наказывал перед смертью сыновьям искалеченный на лесоповале отец. Один из них внял совету и выжил, написав про это мне. Двое братьев остались и в зиму с тридцать третьего на тридцать четвёртый вымерли под Ныробом вместе со всем спецпосёлком. Иван Разуменко почти вытащил семью из самых лютых лет. Почти...

Той осенью с планом рыбозаготовок было особенно плохо. Потому путину затянули под самые октябрьские праздники, когда по ночам мороз уже перехватывал льдом весь просвет реки. В одну из ночей тридцатитонная баржа, на которой работал Иван Назарович, вмёрзла окончательно. Вместе со сданной промысловыми бригадами рыбой. Двое суток мокрые и злые долбили лёд у бортов плашкоута, надеясь, что подойдёт буксир и спасёт. В конце концов реку так закоробянило, хоть до полюса на коньках беги.

Дело случилось километрах в ста севернее Берёзово. Эту сотню налегке и в броднях Иван со товарищи и отмахали. Пытались двигаться по льду, прожигал насквозь даже небольшой ветер вдоль реки, да и лёд местами был сильно заторошен. Пошли лесом вдоль берега, прямо по снежной целине. Когда подходили к Берёзово, Иван Назарович находился в том сумереч-

ном состоянии здоровья, при котором кажется легче умереть.

Утром в больнице с ужасом узнал, что жену Матрёну Павловну арестовали за какое-то вредительство и ещё вчера пригнали в берёзовскую тюрьму. Бросился в ноги начальнику тюрьмы. Ссылаясь на то, что без помощи ему не дойти до дома пешком, что он передовик труда, это было чистой правдой, выпросил-таки жену, клятвенно пообещав - к десяти ноль-ноль утра та будет на своём месте в камере. Так и осталось неясным - человеческому состраданию или просто хорошему настроению начальника берёзовской тюрьмы супруги Разуменко обязаны последней на этом свете и короткой встречей.

Утром мать ушла в тюрьму. А отец слёг всерьёз, по ночам страшно кашлял и при каждом стуке поднимался испуганно с кровати - "за мной идут!" Боялся злой памяти Советской власти, ведь по своим хозяйственным характеристикам он вполне тянул на первую категорию, которую разом смыли в концлагерь. Могли завести дело и по факту вмерзания плашкоута, время было шальное, в моде ходило вредительство. Может бы и дождался гостей вправду, доживи он до первых чисел декабря, до того свирепого постановления СНК, по которому душами таких вот контрреволюционеров и вредителей моментально расквитались за сомнительное убийство Кирова.

В доме остался отец, ещё раньше свалившаяся с ног сестра Татьяна, двое младших братьев и Лиза. Две сестры работали на заготовках, двоих отправили за сто километров в Перегребное, в школу для спецпереселенцев. Стало невтерпёж. Вчера ещё уверенный в себе пятидесятилетний мужик с ужасом видел, как разваливается семья. Он-то знал цену ссыльного сиротства.

Незаживающим шрамом памяти для каждого нормального человека остаётся взгляд умирающего родителя. В глазах отца Лиза ловила боль, вину и бессилие. "Нет на свете человека, которому сейчас хуже, чем мне", - пожаловалась она в тот день, 23 ноября, своей подруге. Нет, есть, возразила соседка - горемыка.

Наверное, она ошиблась, в тот день умер Иван Назарович.

Отец лежал в доме больше недели, стал нехороший. Копать могилу было некому, соседи хотели вынести тело на улицу, но Лизе было жалко отца. Потом, когда умерли с голоду соседи-переселенцы Попов и Кутько, совместно выдолбили могилу и похоронили сразу троих.

Мать отпустили через три недели, вредительство не подтвердилось. Это и спасло семью. Матрёна Павловна всю дорогу до Ингисоима торопилась, будто хотела успеть к чему-то, а по посёлку, заснеженному и вымершему, пошла тише и тише, боясь взглянуть на родной дом. Дошла до крыльца и не выдержала. В дом её ввела повзрослевшая от горя дочь и хозяйка...

Матери ссылки. Они взвалили на себя ежедневные и многолетние заботы о сохранении семьи, познали сполна юдоль печали, теряя детей и мужей в голодовках, каторжном труде, судорогах репрессий и войне.

В отличие от континентального социализма, в котором суровая действительность часто ретушировалась густым колером пропаганды, ссыльная голодуха незаметно и естественно выросла в годы расстрельные. Ингисоим. Лето тридцать седьмого, покос. Наши малолетние персонажи уже вошли в трудоспособный возраст, тот возраст, когда следует жить не только деятельно, но и сугубо ответственно. У каждого дня достаточно своих забот, да не всегда хватает ума осознать это.

Возвращались с покосов, расположенных на другом берегу Вогулки, большой бригадой. К тому времени ссылка держала общественно - энкэвэдэвский скот, что разнообразило палитру принудиловки. В неводник садились, шутливо толкаясь и подтрунивая друг над другом. Радовало предстоящее воскресенье и что пораньше отпустили с работы. Молодость и в ссылке остаётся ветреной.

Смех моментально стих, когда на берегу у посёлка увидели катер НКВД и четверых засупоненных сотрудников, расхаживающих по песку. Холодное предчувствие не обмануло. Прямо на берегу из брига-

ды выдернули тринадцать молодых мужиков, а остальным приказали разойтись. В число арестованных попали родственники Иван и Александр Яковлевы, соседи по ссылке и земляки - Мальцев, Духонин, Шевелёв, Грачёв, Стариков, Воронин и другие.

В воскресенье целая депутация спецпереселенцев пошла в Берёзово выяснять причину ареста. Была среди них и Лиза. В здании НКВД играла музыка. Вышедший дежурный сотрудник сначала с глупой наивностью сказал, что и слыхом не слыхивал о таких, а потом, игриво сменив мину, угрожающе посоветовал просителям впредь ничего не узнавать, во спасение собственных шкур. Больше арестованных никто не видел. На настойчивые, спустя пятьдесят семь лет, запросы Елизаветы Ивановны о родственниках Яковлевых было заявлено, что они расстреляны в октябре тридцать седьмого в Ханты-Мансийске.

С точки зрения конечного результата несущественно, оказались ли арестованные членами монархически-эсеровской террористической организации или японско-германскими шпионами. А может, фантазии НКВД неисповедимы, их чёрт занёс в подпольную организацию правых, орудовавших на Урале под началом секретаря Уралобкома ВКП(б) Кабакова вкупе с шеф-сатрапом Нодевым, тем самым, что вершил всеми делами ссылки.

Если совершенно бессилен перед властью, остаётся только привыкать. Брать стали чаще, а расстреливать, чего кантовать врагов народа за тысячу вёрст, прямо в Берёзово. Старшую сестру Феню вынули из пайковой очереди за контрреволюционные разговоры про то, что жрать нечего. По причине шестимесячной беременности дали только десять лет по статье 58-10 УК. Вообще-то Феня тянула на полноценного врага народа с летальной мерой социальной защиты, ибо творила преступное деяние на территориях, приравненных к военным, со строгим комендантским режимом. Казус спас её от солидной уголовной дробы 58-2 УК.

Четырёхлетнего больного ребёнка бабушка взяла из омской тюрьмы. Все десять лет мать ничего не зна-

ла о нём. Брат Павел погиб в Белоруссии, когда ему исполнилось девятнадцать лет. Перед отправкой на фронт ему купили первую фуфайку.

“Расскажите побольше о маме, напоследок попросила меня Елизавета Ивановна. Что ей ответить? Каждая беседа со спецпереселенцами заканчивается такой просьбой. Не стынет в душах этих прадедушек и прабабушек сыновняя любовь и благодарность. Их родители действительно святые, и за то, что выстрадали, и за то, что сотворили.

Передо мной долгие десятки писем бывших переселенцев. В каждом потопленная в общей беде, но уникальная в её проявлениях биография крестьянской семьи. Любая из них тянет на исторический детектив. Стоило бы сосредоточиться только на этом. Тем более, что тихо и незаметно уходят живые свидетели самой пакостной, уверен, страницы отечественной истории. Всё чаще опаздываешь на встречу с авторами писем. Тонет в небытии история в провинциальных лицах.

На какой-то стадии социальной реанимации к нам вернётся здоровое ощущение того, что история не есть набор сюжетов про интимную жизнь монархов, вождей, генсеков, про криминальные выходы временщиков, спящих в современных информационных помоях. Успокоятся до нормы плоть и половое подсознание, взбудораженное многотиражной и всеэкранной похабщиной. Мы обречены стать нормальными людьми. Придётся сожалеть, что не нашлось средств, бумаги, эфирного времени для того, чтобы выслушать исповедь принудительных строителей той цивилизации, на обломках которой творили шабаш.

А мы перейдём от лирики личных воспоминаний к документальной прозе в режиме объективно заданного социалистического сюрреализма.

Дети-спецпереселенцы. Хотя крестьянская ссылка была подана чисто политической расправой с классовым врагом, её главной жертвой стало деревенское детство. В эшелонах и обозах, конвоируемых на Север лютой зимой тридцатого, около половины репрессированных были моложе шестнадцати лет.

Правда, в списках высланных по первой кампании из сельскохозяйственных районов Урала доля малолеток несколько ниже и варьируется от тридцати до сорока процентов. Объясняется различие просто: до начала кампании, вспомните, главы кулацких семей и трудоспособные сыновья были арестованы либо принудительно отправлены на лесозаготовки. Вспомним и про то, что по пути следования к месту ссылки из этапов изымались бригады для организации тех же заготовок и строительства. Так что этап и первые месяцы каторжного устройства легли в основном на плечи женщин, детей и стариков. В большинство семей мобилизованные мужики вернулись к весне, по окончании зимнего лесозаготовительного сезона. Иногда уже неисправимо поздно.

В качестве совершенно типичных примеров даю расклад перемещённых лиц по двум районам Урала. Вечером второго марта 1930 года на станцию Лебяжье прибыла, а назавтра отправлена маршрутом на Тюмень, партия кулаков из средненького и серенького Мокроусовского района числом в пятьсот девяносто душ. Среди них 230 детей, 60 стариков, по 150 трудоспособных душ обоего пола.³ И всё это в диапазоне от года до девяноста лет.

Доля кулацкой зелени в партиях, надо полагать, заранее не планировалась. Не в пионеры же принимали. Относительно равный уровень по тридцати обследованным районам Урала вытекает скорее из сложившегося состава крестьянской семьи. Высшая и осознанная математика большевизма проглядывает в другом - разнарядки на репрессии по районам рассчитаны на каждого тридцатого.

Вооружённые математико-исторической закономерностью, сунемся в мир фактов. Богатому, с 25 тысячами населения, Белозерскому району, что тянется по пойме Тобола, плановый контингент ссыльных рассчитайте сами. Совершенно верно, восемьсот тридцать три и три в периоде. Местное ГПУ и райисполком прикинули закон на местность, у них тоже получилось 853 кулацкие единицы, 300 детей, 100 ста-

риков, остальные в пополаме между бабами и мужиками.

Украсили белозерский этап Худяков Иван Николаевич из деревни Скопино, родившийся за две недели до акции, и мэтр зауральского кулачества - дедушка Бурцев Ион из деревни Пушкарёво, разменявший накануне второе столетие. Пятьдесят мужиков успели дать тягу, о чём внутренние органы Советской власти помнили до недавней реабилитации.⁴

Обобщённых и точных данных о размерах и возрастной структуре крестьянской ссылки не знают даже архивы ОГПУ, основные причины этого изложены в главе о раскулачивании. Однако промежуточные документы уральских перевальных пунктов (Тобольск, Надеждинск, Соликамск) свидетельствуют о том, что в тридцатом доля малолеток во всех партиях, прибывающих из России и Украины, зашкаливала далеко за треть. В тамошних партиях змеились такие же хромосомы огорожденного вора, в дури рвали самые крупные и зелёные семейные кусты.

Данные по глухим медвежьим районам прозвучат фальшиво для нынешнего агрессивного партохвостья, ностальгирующего по комиссарским галифе и полупуповому маузеру на холке, малоубедительно для озабоченной судьбами российской демократии зюгановской партноменклатурной вытяжки. Обратимся к кристально чистому авторитету. По статистике ПП ОГПУ на 1 января 1932 года, на Урале было расселено более 540 тысяч спецпереселенцев, что сделало опорный край державы лидером социалистической колонизации. Наше лидерство неоспоримо, поскольку зафиксировано в докладной записке Ягоды Сталину от 12 октября 1931 года.⁵

Пусть гепеусовская точность до десятка тысяч вас не обманет. Полмиллиона с лишком, указанные в отчёте, учитывают только кулаков второй категории, пропущенных через всесоюзно организованные массовые кампании, и совершенно не принимают во внимание репрессированных по линии местной выселенческой самодеятельности. На ту же отчётную дату на кормовом балансе уральского ОГПУ числи-

лось 484 тысячи спецпереселенцев, в том числе 170 тысяч детей и 130 тысяч стариков.⁶ И к этому неоспоримому факту следует принаться. Опять косяк треть приходится на детей. Но позади был полуторалетний мор. Сколько же иноков втоптала в грунт предшествовавшая ссылка?

Сообщение о гибели детей от холода пошли со многих комендантских пунктов. Они, правда, не имели самостоятельного информационного значения и писались в объяснение задержки с отправкой родителей. Отход детского поголовья на следующих этапах, вплоть до места постоянного проживания, не учитывался. Общепринятой учётной единицей оставалась кулацкая семья. Комендатура приходовала контрэlement по факту. Контроль за детским населением не озаботил и комендантов спецпосёлков, если не принимать в расчёт редкие благие движения души.

Каторжан постоянно перегоняли с места на место по всем 68 районам расселения. Оставалось только подождать до очередного сдвига, новый комендант опять принимал по факту, а вымершие детишки растворялись в статистическом вакууме. Сейчас мы жутко милосердны! Найдёшь в списках выселенных брата-грудничка, получай посмертную ему реабилитацию. Но справки о сроках пребывания под надзором, совпадающих для него с пребыванием на этом свете, можешь и не получить. У выживших-то не всегда такие есть. Что ссылали, помним, акт раскулачивания деда объяснит - за что. А вот сколько протянул в ссылке - запомняли.

За жизнь родителей и муки собственные бывшие спецпереселенцы получили бесплатный проезд в трамвае и мелкие, но обременительные для местных бюджетов услуги. Кошунственно, но хорошо, что уже некому платить за погубленных в ссылке детей. Бюджет не совесть - не всё выдюжит.

Пошли дальше. Перед нами "Меморандум № 1" Уральского областного комендантского отдела - ОКО (инстанция по управлению крестьянской ссылкой) от 5 апреля 1931 года. Взят он из архивного тома с политическими обзорами и донесениями ОГПУ в адрес

Уралобкома партии. Конспективно пробежимся по страницам документа.

"При обследовании спецпосёлка при штольне имени Крупской в Губахе инспектором ОКО было установлено, что около 50 спецпереселенцев не получают в течение двух недель продуктов питания... При обследовании кулацкой ссылки в Кизеловском районе установлено, что спецпереселенцы промтоварами не снабжаются, вследствие чего отмечен ряд невыходов на работу за отсутствием обуви...

Обследованием спецпосёлков Надеждинского района установлено, что в большинстве посёлков наблюдаются перебои в снабжении продуктами питания и зачастую на длительный период семьи переселенцев остаются без продуктов питания... На почве необеспеченности продуктами питания в районе появилась эпидемия сыпного и брюшного тифа...

В связи с необеспеченностью продуктами питания повсеместно отмечено снижение трудоспособности и увеличение заболеваний тифом и цингой... (Сосвинский и Гаринский районы).

В Ивдельском районе отмечены перебои с продовольственным снабжением переселенцев и полное отсутствие промтоваров. Участились случаи побегов ссыльных и заболеваемость тифом и цингой...

В Берёзовском районе заболеваемость цингой приняла угрожающие размеры...

Чусовской район. По причине недостаточного питания обнаруживается массовая заболеваемость спецпереселенцев и особенно детей...

Ныробский район. Обнаружен ряд случаев, когда ссыльные даже в мороз были совершенно разуты. Нет даже лаптей. На этой почве отмечены массовые заболевания. В районе за отсутствием муки переселенцам выдаётся хлеб с примесью 90% опилок...

Чердынский район. Спецпереселенцы совершенно не обеспечены продовольствием...

Тобольский округ. Массовое заболевание тифом..."

Заканчивалась первая зима ссылки. По всему поясу социалистической колонизации полыхал голод-

мор. От тифа и голода вымирали целые посёлки. Ещё в конце тридцатого государство, ссылаясь на дефицит продовольствия, ссадило с обеспечения иждивенческий контингент переселенцев. Для лесной ссылки, сожравшей почти всю первую партию репрессированных, это был смертный приговор.

Скрытое паскудство властей заключалось не только в том, что партия, не решившись прямо дать подлую директиву, настоятельно рекомендовала потребкооперации оставить без куска хлеба большую часть переселенцев. Трудоспособные члены семей были принудительно объединены в производственные бригады и вывезены на лесозаготовки в тайгу, где безвыездно находились шесть - девять месяцев. Денег им на руки не давали, зарплата уходила на погашение стоимости пайков. Да что деньги, продуктов питания в свободной продаже не было даже в континентальном социализме.

Безответные дети, старики и женщины перешли на подножный таёжный корм. Перед фактом массовой детской смертности от голода комендантам посёлков дали понять, что не стоит строго блюсти инструкцию о ссылке, запрещающую покидать место отбывания. Не нужно, проинструктировали комендантов изустно, препятствовать уходу детей (только детей!) в лес и тундру в поисках продовольствия и попытках бегства в родные края.

И уходило ссыльное детство в зимнюю тайгу, чтобы, заблудившись, умереть от истощения или стать жертвой хищников. По весне местные власти северных городков Урала с тревогой сообщали о выходе из лесов многих тысяч голодных беспризорников.

Алмазной дроблёнкой осела в сокровищнице партийного опыта ссылка тридцатого. Следующей кампании надлежало стать бриллиантом, впаянным в ювелирное творение большевистской вразумительности. Сначала на выселяемых приказали смотреть как на бесполезный социальный балласт. Отсюда демонстративная бесчеловечность акции от родного порога до высоких широт. "Эх, расстрелять бы вас на месте, - высказывали свой резон коменданты эшелонов, озабо-

ченные нехваткой подвижного состава, - всё бы меньше возни!"

В тридцать первом ссылали больше, но в каждом репрессированном требовалось распознать трудоспособного или хотя бы примитивно полезного делу социализма раба. На станциях отгрузки и перевалки поставили селекционеров, способных походя и безошибочно определять общественную надобность отгружаемых. Как потом будут делать в Освенциме и других гитлеровских концлагерях.

Лучше всего для селекционной работы подходил райисполкомовский кадр, сочетающий легитимность должности с лютостью. Место, прямо скажем, ответственное. Если попадал селекционер сердобольный, честно отсеивающий зелёных да жухлых, в обком жаловались местные партийцы - саботирует, мол, контра классовую борьбу в деревне. Когда у вагона вставал идейно убеждённый, ячея отсева заметно укрупнялась. Теперь обкому жаловалась комендатура перевалки на то, что местные власти обманывают партию и вместо толстопузых кулаков сплавляют на Север потенциальных покойников.

Лёгкая коммунистическая самокритика времён перестройки назовёт это милосердием, навеянным, якобы, жалобами крестьян Калинину. Сатаной оказался дедок-то. Разорвать в клочья семью, враз осиротить и детей, и родителей - если это милосердие, то что тогда называть жестокостью? О престарелых впереди будет особый разговор. Сейчас уместно вспомнить только один эпизод из классической ссыльной биографии Бабиной Татьяны Николаевны.

Её дед Фёдор Никифорович, достопыпинский переселенец из-под Рязани, шесть лет ходил в батраках, заработал и построил крестовой дом в Полетаево под Челябинском, завёл хозяйство, а к великому перелому хранил под навесом самовязку, лобогрейку, молотилку, фаэтон на рессорах, две кошевы ковровые, телеги на железном ходу... Шестидесят ульев и два десятка голов крупного скота закончат избранные места из акта раскулачивания.

До семидесяти лет ровно работал, богател и обростал внуками. Обнищал и осиротел вмиг. По старости выдернули из семьи у самого вагона... Спустя полтора года обросший и вшивый старик сошёл с баржи у посёлка Малый Атлым, что почти в центре приобской ссылки. Фёдор Никифорович нашёл свою семью, чтобы спокойно и вскоре умереть.

На Север, встречным курсом малолеткам, бегущим из ссылки, двинулись полусироты тридцать первого. Это их появлению с юга удивлялись, а потом чертыхались коменданты спецпосёлков. Толпы детей добирались до ворот спрятанных в глуши отделений ВишЛАГа. И с надеждой смотрели в колонны зеков, возвращающихся с работы в зону.

Милосердие милосердием, но всё-таки заглянем в один из эшелонов тридцать первого, чтобы убить фактом сомнения. Страна уже привыкала к глухим стонам из пролетающих теплушек, присмотрелась к снующим вдоль меридианов специальным эшелонам. Бесконечные пешие этапы, уходящие под морозную дымку горизонта, стали обычными для уральского зимнего ландшафта.

Вагоны открывать не будем, развернём любовно составленный реестр душ, отправленных эшелонам из Юргамыша, скажем, в Надеждинск. Вагонов в составе семь, 237 человек переданных по акту. Из них 110 человек младше десяти лет!⁸

Нервночувственный взвился бы от негодования. Или взаправду опечалился. У нас с органами всё в порядке. "Ну и хера ли?!" - моментальноотреагировал сосед по купе нравственной оценкой поколения, пребывая в навязчиво рассудочном, после бутылки белого, состоянии духа. Я думал, что ему, юргамышскому по рождению, изложенное выше покажется интересным. "Дожили, - углубил он историческую тему до стука, - завтра бутылки придётся сдавать на хлеб!"

Может, он сермяжно прав. Какая корысть в знании того, что начальник Юргамышского райуправления ГПУ Буков, командовавший отгрузкой, был азартным и сразу променял все человеческие достоинства на чекистский гонор. Да и версия это только, а не

истина. Вполне допустимо, что райсатрап был просто хитрым, дабы не отвечать за детскую смертность в подопечных деревнях, вышвырнул подозрительную молодёжь за пределы района. Концентрировать зло на этой персоне, однако, не стоит. На провинциальных карательных должностишках он провертелся ещё шесть лет и бесследно исчез в тёмном омуте репрессий тридцать седьмого.

Десятки тысяч детей, оставленных ссыльными в уральских деревнях - у родственников, знакомых и просто так, в расчёте на выживание, - первыми попали под голодуху. Рядом с ними горькую судьбину хлебали дети, родителей которых причислили к кулакам третьей категории. Тут забирали только трудоспособных членов семей, а детей и стариков, чтобы не омрачать панораму индустриализации бытовой убогостью, оставили. Но государственным вниманием не обошли. Об очередном повороте их судьбы напоминает вот эта партийно-гепеусовская ксива - телефонограмма № 95 полномочного представительства ОГПУ на Урале.

"Всем начальникам райуправлений ГПУ". Естественно, секретно. "В ближайшее время предстоит подъём кулацких семей... Выясните наличие трудоспособных женщин, мужчин-стариков, детей-подростков, могущих быть использованными на работе в совхозах: зерновых, скотоводческих, огороднических и на лесозаготовках..."⁹

Третьесортный детско-старческо-бабий трудресурс мобилизовали и передали в вечное бесплатное пользование свежееорганизованным совхозам, а также лесозаготовительным трестам. Обсевки крестьянских семей из глубинки перегоняли вместе с гуртами конфискованного скота за сотни вёрст в совхозы-гиганты. Следовавшие за гуртами телеги или сани подбирали павших животных. Для учёта. За падёж скота снимали головы, лепили саботаж или вредительство. За естественный отход людского поголовья не наказывали, почитая таковой необходимым следствием классовой борьбы. К зиме на тридцать второй многие уральские

совхозы обросли таборами-экономиями национализированных детей, стариков и скота.

Со ссылкой на Север мы как-то познакомились, заглянем в лица тех, кому посчастливилось отбывать ссылку на юге. По разнарядке Курганского окружкома ВКП(б) предписывалось направить из Юргамышского района в звериноголовский совхоз "Овцевод" 450 человек из числа выселенных по третьей категории.

Для подъёма общественного животноводства признали необходимым, заглянем в реестр, подписанный тем же Буковым, мобилизовать, к примеру, Хлызову Татьяну (Кипельский сельсовет), её свёкра и свекровь, которым на двоих было сто шестьдесят с гаком, семью Черепановой Натальи (Кислянский сельсовет) с дочерью 11 лет и сыновьями-погодками 1 и 2 лет, семейную бригаду Ситникова Якова Филипповича, 73 лет (Убиенский сельсовет), в составе жены 73 лет, молодой снохи и годовалого внука, матери Екатерины Афонасьевны 92 лет.

Из 437 человек, отправленных самоходом к месту отбывания, более двухсот детей младше четырнадцати лет и семьдесят стариков. И ни одного работоспособного мужика.¹⁰ Сильная половина этапиремых семей тянула ярмо принудительного энтузиазма в котлованах Челябинского тракторостроя.

Вал детской беспризорности захлестнул Урал и всю крестьянскую ссылку от Карелии до Сибири. Сиротством и нищенством расцвела колхозная деревня. В борьбе с голодом ссылка была бессильна. Скоро опустили руки и перед массовым сиротством. Поначалу комендантам спецпосёлков, особенно таёжных, не имеющих постоянной связи с внешним миром, пришлось в голову создавать примитивные детские приюты на местах. Обычно в один из бараков помещали всех потерявших родителей детей. Однако полное отсутствие средств на содержание тотчас же обратило благое начинание в беду. Скопление голодных и беспризорных детей провоцировало весь букет эпидемий, обычных для такой ситуации, - тиф, цинга, кишечные инфекции от употребления непотребного.

Облздравотдел пытался даже остановить приютскую самодеятельность, но безуспешно. "Забирайте сирот!" - сердито отвечали коменданты спецссылки в унисон с областным комендантским отделом. Обе высокие стороны хорошо знали, чья кошка мясо съела, но молчали. Забирать беспризорников некуда, партийные власти надеялись, что проблема ссыльного сиротства утрясётся как-нибудь сама и удаётся сохранить раздельное воспитание обычных детдомовцев и социально опасного кулацкого помёта.

Количество временных детских изоляторов, кои-ми по существу были приюты спецссылки, учёту не поддавалось. Как, впрочем, и число самих спецпосёлков. Ареал ссылки крупно дышал. С началом навигации таёжная глухомань оживала, слышались пронзительные для вековой тишины голоса робинзонов, стук топоров. Спустя два-три месяца под остывающим осенним небом вырастал очередной кулацкий скит. Весной подпирал голод, самые отдалённые спецпосёлки начинали вымирать, выживших перевозили в более крупные населённые пункты. Концентрировалось и сиротство.

Короткая память, сиволапая жизнь. Природа и то забывает про годы лихие. Плешинами мелкоколосья среди тайги отмечены бывшие стойбища антисоветского элемента. Прошитая молодой лиственницей крыша барака напоминает, что и зло всё-таки конечно. Даже если оплачено многими судьбами. И только вблизи, когда притронешься к полусгнившим и тёплым срубам развалин, как на родном пепелище осознаешь - всё это было почти вчера. Жуть прошлого перестаёт быть абстрактным историческим фактом, и в душе поднимается обычная человеческая боль.

Самодеятельные комендантские приюты не сдержали напора сирот. Беспризорники, опасаясь холода, инстинктивно рванулись на юг. С января по июнь тридцать первого только с улиц Свердловска сняли более десяти тысяч бездомных детей. Свыше двух тысяч подростков снято с товарняков стрелковой охранной станции. Познакомимся с типичным, под грифом "Секретно. Срочно", документом времён детского ис-

хода, поступившим в облизполком. "Березниковским районо, - читаем выцветшие строки, - в силу чрезвычайного большого притока беспризорников из спецпереселенцев организован детский интернат... Приток беспризорников ежедневно продолжается. Интернат переполнен... Из-за отсутствия денег, а также пайков на питание находимся в крайне тяжёлом положении."¹¹

Сообщения о наплыве малолетних каторжан летели со всех районов Урала. Пришлось сожалеть, что выпустили детей из ссылки. Пусть бы уж там и мрут. Просьбы о помощи продовольствием становились лаконичнее и истеричнее. "За последнее время принято более 500 спецпереселенцев. Положение их в отношении обмундирования и обуви очень плохое, в большинстве разуты и раздеты." "Детдом переполнен, средств нет!" "Вышлите деньги на детприёмник!"¹² Просьбы детдомов о помощи, набранные бисерной нонпарелью, не упрятать бы в том, подобный этому. Я взял за типичное стенания из приютов Тобольска, Очера и Нижнего Тагила.

Городские и районные попечители ещё зывали. Затерянные в таёжно-тундровых углах детские приюты вымирали тихо, безо всякой надежды. Движимые отчаянием, местные просвещенцы, на которых свалилась сотворённая другими беда, решались порой на поступок. Весной тридцать первого просвещенцы Надеждинска, сформировав пробную партию в двадцать пять сирот и выхлопотав бесплатный проезд, направили их в прямое распоряжение областного отдела просвещения; в сопроводительных документах ссылались на то, что не могут больше переносить картины смертно голодающих детей.

Младопереселенцев тотчас вернули отправителю и пожаловались в Уралобком ВКП(б) - каков сюжет, а? - на бездушное отношение к сиротам со стороны руководства надеждинских детдомов. Под кредит искреннего возмущения удалось сварганить совместно подписанную бумагу, запрещающую перевалку детдомовцев без санкции областных контор. Документ оказался очень своевременным. С целью упреждения

директиву разослали по районам, ею же одарили отправленных восвояси подкидышей из Кунгура, Тагила и иных расторопных мест.

Не будем в карьер возмущаться. Что могли предпринять во спасение сирот областные педчиновники? Вечно кусочная инстанция сделала почти всё возможное при полном отсутствии наличия. Нуждающимся разослали изданные типографским способом и подписанные представителями Наркомздрава, Наркомпроса и Деткомиссии ЦИК - Фальк, Розеном и Арановичем - указания о медико-санитарном обслуживании детдомовцев. В брошюре было всё: и профилактика, и восстановительная диета, и даже освобождённый врач на сто пятьдесят воспитанников. С первых страниц улавливалось, представителям активного, но не коренного населения профессионально полезно было бы побывать в ссылке.

Одновременно с указаниями вглубь ушла директива тех же инстанций, подкреплённая постановлением Наркомпроса от 3 февраля 1931 года и устанавливающая месячные нормы питания для детдомовцев. Отправляли её самой несекретной почтой и в ироническом расположении духа. Причитающихся воспитанникам 12 кило хлеба, 2 кило мяса и, самое смешное, 15 штук яиц в месяц не получали со времён НЭПа даже ответственные работники облпроса.¹³ По заборной книжке рядового совслужащего шло, при удачном направлении ветра, по 450 граммов хлеба в день, а писквом гастрономического вкуса почиталась селёдка да квашеная капуста. А тут на тебе, какому-то кулачонку полкило сливочного масла в месяц! Чай не в капитализме живём.

Над московскими нормами и директивами местные просвещенцы потешались. Ядовитые насмешки всплывут через два года, когда на эшафоте чистки, цепляясь за спасительную копеечную должность, самые жизнелюбивые выложат всё про сослуживцев до рассказанного в туалете анекдота.

В демонстративной суете провели совместно с партийными организациями кустовые и областные совещания с обязательной повесткой "Об очередных

задачах по охране детства", на которых было сделано более четырёхсот докладов и выступлений. Разработали планы мероприятий. Планы удались. Их украшали программа коммунистического перевоспитания детдомовцев и почин об организации на каждом предприятии общества "Друг детей".

От раздельного содержания социально здоровых сирот и кулацкого подгона увела обстановка. Детдомам разрешили принимать детей ссылки. Места тотчас же отреагировали на государственную милость естественным вопросом - на какие средства содержать новичков? И, чтобы не попасть впросак, требовали разъяснений - о каких спецпереселенцах идёт речь. О тех, кого выселяют, или тех, что вселяют. Вопрос-то серьёзный. Из всех районов Урала, кроме полярных, кулаков выселяли, а в 68 районов их вселяли. Сироты плодились по обе стороны ссылки.

Хотя все детдома Урала сразу же оказались переполненными, волны беспризорности они не остановили. Домашние сироты ещё как-то бились внутри деревень, ходили по миру, скитались по родственникам и знакомым; безотцовщина ссылки, в понимании того, что в следующей зиме не выжить, по теплу подавалась на родину. Естественным источником жизни для неё было воровство.

Горе приедается. Крикливые толпы грязных оборванных детей вызывали всё меньше сострадания и растущее внимание со стороны известных органов. "За второй квартал 1932 года задержано 4065 детей-преступников, в третьем квартале 6274 человека. Детская преступность растёт особенно на железнодорожных станциях... От мелкого воровства, хулиганства детская преступность заметно переходит к контрреволюционной деятельности под руководством классово враждебных контрреволюционных элементов"¹⁴

Для ГПУ, цитировался текущий отчёт одной из его уральских структур, беспризорники сразу стали преступниками. Партия же поступила адекватно своему нутру и выдала очередной кульбит абсурда и лицемерия. Была объявлена беспощадная борьба с

беспризорностью, поданная как отеческая забота о детстве. Не более, не менее. Отечественная забота о тех, кого сделала сиротами и пустила по миру.

Семья покоится на любви и согласии. По отношению к сироте естественно сострадание и стремление помочь. Когда человеколюбие треплется в лозунгах визгливой политической кампании, любви и состраданию места нет. Натуральность чувств выветривается. В ходу холодное статотчётное лицемерие да порой вульгарная показуха поступков.

Почти одновременно с разрешением принимать беспризорников ссылки детдома перевели на новую методику отчётов. Формуляр текущего отчёта требовал строгого деления воспитанников по социальному происхождению, национальности и партийности. Методику составили чиновники Наркомпроса с намерением поставить на место провинциалов. Хорошо отчитываться показательным столичным детским домам, почти против каждой фамилии - "СБР, пионер". С такими отчётами можно взывать о помощи. Положительный эмоциональный фон усиливали еврейские и латышские фамилии воспитанников.

А где же взять этих "Сирот Борцов Революции" в уральской тмутаракани? В тайге революций не было, если о них вспоминали по разговору, то матерно. Гражданская прошла по югу Урала более десяти лет назад, её сироты, если вывернулись из-под первого советского голодомора, теперь уже ходили в женихах.

От крупных неприятностей спасала сама ситуация, многие дети поступали в приюты без документов и в таком истощении, что определить визуально кулацкую сущность не представлялось возможным. Поэтому по графе "социальное происхождение" многие проходили как неизвестные. Потерявшим самих себя представляли возможность начать новую жизнь. Тем, кто был постарше и волчонком смотрел в жизнь, Советская власть навсегда осталась злой мачехой. По графе "партийность" обычно все подходящие по возрасту заносились в пионеры или октябрята. Безымянным малолеткам выправляли новые метрики, записывали день рождения на красные даты и давали достойные

эпохи имена - Звездины, Энгельсины, Гиганты, Темпы.

Памятуя об основной цели борьбы с беспризорностью - не выпустить ссыльных малолеток из региона, власти создали мобильные пристанционные команды по отлову беглых. В местах наибольшего скопления беспризорников - Чердыни, Перми, Надеждинске, Свердловске, Ирбите, Тобольске и других городах - открыли стационарные детприёмники временного содержания.

По инструкции в таковых отловленные дети должны содержаться не более двух месяцев. Для снятия со станций бегущих с Севера малолеток-каторжан закольцевали маршруты вагонов-детприёмников. Вдоль всего пояса колонизации формировалась санитарная зона, появление в которой беспризорных детей и взрослых беглецов поднимало в ружьё местные карательные органы.

Чтобы не рассыпаться в деталях и эпизодах, пройдем вместе с сиротой кулацкой тернистый путь от того момента, когда её содрали с тамбура товарняка, до путёвки в большую самостоятельную жизнь. Сразу отбросим сопливый восторг по адресу государственного милосердия. Он фальшив даже в отношении сирот войны. Попечение и воспитание сирот - элементарный долг выжившей страны, если она заселена нормальными людьми. С нами же рядом, запомним, душевно седые дети. У каждого из них за плечами издевательства раскулачивания и выселения, ссыльный мор, гибель родителей, братьев и сестёр, провальное беспамятство эпидемий.

Власть наводила ужас, сделать их пасынками Страны Советов можно было только насильно. По спецпосёлкам подбирали полужильцов. Беглые целеустремлённо тянулись в родные края и страшились приютов потому, что отлавливали и конвоировали в детприёмники люди в той же форме, что и руководившие ссылкой. Взятые облавой под охраной препровождались в детколлектор. Сии учреждения рождены партийно-педагогической фантазией для

превентивного, черного этапа коммунистического воспитания.

Обычно детприёмник, называемый иногда коллектором, размещался в местном домзаке на правах детского филиала камеры предварительного заключения. Порой ввести детучреждение под одну крышу с домзаком или тюрьмой не позволяли производственные площади, тогда подбирались какой-либо барак, одинокое заброшенное строение. Лучше всего для комвоспитания подходили церковно-культовые сооружения, особенно отдалённые от глаз мирских бывшие монастыри. Представлялось, что зарешеченные окна и надёжная внешняя охрана пресекут попытки к бегству, создадут благоприятный оазисный климат идейной перековки.

Самые фундаментальные сооружения достались, естественно, детколониям усиленного режима и воспитательным учреждениям ОГПУ, тяготеющим к спокойствию и внутреннему порядку. Детприёмникам, как самым ветреным учреждениям, достались объёдки. "В комнате 12 кв. метров находятся 30 мальчиков, - живописует документ будни Надеждинского детприёмника, - на 38 детей 7 коек, на которых спят дети-рецидивисты. Двое восемнадцатилетних обитателей изнасиловали техничку, ограбили магазин, пьют вместе с завхозом, сторожика скупает краденое".¹⁵

"Дети сидят на грязных койках, - из быта свердловского детприёмника имени Луначарского, - играют в карты, которые нарезаны из портретов вождей, дерутся, курят, ломают решётки на окнах и долбят стены с целью побега. На обед их выводят строго по счёту и под охраной".

Недостаток питания, отмеченный попутно комиссией, компенсировали духовным продуктом. Воспитанникам выдали газеты с материалами очередного съезда Советов.¹⁶

"Детприёмник переполнен, - совершенно секретно сообщали на другой веси Урала, - вместо полагаемого двухмесячного проживания дети здесь находятся до шести месяцев и дольше. Детдома для детей из приёмника закрыли двери. Вагон-приёмник, не считаясь с

положением дел, везёт к нам детей с улицы безо всяких разговоров... Надо организовать правильное движение беспризорников".¹⁷

Вскоре отношения между детдомами и коллекторами совсем испортились. Беспризорщина прибывала. Вагоны-приёмники на крупных железнодорожных узлах, имеющих стационарные приюты, быстренько освобождались от сиротского балласта и передавали его, чтобы не ругаться взятят с местными педвластями, на попечительство дорожным отделам ОГПУ. Те перегоняли детей в приюты. В свою очередь детдома, заполненные сверх возможностей, отказались принимать сирот откуда бы то ни было.

Областной нарпрос утонул в заявках на размещение детей. Начался мерзостный сиротский биллиард. По разнарядкам, выданным облнарпросом, приёмники навалились отгружать надоевших клиентов в провинциальные детдома преимущественно южной полосы Урала. Провинция от детей наотрез отказалась. По причине отсутствия средств и богатого наличия местной беспризорщины. Дозрели те, что были оставлены ссыльными в деревне. Значительную часть прибывших воспитанников, не приходя, отправили восвояси или в распоряжение области.

Не знаю, как там в остальной России, а на Урале избыток сирот усугубляло ещё одно обстоятельство. Ознакомимся с директивой Наркомпроса №1299/с.

"Всем Край и ОблОНО. Секретно.

Управление ГУЛАГа ОГПУ обратилось в Наркомпрос по вопросу о размещении в детдомах соцвоста детей заключённых. Учитывая, что:

- по положению о лагерях ОГПУ в них дети находиться не могут (исключая младенцев на период кормления),

- за последнее время значительно участились случаи оставления приезжающими на свидание с заключёнными их детей и подбрасывания у ворот лагерей детей-малолеток,

- в распоряжении лагеря никаких возможностей для организации и содержания детдомов нет.,

Наркомпрос предлагает Вам размещать вышеуказанный контингент ребят в местных детдомах..."¹⁸

Отныне разнарядки на детей из ВишЛАГа, что по вис севернее над опорным краем державы, подлежали немедленному удовлетворению. Перед зловещими и богатыми органами просвещенцы всех уровней откровенно заискивали.

А и почему не потрафить благодетелю? В том же тридцать первом ГУЛАГ отвалил кулацкой ссылке двести тысяч рублей, три четверти помощи ушло на централизованную закупку продовольствия, остальные планировались для поддержки на местах суммой не свыше пяти рублей на человека. Помощь, оговаривалось в сопроводительных документах, должна предоставляться детям ударников, выполняющих и перевыполняющих производственные задания, и сиротам. Материальный эквивалент сиротства станет более воспринимаемым, если скажу, что булка хлеба в коммерческих магазинах столицы перед их закрытием стоила три рубля.

Взаимопользительный опыт сотрудничества двух основных воспитательных структур - Наркомпроса и ГУЛАГа - позднее оформился в замкнутый технологический цикл. Репрессии со стороны ОГПУ и позднее НКВД, дробившие семью до элементарных составляющих, поставляли исходный воспитуемый сырец - зеков и беспризорщину. Щедрые сроки заключения передавали детей осуждённых практически в монопольное владение соцвоста (социального воспитания).

Только незабытые имя и фамилия выделяли ребёнка из массы подопытной комвоспитанием молодёжи. Отсаженные от груди малолетки ГУЛАГа порой обкрадывались и тут. Если рождённого в лагере, тюрьме или заключённого в грудном возрасте ребёнка не забирала родственники, он скидывался в детдом. Срок заключения матери полностью определял его человеческие реквизиты. Шла она, скажем для примера, по закону "о пяти колосках" или серьёзной дробь пятьдесят восьмой, пуповину, связующую младенца с уголовной роднёй, резали.

Передавая грудничка в детский дом, рекомендовали оформить документы на вымышленную фамилию. Из ребёнка делали совершенно советского человека. Матери взывали к родственникам и знакомым - если не забрать детей на воспитание, то хотя бы проследить их судьбу до отбывания срока наказания.

О подлой фантазии властей многие не догадывались. По выходе из заключения оказывалось, что ребёнок освободившейся вообще и никогда не поступал в детдомовскую сеть Урала. В редких случаях, когда удавалось проследить мытарства младенцев под чужой фамилией, материнство нельзя было доказать даже по суду.

Мы взглянули только на одну сторону взаимоотношений ГУЛАГа и детдомов, на постоянную подпитку последних беспризорниками. В реальности связь была более продуктивной. Соцвоспитание в массовом порядке готовило свежие кадры для системы ГУЛАГа, воспитанники детдомов и детколоний скоро станут украшением и старожилами взрослой лагерной жизни.

Под напором беспризорщины вся детдомовская система Уральской области затрещала по швам и морщинам. Нужда заставила творить. Помимо дополнительных обычных детдомов срочно открывались детгородки, детские колонии и коммуны, детколхозы и другие суррогаты родительского попечения. Воспитательную экзотику оставим на потом, сначала познаем типичное, побывав в некоторых детдомах обычного режима.

Итак, Ялуторовский детдом, декабрь тридцать первого. "Доски с коек изрублены на дрова, - бегло полистаем акт облкомиссии, - металлические остатки выброшены во двор; ребята спят на полу как беспризорные, обувь у воспитанников отсутствует. Никакой обстановки в комнатах нет - "всё равно сожгут, на них не напасёшься". Воды не бывает по несколько дней. Питаются плохо, кроме воды и картошки на обед ничего не получают. Посуды нет, едят из ковшиков. На 140 человек одна чашка, ложки отсутствуют, приходится есть по очереди и руками. Освещения нет, име-

ется одна лампа на весь детдом, но и она без керосина".¹⁹

Здесь всё нормально. Перемахнём из ныне Тюменской в ныне Курганскую область прежде единого Урала. "На 47 человек 8 коек, - излагает акт обследования Далматовского детдома, - спят на полу. Мальчики и девочки спят в одной комнате. При большой скученности всюду грязь. Воздух тяжёлый. С питанием очень плохо, утром вода и 100 граммов хлеба, в обед каша или суп из картошки, вечером 100 граммов хлеба."²⁰

"Ужин состоял, - от предыдущего натюрморта нас отделяют двести километров и семь лет, - из 100 граммов солёного огурца, 100 граммов чёрного хлеба и большой кружки кипячёной воды. На завтрак то же самое, кроме огурца". Дневной рацион воспитанников Курганского детдома образца 1938 года заставляет первый раз усомниться в байках о вольготной предвоенной жизни.²¹

"Состояние весьма тяжёлое", - таким прологом открывается отчет комиссии, проверяющий Еткульский детдом Челябинской области. "Топлива не подвезено ни одного кубометра. Одеждой и обувью, исключая пальто, дети не обеспечены. В настоящее время все дети разуты - нет ни одной пары годной к носке обуви, для мальчиков нет костюмов, нет платьев для девочек. Не хватает постельного белья и нательного... Скученность размещения детей привела к вшивости, множеству клопов. Дети имеют запущенный вид - грязные руки и ноги, неумытые лица, одежда на них рваная. Дети не имеют самых элементарных навыков культурного поведения - грубы в обращении со старшими и между собой. Воспитатели тоже грубы - дают детям курить, рассказывают им похабные анекдоты."²²

Датированное той же осенью тридцать восьмого сообщение из Спорновского детдома высвечивает самую обратную сторону государственного милосердия. "Пошив обуви для воспитанников не производится - хром растранижирили на куртки директору и жене, сапоги всем сотрудникам. Воруют десятками метров

мануфактуру. Детдом превратился в отдел социального обеспечения за счёт детского пайка... В вермишели, выданной на кухню, 20% мышинного кала... Ночная няня ведёт среди детей контрреволюционную агитацию разговорами о том, что детям плохо живётся, и воспоминаниями о семье".²³

Можно цитировать акты обследования почти всех открытых детдомов той поры. Они в архивах сохранились. Лишь самые острые выжимки из них под грифом "секретно" уходили в партийные и советские органы, поддерживая просьбы о помощи. В выбранных мною приютах ребята жили не хуже и не лучше других. Ограничимся этой эскизно набранной убогостью. Добросовестный анализ сотни детдомов дал бы, конечно, шедевр с гениальным, как в портретах русского художника Александра Лактионова, выражением всей тонкости предметного бытия.

А теперь о самом лучшем в жизни наших персонажей - о духовном. Общеизвестно, что нравственное богатство личности тождественно коммунистическому мировоззрению. Надо быть с детства похожим на дедушку Ленина. Всё, что выпирает за, или буржуазная труха, или антисоветская агитация.

Патологическое казнокрадство активистов капиталистического обновления России делает иронию обоюдоострой. Но к документально обоснованному юмору в адрес современности путь лежит, вероятнее всего, через очередную переполох. Если вывернемся, конечно, из хомута наследной номенклатурной мафии. Пока же вернёмся к нашему окаменевшему историческому материалу.

Генеральной задачей совприютов, подчёркивалось во всех директивах, является коммунистическое воспитание. В обычной семье идеологическая инфекция нейтрализуется наставлениями и образом действий родителей. Нормальный ребёнок к десяти-двенадцати годам хорошо усваивает, что нужно врать в школе и где вести себя естественно. Таким образом, между идеологией и здравым рассудком провисает спасительный мостик диалектического двуличия. Две личности живут во мне, и обе не в ладах друг с другом.

Детдомовщина совершенно беззащитна, поэтому стала объектом самых безрассудных идеологических экспериментов. "По программе коммунистического воспитания вступили в МОПР, собрали шесть рублей в помощь китайским детям, разработан внутренний комсомольский устав по военному делу, стали членами ОСО, имеется план "Декада обороны СССР", план пятилетки, план антирелигиозных кампаний. Состоят членами сберкассы, подписались на заём "Пятилетка в четыре года" на 15 рублей. В последнее время комиссией отмечено ослабление работы коммунистической ячейки".²⁴

Контекст даёт понять, что цитируется не отчёт райкома комсомола, хотя здорово похоже. Но фантазии читателя, уверен, не хватит угадать, где так кипела общественная жизнь. Дело было в Оханском детском доме нормального типа. Воспитуемый контингент в количестве 56 человек - девочки от 10 до 12 лет.

Интенсивность идеологической дрессировки целиком зависела от сопротивляемости подопытных. Чем тщедушнее клиент, тем лошадинее доза. На безответных девчонок свалили всю грудку идеологического навоза, вили из детских душ тенёта. В режиме педагогического истязания держали убогих и больных. Приюты, переведённые позднее под крыло собесов, обязывались, согласно директиве облоно и благодетеля, организовать кружки по изучению истории революции и партии, политсуды над папой римским и ему подобными, викторины на темы актуальной политической жизни, политбои между собой, лотереи в пользу сирот революционных борцов. "Советская власть, - пели в уши малолеток, - дала вам счастливое детство, надо помогать и сиротам других революций".

Помню, как сам на диспуте во втором классе ёрзал по парте и спешил выразить благодарность за счастливое детство. Причина была по делу - опаздывал до темноты обежать по миру свой околоток и боялся, что мой конкурент Толька Камогоров, нищенствующий вдоль улицы Советской, оберёт и мои Береговую с Ленина.

Документы помнят ещё больше. Директор наркомздравовского детдома на методической конференции хвалился, что в подведомственном заведении силами педагогов имитирован шалаш Ильича в Разливе. Всё один в один, даже головёшки в костре натуральные. Воспитанники ежевечерне и по полчаса перед святыней режимно благоговеют.

Ничего тут смешного нет. Похвалить бы мужика надо. Всякая закономерность начинается с казуса, а гениев Россия плодит в провинции. Столица их начисто обкрадывает. Вскоре по инициативе ЦК комсомола музеи с "натуральными" головёшками, кост-рами, шалашами, ленинскими ботинками, чайниками, кепками и простреленными пальто появились во многих городах Союза. Бумага ЦК ВЛКСМ предписывала всячески избегать вопросов о подлинности экспонатов. В праздники детдомовцев строем выводили к святыням.

Работать с буйными и жизнь познавшими труднее. Сунься-ка в такой вот вертеп с предложением, к примеру, подписаться на заём. "Днём 62 человека не пошли в школу, всё перебили и грозили убить замдиректора Пудова, которого называют очковым пуделем. Бегали с ножами за воспитателями, все стены изрисованы похабными карикатурами".²⁵ Похабные рисунки - ладно! Как и испражняться в высоту с кроватей или заходить в комнаты девчонок без штанов. Но зачем бросать камни в портреты Сталина и маршалов? С воспитанниками Спорновского детдома, о них шла речь, провели беседу о жизни детей раньше и теперь, у нас и за границей. Вы хоть и сволочи, звучало в ней, но пока ещё маленькие и, к сожалению, свои.

"Детей в порядке наказания, - излагает бумага, поступившая в облоно из Поленовского детдома, - раздевают донага и выставляют на глазах всех воспитанников, что даёт положительный эффект. Педагог стукнула мальчика головой об стену, тот истекал кровью на глазах у всех...

Политико-воспитательная работа с детьми поставлена очень плохо. Детям не разъясняется о коварных методах работы врагов народа в Челябинской области,

а также не разъясняют о шпионско-диверсионных методах работы иностранной разведки и тем самым не вооружают детей на борьбу с врагами народа и их отребьем..."²⁵ О судьбах проверяющих не скажу, директора вскоре посадили, а детям прочитали лекцию о самодурстве царского строя.

Каждый акт обследования касается и медико-санитарного состояния. В последнем примере установлено заражение чесоткой большей части воспитанников. В приюте ежедневного общения с тенью Ильича зарегистрировано на момент проверки два кожно-туберкулёзных больных, два случая сифилиса в третичной стадии, четыре факта глубокой умственной отсталости, из общего состава в 66 человек 31 серьёзно и явно болен.

И, наконец, об оханском девчоночьем приюте, том самом, где ковали малолетних политических акселераторов. При факте налаженной идеологической работы медотчёт констатирует, что из пятидесяти человек большинство больны чахоткой, треть ревматики и все малокровные. За предшествующий квартал 18 воспитанниц переболели тифом и трое умерло.²⁶

Зафиксировали в интеллекте норму будней обычного детдома? Душу согреем посещением заведения с весёленьким названием - "детгородок". Сказочные ёлки-волки на стенах, песочницы, пухлые карапузы под грибками-мухоморами, ласковые опрятные няни...

"Оборудование убогое, ни столов, ни стульев. На раскладушках спят по несколько человек. Помещение страшно загажено, из 100 человек 35 болеют трахомой. Большинство спят вповалку на полу. Дети заявляют, что голодные и хлеба им не хватает".²⁷ Это Шадринский детдом для сирот-дошкольников, середина послеголодного, но не сытого тридцать пятого. То были последыши, угодившие на Север до или вскоре после рождения.

Первые пять лет спецссылка собственных браков и детей не имела. Малышей, не унаследовавших даже элементарных навыков нормальной жизни, ожидали бесконечные мытарства по трахомным, чахоточным, дебильноприютским заведениям. Если кому-то выпа-

ло выжить, война добила их "самоотверженной" принодиловкой во имя победы.

Как только в тумане забвения растают очертания самых невинно обиженных, вернёмся к идее детгородков. Она схвачена с ветра. В отличие от детдомов, существовавших ранее, детские городки обязаны возникновением исключительно ссылке. Наше это изобретение, наше.

Сбившаяся на крупных железнодорожных узлах и в центрах ссылки вороватая масса беспризорщины стала бичом для местного населения. Отчёты милиции запестрели фактами самых диких, в ответ, расправ над беспризорниками. Детдома были забиты до такой степени, что невозможно разместить воспитанников для сна. Разношёрстную и разновозрастную публику загнали под одну крышу. Университеты беспризорщины вместили всё - от злонамеренного рецидивиста до сопливого ясельного контингента.

"Нас кормят плохо, хлеба не дают, обуви нет, у всех, кто ходит босиком, все ноги иссеклись. Мальчишки лезут к нам, дерутся, воруют, ломают окна, чтобы пролезать к нам, бросают камнями, проламывают головы... Ловят девчонок, чтобы испортить. Девчонки бегут на улицу, чтобы не испортиться, и ждут, когда нас проводит милиционер..."²⁸

Письмо воспитанниц Чердынского детгородка в адрес облнарпроса похоже на девчоночью истерику. Акт проверки приюта не столь эмоционален. Видно, что он составлен уже не женщиной, а совпедом. "Дети окончательно разложились без присмотра. Мальчики с девочками занимаются половой связью. Как ночь, нежелающие девочки убегают из детдома, а мальчики ломаются в двери, не глядя на устраиваемые баррикады".²⁹ При осмотре первых же воспитанниц пятеро признались, что изнасилованы неоднократно...

Свою историю детгородки отшумели погромами, злой поножовщиной, сплошным насилием. В кампанию типизации, с её задачами мы познакомимся, перепуганных и замордованных воспитанников разбросали по приютам и колониям. "Прошу Вас, увезите меня отсюда, - умоляла работников облоно вос-

питанница Нюра Магафонова, - а то меня забьют и не кормят!"³⁰ Умоляли многие, это письмо шеф зачитал на расширенном педсовете; сорвавшийся с девчоночьей души крик боли цитировался в докладах и выступлениях. Про Нюру забыли. Да в самом деле, на Луну её отправлять, что ли? Везде так и все привыкают.

Историческую ретроспективу в эту сторону закрою пейзажем Югорского деткомбината. "Кухня детдома находится в безобразнейшем состоянии, плита и печки развалены, дым выходит прямо в помещения, в результате чего все продукты и посуда буквально подвергаются копчению... Ежедневно в пище обнаруживаются гвозди, подошвы, тряпье и другой хлам. Повар систематически занимается хищением продуктов, состав воспитателей засорён. Дети предпочитают есть снег, а не пить грязную воду".

Ладно, с детгородками у нас как-то не получилось. Выдернем для успокоения совести наобум попавшийся детдом. Щучьевский приют Варгашинского района. По распоряжению райкома ВКП(б) детдом полагалось перенести подальше от деревни в связи с жалобами крестьян, что воспитанники крадут всё подряд. За отчётный квартал на содержание получено: хлеба в два раза меньше нормы, мяса и рыбы - в три, масла и денег - в шесть раз. Бытовые условия вполне сносные - суп пьют через край, кашу едят горстями. С партийностью, членством в МОПРе, обществе содействия обороне и сберкассе всё благополучно. Материалы второго съезда колхозников одобрены единогласно.³¹

Чужие дети растут поразительно быстро. Тщедушный подкидыш за три-четыре года если и не вырастал телесно, то душой остывал до инея во взоре. Большинство мальчиков, замечено всеми комиссиями, к двенадцати-тринадцати годам становятся нервными и злыми, не поддаются никаким мерам педагогического воздействия. Взрослея, они превращаются во внутриприютских тиранов.

Чтобы остановить разлагающее влияние собственного уголовного элемента, была создана сеть осо-

бых учреждений, плавно выводящих криминальных подростков в большую уголовно-советскую жизнь.

Наиболее распространёнными были детские колонии и колхозы. Деткоммунами и ребячьими республиками мы восхищены с детства. По книгам и фильмам. У нас на Урале всё получилось как-то комом. Почитаем сухой, не эстетизированный индивидуальным творческим воображением и цензурой документ.

Итак, «колония расположена в бывшем монастыре, здание разрушено. На площади пола около 240 кв. метров живут 115 человек... Матрасы отобраны воспитателями потому, что если их отдать воспитанникам, то они их сожгут или продадут. Воруют всё, что попадёт под руку... Обилие вшей. Много грызунов мелких и крупных. Все дети ходят грязные, оборванные, большинство босые... Для отправления естественных потребностей пользуются сараями и всякими тёмными углами... Питание детей за последнюю неделю состоит из хлеба, сахара и воды, получаемых три раза в день. Обед не варится... На складе мука хранится вместе с невыделанными кожами ... Отношение населения к ДТК недоброжелательное. Это объясняется тем, что детдом занимает бывший монастырь, но главным образом хулиганством и вредительством воспитанников...»³²

Колчеданская коммуна ничем не выделялась из массы подобных заведений госпризнания. Может, единственным ярким пятном на биографии был погром тридцать пятого. С поножовщиной и баррикадами. Но и то как-то скучно. Возня, слабое подражание январскому бунту в Тагильской ДТК, где заwinterнатом сразу посадили на перо, а милиция штурмовала здание целые сутки.

На производственную деятельность детских коммун и колхозов комиссии внимания не устремляли. Труд их интересовал как средство педагогической терапии. Что может дать в итоге колхозная принудилровка, умноженная на вандализм беспризорщины? Хватит и того, что не забивают друг друга насмерть. «Отношение к сельхозинвентарю варварское, - сообщает одна из местных газет и требует приковать глаза

общественности к Тургорякскому детскому колхозу, - кормят молоком телят, в рационе детей молока нет". Как и во взрослых колхозах, излагается дальше, воспитанников лишают еды в случае невыполнения норм.³³

Умом Урала не понять, чего кидаться на Россию? Каким общим аршином измерить страдание сирот, фарс государственного милосердия или святотатственное пайкокрадство? Приюты гражданского подчинения гноились на виду. Про их обитателей можно что-то узнать в оборотках детдомовского контингента Уральской области.

Эти фолианты кажутся мне лучшей иллюстрацией к торжественной литургии, называемой государственным гимном СССР. Стоит открыть любую страницу любого из томов, чтобы узнать - кюго, где и как сплотила навеки Великая Русь. Тут на каждом листе вся география Союза, всех республик свободных осироченные дети. Нет в реестрах тех, кто успел умереть в изоляторах спецпосёлков. Другие с шипением потухли в омуте закрытых колоний.

История образования закрытых детских колоний, ставших во второй половине тридцатых образцом коммунистического воспитания, просто замечательна. С началом ссыльной беспризорщины Наркомат просвещения обратился в Наркомат юстиции и ОГПУ с предложением организовать совершенно изолированные детские колонии для самых непослушных. В ЦК ВКП(б) идея ушла как соображение на троих. Вверху она вызвала восторг. Вскоре, к обложной радости всех, закрытые трудовые колонии для несовершеннолетних появились на Урале.

В плоскости практического применения идей интересы авторов, однако, пошли вразбег. Наркомпрос получил возможность освободить детдома от несовершеннолетних преступников. Блудя закон и свой интерес, Наркомпрос разрешил карательным органам скидывать туда же малолетних обитателей тюрем и домзаков. Естественный вопрос, кем станут новосёлы отхожих мест, так же натурально пришёл в головы просвещенцев.

“В связи с организацией по постановлению обкома ВКП(б) закрытых трудовых колоний для несовершеннолетних, - возмущался шеф Уральского облоно Перель в январе тридцать второго, - считаю необходимым настаивать на оставлении в домах заключения подростков до 15 лет”.³⁴ Предупреждение о возможности полной криминализации воспитанников детколони направил в Наркомюст и УралоблИТУ.

Адресаты посмеялись над учительским слабодушием, они-то знали - в колониях воспитанников уже нет, в колониях есть только преступники. В слабеющих упрёках и обидах прошло два года. Партийным органам это надоело, учреждения передали в ведение инстанции, одержимой единственной и правильной целью - больше садить. Речь про зоркое око пролетарской диктатуры, про ОГПУ-НКВД.

Детколони ОГПУ сразу доказали преимущества лагерного содержания детей. Недолгого пребывания в геппусовском заведении хватало, чтобы из самого буйного беспризорника сделать угрюмого и демонстративно послушного зека, автоматически забрасывающего руки на задницу при ходьбе. Вообще сводки ОГПУ свидетельствуют об уникальных возможностях лагерной методики, сравнимой по результативности с деяниями Христа.

“Воспитанница Огонь-Догановская, кличка по воле Колокол и Звенит гора, - заглянем в отчёт образцовой Кунгурской колонии, - ворует семь лет, четырежды судима, но за год интенсивного воспитания перекована в секретаря учебной части”. Другой воспитанник с неприличной кличкой, что-то близкое к долболюбу, в свои неполные шестнадцать лет судимый двадцать раз за грабежи и убийство, дорос до завхоза колонии.

Всё хорошо у того, кто может врать безответственно. Комиссии, третировавшие гражданские приюты, в детколони ОГПУ не пускались и на порог. Проверять чекистов? - ну уж это наглость. В архивах документов ОГПУ-НКВД почти нет, включая материалы по детколониям. Вот если бы таковые можно было толкнуть, да за валюту! Сейчас бы пароходами

отгружали. А за так - ничего, простите, нет и завтра не будет.

Прибалты либо по природе такие вредные, либо память у них хорошая. Докопались со своими секретными протоколами пакта Молотова-Риббентропа. Им же искренне ввали - нету, а если и были, то обязательно потеряны. Нашлись ведь! Даже иностранцам на выставке показывали. Правда, после того, как прибалты от нас тягу дали. Мы добрые, нам своих не жалко. А что память не срабатывает глубже вчерашней пьянки, то и легче жить. На нет и суда нет, говорят на Руси, а есть Особое совещание.

Про особое потом. Раз нельзя заглянуть за колючий орнамент детколони, поверим на слово жертвам чудотворного исцеления. “Мы присланы делегацией из Кунгурской деткоммуну в числе семи человек. Мы бывшие правонарушители с очень большим уголовным прошлым на сегодня являемся участниками великой социалистической стройки. Среди нас три товарища являются членами ВЛКСМ... Один из них с громаднейшим уголовным прошлым - десять раз судился, был в Соловках, теперь член ВЛКСМ... И сегодня мы, товарищи, имеем счастье отметить такое, что нет слов сказать, какое значение для нашего дела, в частности для нас, что мы Вам передаём от нашей коммуну пламенный привет. Оправдаем Ваше доверие и придём к 17 партийному съезду с большими достижениями и доведём наш коллектив до полутора тысяч человек!”³⁶

В зале, всё происходило на областной партийной конференции, долго, услужливо и стоя аплодировали. На финальную глупость забывшего текст юного зека никто не обратил внимания, хлопали согласно ритуалу. Ведущий конференцию, что было знаком для всех делегатов, даже встал. “Товарищи, - забалдевший жиган поймал заученный абзац, - разрешите от имени семисот человек бывших воров, грабителей, ныне возвращающихся снова в свой родной рабочий класс, переделывающихся в кунгурской трудовой коммуне, передать пламенный коммунарский привет!”

Гепеушники ликовали и гордо смотрели на гражданских неудачников. Тем нечем было крыть, детдомовцев, предварительно помытых и приодетых, редко приглашали на торжественные мероприятия. Благодарить вождя и партию за счастливое детство обычно поручали розовощёким отпрыскам номенклатуры, а от категории перековываемых лучше смотрелись остроманерные и хитрые зека.

Воспомоществованием занимались все государственные и общественные организации. Каждая из них вносила свою толику в дело воспитания абстрактных советских граждан. Партия, власть и ОГПУ обратили детей в воспитанников, потому считали себя главными родителями. Родственные обязанности остальных привязали к основной деятельности. Послушаем наставления приходящей няни. Циркуляром областной прокуратуры от 8 января 1934 года каждому детдому предписали: образцово организовать подсобное хозяйство, создать крепкую и образцовую дисциплину, обеспечить и укрепить мастерские при приютах, связать детдома с рабочими предприятиями, колхозами и совхозами, поднять на новую высоту шефство, обеспечить стопроцентный охват воспитанников пионердвижением и хозяйственно-политическими кампаниями.

Каждый помогал чем мог. Приюты опеленали обязательствами вплоть до контрольных цифр по сбору костей и золы. И только самый добрый хвалился внуками всесоюзному дедушке. "Под руководством областного комитета партии, неукомнительно проводя директивы партии и правительства, на основе одержанных побед на фронте социалистической стройки Урал-Кузбасс, детская беспризорность на Урале в основном ликвидирована".³⁷ По высокому слогу телеграммы, отправленной Калинин и председателю деткомиссии ВЦИК Семашко, по тонкому знанию эрогенных зон советского патриотизма угадывается совместное творчество партийных и педагогических кадров.

На фронте всей социалистической стройки беспризорщина, тем временем, чаще и наглее шелестела

вшивыми лохмотьями. Её полку прибыло от указа "семь восьмых", приговоры, помните, гарантировали безотцовщину либо навсегда, либо до совершеннолетия. Потом голод тридцать третьего и многих последующих лет, чертогон борьбы с вредителями и саботажниками. С начала тридцать седьмого стеной пошли дети германско-троцкистско-японских шпионов и прочей нечисти. Отруби классового помола оседали в системе соцвеса. Шлейф беспризорщины, оставленный на Урале каждой репрессивной кампанией, превышал возможности всех наличных приютов. Где-то количество мерзости переходит в качество. Подпёрло к горлу в тридцать четвёртом.

Опять потребовались и нашлись радикальные меры. ВЦИК постановлением "О порядке устройства детей лиц, находящихся под стражей или отбывающих исправительно-трудовые работы" от 10 ноября 1934 года изменил статью 46 ИТК (Исправительно-трудового кодекса). "Женщины, лишённые свободы, могут иметь при себе детей в возрасте до четырёх лет. Равным образом допускается пребывание детей указанного возраста вместе с отцом, лишённым свободы, в случаях, когда дети не имеют матери. Для детей, пребывающих в местах лишения свободы, обязательно организуются ясли или детские комнаты".³⁸

Смысл постановления ясен. Практически к нему подвели реальные факты, когда ВИШЛАГ, Магнитка и другие колонии - мегаполисы навадились подбрасывать в детдома такие крупные партии беспризорников, устройство которых потребовало бы выбросить на улицу всех прежних воспитанников. Тем же постановлением ВЦИК пытался, не смягчая репрессий, переложить родительские заботы о пострадавших на плечи общественности.

"При избрании меры пресечения содержание под стражей в отношении лица, являющегося единственным родителем ребёнка старше четырёх лет, органы, выносящие постановление о мере пресечения, обязаны немедленно сообщить об этом городскому отделу народного образования, если ребёнок проживает в городе, и сельсовету, если ребёнок проживает в сельской

местности, правлению колхоза, если арестованный является колхозником...

Они обязаны немедленно назначить ему на период времени до окончания дела опеку или попечителя... Колхозу немедленно обеспечить опеку, избрать из состава членов колхоза лицо, на которое желательно возложить обязанности опекуна или попечителя".³⁹ Бумагу надо читать между строк, станет ясным злой умысел - задерживать беспризорщину в деревне вообще. Анализ событий последующих всё разложит по своим местам.

Если говорить о переходе мерзости в подлость, надо вспомнить типизацию детдомов, их разгрузку и патронирование. Начнём с типизации. Смысл её сводился к тому, чтобы распределить воспитанников по специализированным детдомам, которые, якобы, смогут лучше обставить жизнь. Специализированные по полу, возрасту, состоянию здоровья и психики воспитанников приюты следовало передать под контроль ряда Наркоматов, ослабить бремя соцвоса. Кампания инициировалась постановлением ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года "О ликвидации детской беспризорности" и имела прямой смысл - за счёт перетряски приютского поголовья высвободить часть мест.

Значительное число нормальных детдомов осталось в ведении просвещенцев тех областей, которые выделились из Большого Урала. Мизерный бюджет гарантировал воспитанникам тонкое сочетание скудного пайка с идеологическим истязанием. Однако, благодаря перетряске состава приютов в Свердловской области, удалось вытолкнуть из соцвоса только за один 1934 год более 14 тысяч детей. По региону выходило где-то тысяч под сорок. Самые компетентные во всем органы стали опекунами десятка закрытых детских колоний (Верхотурская, Кунгурская и др.), более тридцати детприёмников на две с половиной тысячи клиентов и ряд других детско-воспитательных заведений с решётками на окнах и колючей проволокой по периметру. Штат воспитанников НКВД в процессе типизации заметно возрос.

Делая чекистов владельцами юных душ, обкомы партии отечески подметили, что те ещё слабо вошли в роль родителей и отправляют в нормальные детдома беспризорников больных, социально опасных и даже умственно помятых. Что, в самом деле, за порядки? В оханский детдом (не про наш - девчоночий, там было около десятка приютов) Пермский детприёмник сдал 17 детей, из них 6 больные, в том числе двое сифилисом. Свердловский детприёмник имени Луначарского отправил в тагильский детдом ребят больных конъюнктивитом, где они заразили всех хозяев.⁴⁰ С органов требовали честное чекистское слово быть более милосердными.

Не про каменный уголь и чугуны пишу, там можно бы козырнуть отшлифованной статистикой. О плотности сиротского конвейера приходится судить по отрывочным данным. За июль - август тридцать пятого от облуправления Свердловского НКВД передано в приюты 930 детей, но передача, сообщает секретная бумага, хронически задерживается из-за медленного оформления документов и отсутствия детской одежды и обуви.

В ведение Наркомздрава отошли Сысертский дом для туберкулёзников, Невьянский трахомный, Верхотурский детско-венерический и ещё пятнадцать специализированных приютов. Собесу достались детские дома для калек и слабоумных. Денег под постановления никому не дали, возмущившимся было ответили категорически - проводите в жизнь лозунг Сталина - "Кадры решают всё!" На готовенькие деньги и дурак всё сделает.

Селекция детей по возрасту, состоянию здоровья и темпераменту в клочья разнесла остатки крестьянских семей. В массовом переселении воспитанников по специализированным приютам наши герои потеряли своих сестёр и братьев. Сработала тайно заложенная в мероприятие мина. Детдома сразу же попытались вытолкнуть за ворота непослушных воспитанников. Не имело значения, в какую сторону, в уголовники или дебилы.

Отечественная психотерапия обогатилась радикальным средством борьбы с мировоззренческими аномалиями в раннем возрасте. Оформляя документы на выживаемых, их неординарным поступкам приписывали характер устойчивой патологии с подозрением на дурную наследственность. Подозрение подпирало идейно, вписывая в графу "социальное происхождение" - "из кулаков". Такому одна дорога - в собесовские дурдома, где он со временем становился адекватным окружению.

Если же воспитанник при всей одиозности поведения на дебила не тянул и проявлял явную сообразительность, аномалиям тут же придавался характер благоприобретённых в кулацком быту пороков, не поддающихся исправлению режимом нормального детдома. Этих направляли в колонии. Детдомовское руководство не брезговало подделкой метрик, чтобы вывести постылых за обслуживаемый контингент по возрасту. В голодуху проявления юного возраста маловыразительны. Все тощие смотрятся старыми.

Директор Аргаяшского детдома жаловался на конференции, что по типизации к ним поступил воспитанник - малолетка Исламутдинов с очень хорошей характеристикой. Маленький рост приёмыва исключал сомнения. Оказалось, что он пьёт, курит, ворует, ходит в девичьи комнаты без штанов, сквернословит при всех педагогах, а одну из них ударил кирпичом по голове. Выяснилось, что он злостный рецидивист соцвеса, ему четырнадцать лет и при такой одарённости не может вспомнить число мест воспитания за семилетний стаж детдомовца.

Судьбами детей легко играли. Дальше констатации позорных фактов и моральных сентенций дело обычно не шло. Сплошную идиотизацию сирот или превращения их в преступников приостановили лишь два года спустя. Инструкция о комплектовании детдомов с особым режимом от 16 августа 1937 года считает достаточным для выдворения из нормального детдома: систематическое нарушение установленного порядка, оскорбление педагогов, злостную порчу имущества, резко выраженную сексуальность, услов-

ное осуждение. Дети до 12 лет, которые совершили проступки, подпадающие под указ "семь четвёртых" тридцать пятого года, тоже заслуживали режимного содержания. Дети старше 12 лет за эти же деяния направлялись в закрытые колонии НКВД.⁴¹

Постановление ЦИК и СНК от 7 апреля 1935 года, "семь четвёртых", гласило: "В целях быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних, начиная с двенадцатилетнего возраста, уличённых в совершении краж, ... в убийствах или попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания".⁴² На повороте к домам для умственно неполноценных кирпич вывесил собес, подготовивший совместно с Наркомздравом и Наркомпросом методичку-дуромер. За критерий нормальности принято марксистское мировоззрение.

Вся суэта с перемещением душ работала на основную тему окольно. Ну растолкали по дурдомам и колониям самых бойких. Там они не пикнут. Но в детдомах-то ещё туго, за две ходки вагонзака-приёмника утрамбуется пуше прежнего. Надо решаться... "В ближайшее будущее время ожидается декрет о поголовном массовом изъятии детей с улицы ... Детские дома переполнены на 30-40%. Количество изъятых с улицы беспризорных детей ожидается более 3000. Выход - перегрузка детдомовского населения". Подобные директивы весной тридцать пятого прошли насквозь Союз. Цитировалась секретная директива Челябинского облоно. В только что организованной области было 75 детдомов в среднем по 170 воспитанников на каждый.

Оценив критически ситуацию, власти нашли-таки внутренние резервы. Надо просто вытолкнуть из детдомов сирот спецссылки. На Урале, что очень интересно, их доля в приютском поголовье была много выше общесоюзной. Идея становится силой, когда попадает в руки НКВД. "Обязать НКВД найти родственников беспризорников и отправить им детей!" - повелел старший партийный брат чекистов Свердловской области. "Завести уголовные дела на родственников, уклоняющихся от приёма детдомовцев!" - был

ещё категоричнее Челябинский обком ВКП(б). Не стоит лукавить дальше, их и всех других навело на идею и родственников постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с беспризорностью.⁴³

Меж пытками и политзанятиями оперсотрудники тщательно выписали данные на деревенских в прошлом детдомовцев. При дефиците письменной информации ласково гладили сирот по головке и выспрашивали про папу-маму. В райотделы НКВД срочно и секретно ушли запросы - остались ли у поименованных какие-то родственники. Чтобы не дешифровать цель, испрашивали родственников погибших родителей. Детдомовца могли по малолетству не запомнить, да и он мог родиться уже в ссылке.

Шумовое оформление всей операции легло на прессу. Та хором заголосила о святости родственных чувств и отсутствии таковых у кулацкого отродья. Гнев возвысили до патетики, патетику обострили до ненависти. Поимённо бичевали выявленных следствием родственников. Благотворящие органы оказались на высоте, вскоре на деревню дедушкам и бабушкам, дяденькам и тётушкам пошли живые подарки от Советской власти с угрозой судебной расправы в случае отказа от усыновления. Кампания возвращения сирот, как и крестьянская ссылка, проводилась в общесоюзном масштабе, поэтому уральские детдомовцы горошком раскатились по стране.

Следственная работа по розыску родственников, легко догадаться, товар штучный и для массовых мероприятий мало пригоден. Оперативный кадр расточительно отвлекается от главной задачи - борьбы с вредителями и шпионами. Удручали затраты денег и сил по доставке сирот в частном порядке к месту усыновления. Хотелось живой работы с массами.

Не знаю, кому в голову пришла идея принудительного советского патронирования. Я бы дал её автору Нобелевскую премию. За лицемерие и выдающуюся подлость. Суть - здесь всё как у Малевича, просто, но не доходчиво. Глядя в "Чёрный квадрат", насилуешь воображение. Чтобы понять излагаемое ниже, надо вытереть чуни о мораль.

Итак, масса безродных детских душ делится на число административно-территориальных единиц. На последовательных ступенях усыновления таковыми могут быть районы, округа, сельсоветы. Разрабатываются разнарядки на принудительное родство, доводятся планы, а затем любыми средствами достигается их выполнение. Немножко бесчеловечно? Если читатель задаётся этим вопросом, надо открывать книгу сначала. Когда листаешь тома с планами распределения сирот по чужим дворам, знакомишься с документами, удивительно похожими на ведомости-оборотки молодняка (тут про крупный рогатый скот), берёт оторопь национального стыда.

К числу важных педагогических экспериментов отнесём возню с организацией крупных деткомбинатов. Где-то к тридцать шестому в столице нашли, что сирот полезнее воспитывать в большой куче. Идею двинули в жизнь и тысячи воспитанников перетрясли снова. Десятки интернатов объединяли в один укрупнённый деткомбинат. На Урале появились города с преимущественно сиротским населением.

В Верхотурье, сообщал директор тамошнего заведения, мы занимаем чуть не половину посёлка. В деткомбинат вошли 18 интернатов и прочая мелочь, население - более тысячи сирот. На воспитанника приходится по 1,8 кв.метра жилья и 0,3 кровати. Среди воспитанников много больных, в том числе люисников (сифилис).⁴⁴

"В результате поголовного осмотра девочек в вендиспансере обнаружено 40 девочек больных гонореей, в большинстве случаев хронического и субхронического характера, люисники не обнаружены. Лаборатория при центральной амбулатории будет производить реакцию Вассермана всем детям, но в месяц она может обслужить только 150-200 человек, необходимо дать задание Облздравотделу каким-то образом ускорить это дело, так как возможно, что по внешнему виду здоровые дети могут быть больны сифилисом".⁴⁵

То был лубок из жизни Ирбитского деткомбината. Свежённые в кучу сироты делились друг с другом пре-

лестями детдомовского воспитания и заразой. Интенсивные педагогические эксперименты с уплотнённой безотцовщиной заметных успехов не принесли. Хотя на уроках по русскому воспитанниками полностью переписан текст сталинской Конституции, жалуется директор комбината, вывесить портреты вождя в аудиториях нельзя. Тотчас же выкалывают глаза или рвут плотную бумагу на карты.

За временным помешательством на человеконенавистнической идее должно вернуться чувство стыда и раскаяния. Сейчас поседевшие узники-малолетки фашистских концлагерей получают от Германии компенсацию. От которой когда-то демонстративно, нет, лицемерно, отказалось Советское государство. Со всем дряхлые жертвы раскулачивания и ссылки слышат от властей высокопарные обещания о возврате изъятого имущества. Получите, мол, если найдёте в архивах акты раскулачивания, возмещение части конфискованного из местного бюджета, а с тем государство когда-нибудь рассчитается.

Такое милосердие надо оценить. Если документы сохранились, что само по себе достойно удивления, местному бюджету не до выправления исторических ошибок. Со своей нищетой, в том числе и детской, справиться бы. Обирая нынешнюю голь, замазывать грех грехом?

Не любят деревенские наезжающих раскулаченных, заинтересованно принимающих к бывшим своим домам. Видеть бы читателю встречу двух хозяев-сверстников во дворе дряхлого, под стать им, сооружения. Для приезжего дом - память о семье и иск к властям, у хозяйки нынешней, восьмидесятилетней пенсионерки, слёзы выдавливают истерику. "Умру, а не отдам!" В это единственное и уже сгнившее вознаграждение за сорокалетнее колхозное ярмо она перелазит из землянки в начале семидесятых, когда красные помещики стали строить за казённый счёт особняки с удобствами.

Оставим деревенским пенсионерам историческую ветхость, а раскулаченным туман надежды. Платить пока нечем, скоро будет некому. Вопрос об изуродо-

ванном детстве и каких-то компенсациях за сие теперь кажется совершенно неуместным. По причине нашей моральной несостоятельности. У каждого дня, не грех повториться в хорошей мысли, достаточно своих забот. Трагедию, когда преступная власть измывалась над естественной собственностью, мы пережили. Впереди время, когда преступно сколоченная собственность будет топтать первые ростки политической демократии.

Из отчёта Свердловского облоно секретарю обкома ВКП(б) Кабакову. Май 1935 года. "В настоящее время в детдомах области имеется 5 419 человек, изъятых из спецпосёлков. Осталось ещё около 3 000 детей, которые находятся в тяжёлых условиях. Устроить их нет никакой возможности. Надо отдать их на патронирование. За 1934 год на патронирование отдано 7 976 детей, кроме того возвращено родственникам ссыльных 6 844 ребёнка. За четыре месяца 1935 года отдано на патронирование 935 человек, отправлено родственникам 1 092 человека..."⁴⁶

Шёл, напоминаю, тридцать пятый. Уже два года не практиковали массовых кампаний выселения. Постановлением ЦК ВКП(б) от 26 ноября 1934 года сократили сферу карточного распределения продуктов. А ссылка продолжала вымирать, о чём свидетельствовали ручейки беспризорщины, струящиеся с высоких широт, и страшная сиротско-секретная бухгалтерия облнарпросов. Особо скверное положение наблюдалось в Чердыни, в Красновишерском, Ныробском, Чусовском, Сосвинском, Гагаринском, Ивдельском, Берёзовском районах и Коми-Пермяцком округе, где "естественный" (смерть и побеги) отход детского населения превысил две трети.⁴⁷ Северный Урал и Приобье стали братской могилой безгрешных иноков России, кладбищем её будущего и малой частью неоплаченного счёта моей родины к коммунистическому режиму.

Согласно планам трёх областей Урала, на тридцать пятый год предполагалось осчастливить принудительным патронированием более двадцати тысяч сирот. На следующий год запланировали в полтора

раза больше. Ограничивал плановый размах дефицитный родитель. В первом творческом озарении мыслилось создать повсеместно дома колхозных ребят и в ораве обобществлённой нищеты растворить надоевших всем беспризорников.

Колхозникам идея непорочного зачатия совсем не понравилась. Но отбросили её в сторону не в согласие с их взглядами. Беспризорников было очень много и прятать надлежало срочно. Пришлось работать с детьми в розницу. Планы патронирования разбросили по районам, которые разверстали контрольные цифры по сельсоветам. Последним предписывалось обеспечить поступающих детей родителями. При этом разрешалось обещать согласившимся на усыновление разовую денежную помощь 200 рублей, что эквивалентно затратам на месячное содержание ребёнка.

Партийные органы, впадая в предельный маразм, советовали передавать сирот передовикам производства. Самые смышлёные из номенклатурных работали на стыке политики и подлости. По постановлению ЦК ВКП(б) шла борьба с бескорностью колхозников. Наделение молодняком местами остороженько связали с согласием принять на воспитание пару-одного детдомовца.

В голодающей деревне сердобольных оказалось всё-таки недостаточно. На усыновление поднимается душа только у движимого подлинным состраданием. Соотечественника вроде бы не укоришь черстводушием. Но к тому времени голодом обморозило многие семьи, подобрало старых и самых малых. И брать приёмышей, чтобы пережить боль потерь сызнова, никто не решался. Знали точно, что теперь в сытых не ходить. От власти, как цыгана, продающего кобылу, увернуться трудно. Особенно совестливым. Не хочешь усыновлять, осторожно заводишь она слабодушного в оглобли, подпиши договор на патронирование. Хотя бы на годик.

Сразу скажу, что никакой разницы между усыновлением, связанным с изменением фамилии детдомовца, и патронированием, обязательством кормить и воспитывать в течение оговорённого срока, не было.

Власть врала во все тяжкие, дабы поскорее сбыть беспризорников. Принимать детей по окончании срока патронирования не собирались, мифом отлетели в историю и те двести рублей, обещанные опекуну к выплате из местного (!) бюджета. "Средств на патронирование не выделено, - жалуется провинциальный подвижник областному, - опекуны согласно заключенным договорам предъявляют к нам требование об уплате по 200 рублей на человека. Не все пока требуют выполнения этого пункта договоров, но сейчас нужно срочно 600 рублей. В дальнейшем нужно иметь резервные средства на патронирование".⁴⁸

От патронированных часто отказывались или сводили их пребывание в семье к простому батрачеству. Сменив две-три семьи, подростки возвращались в подзаборный режим абстрактных сирот Страны Советов, жили в банях, на скотных дворах, при колхозных конторах.

Фрагмент отчёта Свердловского облоно за 1936 год. "Запатронировано 6 315 детей, из них живут в хороших условиях 1 045, удовлетворительно - 3 043, плохо - 396 человек. Усыновлено 1000 детей..." Из плана прошлого года, указывается дальше, не запатронировано 600 человек. Из них живут при правлении колхозов 300 человек, при школах - 118, в дошкольных учреждениях - 181 ребёнок.⁴⁹ Кто жил в банях и на конюшнях? Посчитайте сами по отчёту тридцать шестого.

Эта записка нервно прыгающими каракулями смахивает на те, перед которыми благоговеют академические авторы томов про социалистическое процветание. На последние наставления уже умственно помятого вождя мирового пролетариата. Исторической ценности письмо уральской крестьянки Ольги Кручининой не имеет. Разве что иллюстрация второго плана.

"Наша семья бедная, по социальному происхождению бедняки, но нам дана девушка беспризорная Лидия Паршина семи лет из детдома на наше воспитание. Но мы её прокормить не можем, ни воспитывать, ни одевать не в силах... Поэтому прошу Вас девушку

Лидию Паршину взять с моих рук и передать её в детдом или на воспитание другим, так как мы её воспитывать не в силах..."⁵⁰ О судьбе несчастной девочки история больше не вспоминает. Справка сельского совета удостоверяет абсолютную нищету принудительно назначенной мамыши.

Идея может быть бедна, но к совершенству путь богаче. Опуская дальнейшие и вообще-то интересные перипетии кампании, притронемся к огранённому временем готовому продукту. Изыскательно заглядывать в колхозников очи никто не стал. Под руку подвернулось коллективное патронирование. Нашли папашу с побитой юридической физиономией. Вытолкнутых из соцвеса детей сдавали по договору колхозам, никакой волокиты. Чтобы те не увернулись от принудительного благодеяния, коллективное патронирование выделили особой и главной статьёй планового детораспределения.

К моменту принятия конституции победившего социализма в уральском сирогообороте царило строгое совершенство. Кулачат комплектовали в группы по месту высылки и садили в вагон. У конвоира в кармане френча покоился вид на будущее - "При сём направляются для устройства сироты Вашей области". Областные отделы просвещения тотчас же расписывали и оказией расталкивали гостей по районам. В сопроводительных документах дважды ссыльные именовались "сиротами Вашего района". В плече от райцентра до родного сельсовета их сиротский статус ещё раз конкретизировался. Если родственник куст был вырублен полностью, ребёнок становился колхозным приёмом.

Сядем и мы в голубой вагон с сиротами Страны Советов. Отложим до лучших минут взятую в киоске пресс-порнуху дней нынешних и взглянемся в светлое прошлое.

Чердынский район отправляет в Еловский район сирот-спецпереселенцев из штата переполненных детских домов. "Вместо октября месяца, - читаем о прелюдии событий, - дети в числе 101 человека из Красной Вишеры были отправлены только лишь 15

декабря 1934 года. Причём Еловский район детей не принял, так как план патронирования по ним был выполнен за счёт других районов. Тогда по распоряжению Облоно дети были распределены так: 59 человек в Воткинск, а 42 человека в Алапаевск".

Поехали. "Организация переброски детей в числе 101 человека, в возрасте от 3 до 6 лет (до 11 лет было только 10 человек) поставлена исключительно безобразно. Дети за всё время пути находились в чрезвычайно плохих условиях: 1) из Вишеры дети были доставлены на станцию Соликамск 15 декабря 1934 года, при отправлении их из детдома воспитательнице Селезнёвой (член ВЛКСМ), сопровождавшей детей, не было дано денег для покупки билетов..."

Ребятишки три дня сидели на вокзале голодом, после всю сотню погрузили в один вагон. "При отъезде из Вишеры дети не были снабжены одеждой, 50% были полураздеты настолько, что у них выглядывало голое тело, а остальная часть имела ветхую оборванную одежду. Запасного белья на дорогу выдано не было, и дети в течение двух недель ехали в грязном несменяемом белье. В вагоне дети не имели посуды для кушания и питья, на 101 человека было только три кружки. В пути следования дети не имели горячей пищи, хлеба было мало и даже ввиду отсутствия посуды водой снабжались недостаточно..."

В Воткинске встреча детей не была организована..." Опираясь на вокзале голодом. Полсотни детишек попытались устроить в холодном заброшенном и без стёкол доме. Воспитатель Селезнёва категорически отказалась оставлять детей на морозе и привела их в городской комитет ВКП(б). Остальная часть сиротской партии продолжила круиз и 27 декабря прибыла в город Свердловск. Через пару дней их погрузили в поезд на Алапаевск.⁵¹

Один этап на пути к принудительному усыновлению сироты благополучно преодолели. История ничего не говорит о том, как они добирались до деревень, попали ли они к добрым людям или отчимом стал колхоз...

Почти весь этот детский балласт социализма, прошлёпавший босыми сердцами путь от сироты Страны Советов до сироты колхоза, вымер в войну и обрамляющих её голодах. Только самые памятливые соотечественники могут вспомнить размытые временем лики Вань Патронированных, Митек Приёмшей, Федь Беспризорных, других властью пришибленных и составляющих вкупе с насилием небогатую экзотику деревенского детства.

Вот и в нашем околотке жил исполкомовским прикормышем запоздалый умом и трахомный Поликуша. Из патронированных. Жил, как он сам любил говорить, везде. Нищенствовал, вполуслепую тянул с телег у райкомовской коновязи котомки приезжих, потрошил их за огородами, интересуясь только съестным, остальное топил в озере. Им пугали детей, обижали деревенских невест, сватая его, грязного и оборванного, в женихи, насмехался всякий конный и пеший. Был Поликуша дурачком добрым, малообидчивым. Уж если станет совсем немого, если допекут до костей, обзывая на народе Поликарп Ебёнычем, дико круглил глаза и выдавал на всю улицу коронное:

Советская власть -

Не наелся, а вылазь.

Девки, по миру бегите,

Чтобы жопа не срослась!

Злоязычники в ужасе шарахались по сторонам. А с дурака какой спрос? Но единожды, видимо, спросили, исчез он совсем. Вдоль деревни прошелестел слух, что Поликуша только косил под смурного, а на самом деле был махровым американским шпионом. После войны в моду вошли шпионы заокеанские.

Мои двоюродные тётки-инвалидки, известные в деревне как фенины девки и лечившие сулеймой все мужские недуги от триппера и выше, всполошились. Американский агент, помню, иногда ревизовал украденные котомки у нас в голбце. Под полом он съедал потребное, а нужные в хозяйстве вещи дарил покровительницам. Из боязни, что на допросе американец расколется, трофейный нож с фашистским орлом,

алюминиевую и две эмалированные кружки зарыли в огороде. Бумаги, слава богу, догадывались сжигать.

В истории государства советского трудовая деятельность, особенно подростков, всегда подавалась эмоционально-героически. Да и вправду, посмотрите на нынешних вальяжных, сексуально скороспелых оболтусов, и раздражение само собой настроит на ностальгию по самоотверженности и гражданской зрелости подростков тех далёких лет. Самому автору летние месяцы детства, проведённые в сапожной мастерской, на кирпичном заводе и колхозном току, кажутся теперь розовыми.

Путь из детдомовцев в энтузиасты начинался в четырнадцать лет, а то и раньше, если тебя угораздило вымахать крупнее сверстников. По нормативным документам, достигшие трудовой зрелости подлежали немедленной отправке на промышленное производство. Детдома таковые, как перестарки, оскверняли отчёты и отягощали бюджет, предприятия тоже не распахивали в радости объятий. Трудресурс был мелкий, нервный и анархичный, к тому же разутый-раздетый и без жилья. Всё уладила партийная директива, обязывающая областные отделы народного просвещения и облпромсоветы заключить договоры на поставку-приём воспитанников детдомов в возрасте 14-16 лет.⁵²

Высокие договаривающиеся стороны жульничали каждая по-своему. Приюты завывали возраст выталькиваемых в люди, предприятия, либо ссылаясь на отсутствие рабочих мест и жилья, уныло разводили руками, либо возвращали подростков при первом же нарушении трудовой дисциплины, объяснялось невыполнение планов трудоустройства, имелись и такие, объяснялось ещё проще.

“В горсовет прибыл представитель Свердловского облоно, - сюжет из героической Магнитки, - с требованием трудоустроить в цехах комбината имени Сталина 100 человек детей из детдомов Свердловской области. В Магнитогорске имеется три детдома и один детприёмник-распределитель, из которых надо вывести и трудоустроить детей... Горсовет не может

принять детей из Свердловской области. Кроме детей, находящихся в детдомах и приёмниках, в городе имеются дети-сироты... Горсовет не может устроить даже своих детей...»⁵³

В союзной радиоперекличке по данному вопросу председатель детской комиссии ЦИК Семашко сказал, что Свердловская область идёт твёрдыми шагами по пути перековки детдомовцев в рабочий класс. В Казахстане, добавил он для сравнения, дела обстоят хуже, а в Челябинской области даже из рук вон плохо. Всё правильно, просвещенцам я сочувствую, но должно бы понять, что вал беспризорщины катился с севера на юг.

Чуть позднее кампания усыновления сирот рабочим классом подняла мутный поток эмоций. Секретариат ВЦСПС специальной директивой за подписью Шверника (ноябрь 1937 года) ультимативно требовал всколыхнуть на дело широкую советскую общественность и в меру профсоюзных сил призывать «оказывать всяческое внимание и заботу, привлечь для шефства жён ударников, руководителей и т. д.».

«Выпуск воспитанников-переростков из детдомов на производство, - фрагмент искреннего возмущения начальника управления детдомов и спецшкол Наркомпроса СССР, - идёт крайне неудовлетворительно. Наличие переростков во многих детдомах не даёт возможности принять в последние детей-сирот, крайне нуждающихся в размещении в детдомах».⁵⁴

Слезам обмокали деловые бумаги, судорогами жалости к пятнадцатилетним безработным перестаркам и мыкающим вне соцвоса сиротам свело сердце у всех причастных вплоть до прокуратуры. Пик отрицательных эмоций пришёлся на тридцать ежовские, что даёт основания полагать - не во спасение детских, а собственных душ демонстрировалась печаль. Убитого горем не грабят, правильно рассуждали скулящие и втуне надеялись, что их-то минует топор взъярившихся энкавдоюг.

Малолетки, раскидываемые по предприятиям безжалостной рукой государства-отчима, плохо вживались в ядрёную советскую действительность и, в

конце концов, основали ту часть класса-гегемона, жизненные интересы которой легко замыкались на куске хлеба насущного. Его самую забитую и безответную часть. Смутные инстинктивные позывы к самостоятельности - обычно пьяный кураж, в той степени осоловелости, когда условные идеологические рефлексы оглушались алкоголем, сменялись ещё большей покорностью, смешанной с чувством вины.

«Саня! Если бы ты знал, как жить хочется!» - махом распускал на себе рубаху сосед по станку и сороковскому общежитию Миша Орлов и лил озлобленно-пьяные слёзы по своей судьбе, отвалившей ему нищету, ремеслуху и гаммалучистый сквозняк запретной зоны. Случалось такое регулярно после второго «ну, вздрогнем» - гранёного стакана водки под ободок, если бутылку фасовать на двоих с половиной. Получив разрешение жить и дальше, он благодарил и больше не лез в риторику до самого отключения. А вообще Миша был добрым и тихим малым.

К концу тридцатых трудоактивную часть населения замордовали лесозаготовками и великими стройками. Успела надоесть пропаганда женского энтузиазма. Власть взяла за бока счастливое детство. Пошли разнарядки и планы на принудительное привлечение детей в производство. Анархизм первого опыта выжгли карами. Каждый детдомовец, достигший четырнадцати лет, становился теперь государственной тягловой единицей.

Времена и родину не выбирают, из них можно только при случае выбраться. Воспитанники приютов вместе с путёвкой в большую жизнь получили и героическую юность, начавшуюся с режима ежовых рукавиц. Указ Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года обязал «ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) по два человека молодёжи мужского пола в возрасте 14-15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 16-17 лет в школы фабрично - заводского обучения на каждые 100 членов колхозов...»⁵⁵

Всю систему детдомов и детских реформаториев, так любовно приучали называть колонии для малолет-

них, прошли директивы о мобилизации воспитанников в государственные трудовые резервы. Вчерашний людской мусор оказался мясом индустриализации. Мобилизацию детворы провели и в живущей на комendantском режиме ссылке. В спецпосёлках оставались старики да больные. Деревня встретила указ своеобразно, в течение почти двух десятилетий ремесленные училища стали единственной щелью, через которую можно было улизнуть с колхозной каторги.

Летом того же года указом Верховного Совета СССР запретили под страхом уголовного наказания переход с одного предприятия на другое. Мы стали нацией приписных рабов. До героической самоотверженности военных лет оставалось немного. Указ той же инстанции от 28 декабря 1940 года объявил уголовным преступлением самовольный уход из ремесленного училища или школы ФЗО. Шаг в сторону от столбового пути в пожизненное рабство карался тюрьмой или лагерем. Детей перевели на режим каторги взрослой. На Урале большие тысячи подростков поплатились свободой за попытку по-своему распорядиться судьбой.

Через полтора года специальным постановлением СНК СССР об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества под трудовую мобилизацию попала самая юная часть ссыльного сиротства, уже почти не помнившая ни родной деревни, ни родителей. Была война, под принудилровку пошло всё детство страны. Последнему “кулацкому” подгону, ни разу не евшему досыта, выпала наиболее героическая доля. Всю войну отстоять у эвакуированных станков, сжигая себя в чахотке и голоде, а тем, что постарше, успеть ещё годик-другой повоевать.

Заглянувший в отчёты не только уральских карательных органов времён начала войны найдёт под дёрном полвека культивируемой самоотверженности следы третьего фронта той бойни и поймёт, во что нам обошёлся героизм тыла. Память о погибших в борьбе с фашизмом как-то храним. Но входят ли в восьмизначное число наших потерь жертвы тыловых совет-

ских карателей? Или не будем задаваться каверзными вопросами и нырнём совестью за побитые молью победные хоругви. Всё, что касается войны, пока свято.

Закончу главу письмом классической сироты. Варвары Степановны Сидоровой, высланной ребёнком из деревни Баженово Лебяжьевского района. “Нас, всю семью, восемь человек, выгнали в баню, увели лошадь и корову. Приехали ночью и увезли всё, что можно было: хлеб, овёс, сено. Дрова, вещи, какие были, детские пимы и подушки хватили из рук мамы и бросали на подводу.

Грабили как могли, а потом мы видели, как женщина, которая приезжала ночью, носила мамины, нажитые ещё в батрачках, юбки и платки. А полотенца, которые мама вышивала ещё в девках, до сих пор висят в одном доме. Сами-то не хотели зарабатывать в батраках, вот и грабили. И ещё угрожали, кнутом махали, сквернословили: “Молчи, кулацкая морда!”

Поздней осенью свалили нас в телегу и отвезли на станцию Лебяжье, там на полу, голодные и раздетые, ждали эшелон. Нас охраняли с винтовкой, даже детей без охраны не выпускали по нужде. Один маленький ребёнок у нас умер в то время. Погрузили нас в товарные, телячьи, вагоны, как скотину, и повезли неизвестно куда. Этого мне даже сейчас не описать. Везли на верную гибель, на Север, на лесозаготовки. Где строился Беломор-канал имени Сталина.

Разгрузились около тайги в снег... Много помню, и пока сердце бьётся, не забуду всех этих пыток и страданий, которые достались на нашу семью. Отец через месяц умер, мама заболела тифом, ревматизмом и дистрофией...

Мы выжили только потому, что убегали просить Христа ради, нам подавали корочки, спали и прятались на кирпичном заводе, где калят кирпичи. За 10 километров относили корочки маме и брату, он работал на лесозаготовках, ему было 18 лет. Он пил солёную воду, говорил, не так хочется есть. От голода, холода, работы и солёной воды он опухал. А мы, четверо малолеток (14, 10, 7 и 5 лет), убегали и прята-

лись. Маму садили в холодную за то, что мы убегали. А из холодной её выносили на носилках... Уже нет давно в живых наших родителей и старших братьев, но до сих пор болит душа за всё пережитое..."

Позднее Варваре Степановне и двум её старшим братьям пришлось ещё повоевать на фронтах Великой Отечественной. За нашу Советскую Родину. Братья вернулись инвалидами и, как большинство окопных фронтовиков, протянули не долго.

Источники информации

Принятые сокращения

ГААОСО - Государственный архив административных органов Свердловской области.
 ГАКО - Государственный архив Курганской области.
 ГАОПДКО - Государственный архив общественно-политической документации Курганской области.
 ГАСО - Государственный архив Свердловской области.
 ГАТО - Государственный архив Тюменской области.
 ГАЧО - Государственный архив Челябинской области.
 ТОЦДНИ - Тюменский областной центр документации по новейшей истории.
 ЦДНИ ЧО - Центр документации по новейшей истории Челябинской области.
 ЦДОО СО - Центр документации общественных организаций Свердловской области.
 Названия других архивных учреждений даны полностью.

Глава первая. По миру с уголовным кодексом

1. Сборник статей по статистике Урала. Свердловск. 1927.
2. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 923.
3. Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск. 1927. Стр. 77.
4. Там же, стр. 96; ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 897, Сельское хозяйство округа в 1929 году.
5. Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск. 1927. стр. 89.

6. ГАСО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 347. Л. 1.
7. ГАСО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 947. Л. 4.
8. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 353. Л. 52.
9. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 99.
10. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 980. Л. 1; ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 356. Л. 4.
11. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 98. Л. 159.
12. Там же. Л. 16.
13. Пугачёвщина. Центрархив. 1933. Т. 3. Стр. 75.
14. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 980. Л. 125.
15. Там же, стр. 130.
16. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 204. Л. 45.
17. ЦДНИ ЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 564. Л. 88.
18. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 980. Л. 65.
19. Там же. Л. 56.
20. ЦДНИ ЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 563. Л. 9.
21. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 17.
22. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 204. Л. 32.
23. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 979. Л. 22.
24. ГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 1974. Л. 5.
25. История советской социалистической экономики. М. 1977. "Наука". Т. 3. Стр. 484.
26. ГАЧО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3138. Л. 118. Про спекулянтов здесь просто так, для выигрышного заднего плана.
27. ЦДНИ ЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 740. Л. 75.
28. Газета "Красный Курган". 1930. 14 апреля.
29. В отличие от НКЮ и прокуратуры, предпочитающих штрафные санкции, родная партия всегда стояла на том, что недоимщиков вслед за этим надо садить.
30. ТОЦДНИ. Ф. 46. Оп. 7. Д. 52. Л. 5.
31. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 874. Л. 61.
32. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 353. Л. 2.
33. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 863.
34. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 979. Л. 25.
35. "КПСС в резолюциях..." М. 1984. Т. 4. Стр. 237.
36. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 668. Л. 1.
37. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1086. Л. 11.
38. Напоминание о жёстком контроле за товарными ресурсами присутствует в каждой секретной московской депеше начала 1928 года: от 6, 8, 14, 26 января, 13 февраля...
39. Там же.

40. Сообщениями о продовольственном дефиците полны и гражданские документы. Интерес к вопросу политического сыска обусловлен профессиональной подозрительностью к любому скоплению озабоченных соотечественников.
41. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1394. Л. 147.
42. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 62.
43. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. СР-5. Л. 4.
44. ЦДНИ ЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 743. Л. 30.
45. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1470. Л. 24.
46. ЦДНИ ЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 743. Л. 41.
47. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 980. Л. 47.
48. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. СР-5.
49. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 904. Л. 176.
50. Там же. Л. 181.
51. Там же. Л. 178-180.
52. ГАЧО. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 157. Л. 35.
53. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. СР-5. Л. 39.
54. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 985. Л. 65.
55. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1693а. Л. 282.
56. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1470. Л. 55.
57. Газета "Красный Курган". 1930. 4 июня.
58. "Прокатил нас Петруша на тракторе" - так остроумно называлась статья в "Комсомолке", излагающая песенный сюжет нетрадиционно правдиво.
59. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1470. Л. 56.
60. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 985. Л. 47.
61. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1470. Л. 43.
62. ГАТО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 6. Л. 144.
63. ЦДНИ ЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 566. Л. 596.
64. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 985. Л. 203.
65. Там же. Л. 43-47.
66. Там же.
67. СЗ. 1930. № 34. Стр. 301.
68. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1470. Л. 24.
69. ГАЧО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1963. Л. 181.
70. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1683а. Л. 181.
71. ГАЧО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1963. Л. 204.
72. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 913. Л. 13.
73. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1693а. Л. 283.
74. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. СР-1.

75. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1027. Л. 21.
76. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1076. Л. 22.
77. Служители культа были в особом интересе комсомольского варварства. То, что они натерпелись, заслуживает самостоятельного исследования.
78. ГАЧО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2699. Л. 38-39.

Глава вторая. Рождество колхозное

1. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 985. Л. 70.
2. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 985. Л. 56.
3. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 473. Л. 57.
4. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 132.
5. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 132.
6. ГАОПДКО. Д. СР 1-а. Л. 9.
7. ГАОПДКО. Д. СР 1-а. Л. 9.
8. "История социалистической экономики СССР". М. 1977. Наука. Т. 3, Стр. 328-328.
9. Газета "Правда". 1929 год. 3 ноября.
10. КПСС в резолюциях... Т. 4. Стр. 357.
11. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 61.
12. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 352. Л. 46.
13. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 76. Л. 80.
14. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 331.
15. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 155.
16. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 76. Л. 257.
17. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 76. Л. 346.
18. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 76. Л. 206.
19. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 922. Л. 129.
20. Сталин И.В. Соч. Т. 12. Стр. 166-169.
21. Газета "Правда". 1930 год. 11 января.
22. Там же.
23. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 35.
24. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 922. Л. 234.
25. ГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 2719.
26. Газета "Красный Курган". 1930. 15 января.
27. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 120. Л. 39-40.
28. Цит. по: Документы свидетельствуют. М. 1989. Стр. 304-306.
29. Некорректность таких расчётов заключается в следующем. Ради сокращения налогов частное хозяйство

- умышленно скрывает от учёта истинные размеры собственности и производства. Бюрократическая советская экономика, наоборот, склонна к туфте и статистическим подлогам. Что до скота, то в тридцатые годы многие регионы неоднократно попадались на двойном его учёте.
30. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 486. Л. 227.
 31. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 486. Л. 295.
 32. СЗ. 1930. № 6. Стр. 66.
 33. СЗ. 1930. № 9. Стр. 105.
 34. Газета "Красный Курган". 1930. 30 января.
 35. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1027. Л. 108.
 36. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 26.
 37. ГАТО. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 43.
 38. Там же.
 39. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 92.
 40. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 71.
 41. ГАТО. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 43.
 42. "История социалистической экономики СССР". М. Наука. 1977. Т. 3. Стр. 327.
 43. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1027. Л. 88.
 44. Газета "Красный Курган". 1930. 19 апреля.
 45. Газета "Красный Курган". 1930. 28 января.
 46. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 463. Л. 203-204.
 47. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 29.
 48. СЗ. 1930. № 9. Стр. 105.
 49. ЦДОО СО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 94.
 50. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 91.
 51. Там же. Л. 29.
 52. ГАКО. Ф. 319с/804. Оп. 1. Д. 6. Л. 32.
 53. ГАТО. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 24.
 54. Там же. Л. 32.
 55. ЦДНИ ЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 641. Л. 28.
 56. Там же. Л. 29.
 57. Там же. Л. 62.
 58. ЦДНИ ЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 722 "а". Л. 792.
 59. В данном и последующем случае приведены типичные документы выдворения крестьян с родины.
 60. ГАКО. Ф. 492. Оп. 2. Л. 254.
 61. ГАОПДКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 36. Л. 35. Вот таких документов реабилитированные дети ссылки в делах роди-

телей не найдут. Как свидетельства явного большевистского лицемерия подписки хранились в архивах партийных.

62. ГАКО. Ф. 319с/804. Оп. 1. Д. 18. Л. 36.
63. ЦДНИ ЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 641. Л. 61.
64. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 908. Л. 82.
65. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 26.
66. Там же. Л. 26.
67. Там же. Л. 127.
68. ГАТО. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 53.
69. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 75.
70. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 908. Л. 28.
71. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 924. Л. 8.
72. Подобные директивы прошли буквально во всех районах Урала. Содержательное различие состоит лишь в том, что параллельное указание о немедленном освобождении домзаконников от уголовщины (хоть на время домой распустили) либо идёт спецдирективой по линии карательных органов, либо включено в документ райкома ВКП(б).
73. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 922. Л. 274.
74. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 447.
75. Там же. Л. 27.
76. Там же. Л. 28.
77. Там же. Л. 447.
78. ГАТО. Ф. 865. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.
79. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 225.
80. Там же. Л. 40.
81. Там же. Л. 141.
82. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ.
83. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 181. Л. 149.
84. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 81.

Глава третья. Трудодень за лень

1. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 57. Л. 244.
2. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 240.
3. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 922. Л. 176.
4. Газета "Красный Курган". 1930 год. 5 апреля.
5. Газета "Красный Курган". 1930 год. 16 апреля.
6. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1076. Л. 121.
7. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 192.

8. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 108. Л. 50. Надо сказать, что стрижка коммунаров, практикуемая в районах интенсивного советского земледелия, была последней стадией женской пролетаризации. Таковой предшествовало принудительное изъятие в фонд коммуны семейных ценностей, украшений, второй смены белья. Другие (кроме волос и тяги) естественные достоинства женщины денежно не котировались, ибо большевистское пуританство стоит на том, что коммунарка есть существо непосредственно общественного пользования.
9. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 57. Л. 190.
10. Газета "Красный Курган". 1930. 6 июля.
11. Там же. 17 июля.
12. ЦГА РСФСР. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.
13. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 57. Л. 218.
14. Опыт Щучанского и других агрогородов уже тогда доказал, что строительство социализма даже в отдельно взятом районе совершенно невозможно. Жаль, что суд не вынес по данному поводу хотя бы частного определения.
15. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 120-122.
16. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 4. Л. 33.
17. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 139.
18. Там же.
19. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 4. Л. 112.
20. Газета "Красный Курган". 1930. 7 октября.
21. ГАСО. Ф. 148с/91. Оп. 1. Д. 33. Л. 87-89.
22. Газета "Красный Курган". 1930. 9 октября.
23. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 978. Л. 31.
24. ЦДНИ СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 954. Л. 13.
25. Там же.
26. Там же. Л. 101-103.
27. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 32 "а". Л. 174.
28. ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 119. Л. 59.
29. ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 115. Л. 5.
30. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 978. Л. 84.
31. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 133. Л. 6.
32. ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 7. Д. 66. Л. 112.
33. ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 29. Л. 15.
34. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 69.
35. Там же. Л. 71.
36. ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 124. Л. 89.

37. ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 192.
38. ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 184.
39. Там же. Л. 197.
40. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 32 "а". Л. 103.
41. Данное обязательство можно принять за предтечу гулаговской "демократии". Принципы таковой изложены во "Временном положении о правах и обязанностях спецпереселенцев", подписанном начальником ГУЛАГа ОГПУ Коганом, "Инструкции о формах привлечения спецпереселенцев к охране порядка в посёлках" и других правозащитных документах.
42. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 49.
43. ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 119. Л. 15.
44. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 978. Л. 64.
45. Там же. Л. 54.
46. Там же. Л. 88.
47. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 241. Л. 29.
48. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 978. Л. 55.
49. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 234. Л. 113.
50. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 954. Л. 239.

Глава четвёртая. Дедушкин указ

1. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 235. Л. 56.
2. Там же. Л. 58.
3. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 225.
4. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 242. Л. 39.
5. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 6. Л. 121.
6. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 6. Л. 117.
7. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 299.
8. Постановление ЦИК и СНК от 20 мая 1932 года. Через три месяца кары за свободную торговлю подтянут до уровня репрессий по дедушкиному указу.
9. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 242. Л. 119.
10. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 299.
11. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 234. Л. 124.
12. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 300.
13. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 6. Л. 85.

14. Газета "Правда". 1932. Август.
15. ГАСО. Ф. 91/с-148р. Оп. 2. Д. 96.
16. Директива всерайонного применения. К охране хлебов допускались партийные, комсомольцы, часть сочувствующих, но с обязательным разрешением уполномоченного от райкома партии, РИКа, а всего лучше - от ГПУ.
17. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 42. Л. 199.
18. ГАСО. Ф. 1854. Оп. 3. Д. 51.
19. ГАЧО. Ф. 374. Оп. 3. Д. 4710.
20. ЦДОО СО. Ф. 4. Д. 239. Л. 9.
21. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 2. Д. 188.
22. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 44. Л. 15.
23. Газета "Челябинский рабочий". 1934. 1 августа.
24. Там же.
25. ГАСО. Ф. 91/с-148р. Оп. 2. Д. 96. Л. 14.
26. Там же. Л. 32.
27. Там же. Л. 104.
28. Там же. Л. 105.
29. Там же. Л. 106.
30. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 32.
31. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 2.
32. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.
33. ГАСО. Ф. 148. Оп. 6. Д. 9.
34. Там же.
35. ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 6. Д. 95.
36. ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 6. Д. 23.
37. ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 6. Д. 39.
38. ГАСО. Ф. 91/с-148р. Оп. 3. Д. 303.
39. ТОЦДНИ. Ф. 995. Оп. 1. Д. 156.
40. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3830. Л. 12.
41. Газета "Красный Курган". 1932. 27 сентября, 8 декабря.
42. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3830.
43. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 2-3.
44. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 12. Л. 65.
45. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.
46. Куцый в первой редакции дедушкин указ со временем оброс массой директив, прописывающих особенности его применения во всех отраслях и сферах советской жизни.
47. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
48. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 12. Л. 79.
49. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 90.

50. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 236. Л. 120.
51. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 226. Л. 50.
52. Там же.
53. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 186. Л. 2.
54. Газета "Красный Курган". 1933. Март.
55. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 225. Л. 105.
56. Там же. Л. 95.
57. ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 115. Л. 6.

Глава пятая. Сирота Страны Советов

1. ГАСО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 8. Л. 156.
2. Фамилия и имя репрессированной, а равно и её родителей, изменены. Основной довод - красные снова на улицах.
3. ГАКО. Ф. 315. Оп. 4. Д. 2. Л. 53.
4. Там же.
5. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 50.
6. ЦДОО СО. Ф. Оп. 10. Д. 238. Л. 50.
7. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 56.
8. ГАКО. Ф. 319с-804. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.
9. ГАКО. Ф. 319с-804. Оп. 1. Д. 12. Л. 197.
10. ГАКО. Ф. 319с-804. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.
11. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1854. Л. 100.
12. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1583. Л. 119, 244.
13. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1576.
14. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1854. Л. 1.
15. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1583. Л. 27.
16. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 437. Л. 141.
17. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1583. Л. 55.
18. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1854. Л. 100.
19. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1613. Л. 39.
20. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1854. Л. 1.
21. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 216. Л. 47.
22. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 526. Л. 1.
23. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 526. Л. 6.
24. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1377. Л. 13.
25. ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 2. Л. 56.
26. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1613. Л. 167.
27. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 312. Л. 8.
28. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1613. Л. 156.
29. Там же.

30. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 526. Л. 68.
31. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 312. Л. 19.
32. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1613. Л. 68.
33. Там же. Л. 173.
34. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1854. Л. 9.
35. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 5. Л. 56.
36. Там же. Л. 55.
37. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3674.
38. ГАЧО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.
39. Там же.
40. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 142.
41. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 525. Л. 11.
42. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 67. Л. 21.
43. Там же.
44. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 410.
45. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 486. Л. 1.
46. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 142. Л. 61.
47. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 58.
48. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 67. Л. 14.
49. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 411. Л. 23.
50. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 61.
51. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 150. Л. 59.
52. Кто усомнится в том, что эта инициатива подавалась как сердечная забота о детдомовцах? Да так оно и было. Советская власть по ошибке, выяснилось через шестьдесят лет, сделала их сиротами. А в остальном - совершенно безгрешна...
53. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 67. Л. 11.
54. Там же. Л. 22.
55. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 363.

Оглавление

От автора.....	3
Акционерное общество имени Ильича.....	5
Глава первая - По миру с уголовным кодексом.....	13
Глава вторая - Рождество колхозное.....	103
Глава третья - Трудодень за лень.....	173
Глава четвёртая - Дедушкин указ.....	247
Глава пятая - Сирота Страны Советов.....	317
Источники информации.....	403

Александр БАЗАРОВ

*Честно и просто писателем
Базарову. Это описано в этой
книге, как коммунистический
режим давал трагедию крестьян
в XX веке. Пусть наши потомки
ДУРЕЛОМ, угнут и
или не знают в
ГОСПОДА ~~дворянства~~
КОЛХОЗНИКИ*

КНИГА ПЕРВАЯ

Набор и компьютерная верстка – А. Базаров
Корректор Т. Мельникова

Формат 84x108 1/32. Объем 21,84 усл. печ. л.
Тираж 5000. Заказ 4087.

Отпечатано с диапозитивов заказчика в государственном издательско-
полиграфическом предприятии "Зауралье"
640627, г. Курган, ул. К. Мяготина, 106

Рабочий №

1 ЕУГОДНИКОВ
ИВАН ИВАНОВИЧ

4 Производственный стан

6. Профстаж 1932 г

за работа СТРОЛАР

ения в хозрасчетную бригаду ударную

нижки ударника 19 декабря 1933 г

ате Ш (подпись)

тора по совеща (подпись)

ШЕСТЬ РЕШАЮЩИХ УСЛОВИИ ПОБЕДЫ

- 1 «Организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами, механизировать труд»
- 2 «Ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих»
- 3 «Ликвидировать обвешивку, улучшить организацию труда, правильно расставить силы на предприятии»
- 4 «Добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственно-техническая интеллигенция»
- 5 «Изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе»
- 6 «Внедрить и укрепить хозрасчет, накопление»

СТАЛИН

